

Виктор Эдуард Приб
ФАУСТ
трагедии первая часть

Поэтический перевод
трагедии первой части
Иоганна Вольфганга фон Гёте
на русский в сопоставление с оригиналом

Содержание:

<i>Vorwort des Übersetzers</i>	8
<i>Предисловие переводчика</i>	9
<i>ZUEIGNUNG</i>	24
<i>VORSPIEL AUF DEM THEATER</i>	28
<i>ПРЕЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ</i>	29
<i>PROLOG IM HIMMEL</i>	48
<i>ПРОЛОГ В НЕБЕ</i>	49
<i>DER TRAGÖDIE ERSTER TEIL:</i>	60
<i>NACHT</i>	60
<i>ТРАГЕДИИ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ:</i>	61
<i>НОЧЬ</i>	61
<i>VOR DEM TOR</i>	104
<i>ПЕРЕД ВОРОТАМИ</i>	105
<i>STUDIENZIMMER</i>	142
<i>УЧЕБНАЯ КОМНАТА</i>	143
<i>STUDIENZIMMER (II)</i>	176
<i>УЧЕБНАЯ КОМНАТА (II)</i>	177
<i>AUERBACHS KELLER IN LEIPZIG</i>	232
<i>ПОДВАЛ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ</i>	233
<i>HEXENKÜCHE</i>	272
<i>КУХНЯ ВЕДЬМЫ</i>	273
<i>STRASSE</i>	308
<i>УЛИЦА</i>	309
<i>ABEND</i>	318
<i>ВЕЧЕР</i>	319
<i>SPAZIERGANG</i>	332
<i>ПРОГУЛКА</i>	333
<i>DER NACHBARIN HAUS</i>	340
<i>ДОМ СОСЕДКИ</i>	341
<i>STRASSE (II)</i>	364
<i>УЛИЦА (II)</i>	365

<i>GARTEN</i>	372
<i>САД</i>	373
<i>WALD UND HÖHLE</i>	396
<i>ЛЕС И ПЕЩЕРА</i>	397
<i>GRETCHEN STUBE</i>	412
<i>ГОСТИНАЯ ГРЕТХЕН</i>	413
<i>MARTHENS GARTEN</i>	416
<i>МАРТИН САД</i>	417
<i>AM BRUNNEN</i>	434
<i>У КОЛОДЦА</i>	435
<i>ZWINGER</i>	440
<i>NACHT (II)</i>	444
<i>НОЧЬ (II)</i>	445
<i>DOM</i>	462
<i>СОБОР</i>	463
<i>WALPURGISNACHT</i>	470
<i>ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ</i>	471
<i>WALPURGISNACHTSTRAUM</i>	514
<i>СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ</i>	515
<i>TRÜBER TAG. FELD</i>	536
<i>ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ</i>	537
<i>NACHT. OFFEN FELD</i>	544
<i>НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ</i>	545
<i>KERKER</i>	546
<i>ТЕМНИЦА</i>	547

Johann Wolfgang von Goethe

FAUST

der Tragödie erster Teil

Zueignung des Übersetzers

Gescherzt mit dir mal über Goethe,
Sah ich mich als der Doktor Faust.
Das, zwischen uns, ist längst in Lethe,
Doch Liebe zu dir ist nicht aus!

Um meinem Dasein Sinn zu geben
Und zu entfliehn Alltäglichkeit,
Mal da, mal hier schuf ich vergebens
Das Etwas für die Ewigkeit!

Und dann, enttäuscht von kleinem Sinne
Von all dem unsinnigen Tun,
Entschied, mit dir in Kopf und Sinnen,
Zu widmen mich dem Großen nun!

Hiermit Mephisto herausfordernd,
Schick' ich dem Schicksal Dank von mir.
Und, alles dem Tun unterordnend,
Ich widme das Ergebnis dir!

Виктор Эдуард Приб

ФАУСТ

поэтический перевод трагедии первой части

Посвящение переводчика

Шутя с тобой о мне и Гёте,
Я видел Фаустом себя!..
Тебя уж нет в моих полетах,
Но я живу, тебя любя!

Чтоб оправдать существованье,
Не сгинуть в будних мелочах
То там, то сям я был в метанье,
То стих, то в физике строча!

Разочарован малым смыслом
Всего того, что я творю,
Решил, с тобою в глуби мысли,
С большим связать судьбу свою!

С Мефисто в этот спор вступая,
Все ж благодарен я судьбе,
Его здесь вызов принимая,
Я результат дарю тебе...

Vorwort des Übersetzers

In dieser Übersetzung habe ich das geschafft, was die Literaturwissenschaftler auf dem Gebiet „Das poetische Übersetzen“ für unmöglich halten und was die vorigen Übersetzungen von „Faust“ auch bravourös bestätigen oder gar den Anlass zu dieser Meinung geben: Den philosophischen Sinn der Tragödie mit der in ihren Pirouetten sehr komplexen, polyphonen Poesie von Goethe maximal adäquat in der russischen Übersetzung zusammenzuführen. Dieses Ziel wurde in der poetisch Goethe und linguistisch die von Goethe so geliebte deutsche Sprache verachtenden Übersetzung von B. Pasternak und in der sehr eigenwillig gefälschten und trotzdem streng akademisch genannten Übersetzung von N. Cholodkowskij weit verfehlt (*detaillierte Analyse in meiner Arbeit „Das poetische Übersetzen als handwerkliche Kunst“*). Die beiden zählen dabei zu „kanonischen“ Übersetzern von „Faust“ ins Russische.

Die ganze Tragödie ist von Goethe vor allem in Metrum des wechselhebigen (von einer bis zu sieben Hebungen) Jambus geschrieben. Doch Goethe verwendet in der gesamten Tragödie, wie übrigens in seiner Poesie im Allgemeinen, das Zusammenwirken des Metrums und der Versform mit der Stimmungslage, mit dem Motiv, mit der Situation, um die Letzteren zu betonen, zu unterstreichen, von den Benachbarten zu unterscheiden:

„Wie der innere Sturm hier (erste Szene „Die Nacht“) dichterisch geformt wird, das gilt seit je eine der größten Leistungen des jungen Goethe. Der inneren Unruhe Fausts entsprechend wandeln sich die Verse: Der Überdruß spricht sich aus in Knittelversen, die Sehnsucht

Предисловие переводчика

В этом переводе мне удалось то, что филологи в области «Поэтический перевол» считают невозможным и что предыдущие переводчики «Фауста» блестяще подтвердили своими дилетантскими работами или, скорее, дали повод к такому мнению: соединить в русском переводе максимально адекватно философский смысл трагедии с очень сложной в своих пируэтах, полифонической поэзией Гёте. Эта цель была полностью извращена в поэтически пренебрежительном к Гёте, лингвистически к так любимому Гёте немецкому языку переводе Б. Пастернака и очень своеугодно подменена в называемом академическим переводе Н. Холодковского (*детальный анализ в моей работе «Поэтический перевод как ремесленное искусство»*). Оба считаются при этом "каноническими" переводчиками "Фауста".

Вся трагедия написана Гёте в основном в метре разноstopного (от одного до семи стоп) ямба. Однако Гёте очень интенсивно использует во всей трагедии, как и в своей поэзии вообще, связь формы, метра стиха с настроением, с мотивом, с ситуацией, чтобы их усилить, подчеркнуть, отличить от соседних:

«Как внутренняя буря передается в первой сцене («Ночь») поэтически – это одна из наибольших заслуг юного Гете. В соответствии с внутренним беспокойством Фауста меняется форма стиха: пресыщение выражается в Knittelversen (*смешанные четырехstopные соседние строки рифмуются попарно – форма, распространенная в Германии XVI в.*), тоска – чередующимся четырехstopным стихом при той же парной рифмовке,

in alternierenden Viertaktern, die Konzentration auf Erkenntnis in Madrigalversen, welche dann bei der Erdgeistbeschwörung sich in freie Rhythmen auflösen.“ (*„Anmerkungen. Erster Teil“ – Goethe, „Faust“, Verlag C.H. Beck, München, 1986*).

Im Laufe der gesamten Tragödie wechselt Goethe an vielen Stellen - nicht nur innerhalb einer Strophe, sondern auch innerhalb einer einzelnen Verszeile – vom jambischen (Haupt-) zum trochäischen Metrum, was den Rhythmus, die Melodie und Harmonie des Verses besonders stört. Wenn diese Störungen am Anfang mit dem chaotischen inneren Zustand Fausts assoziierten, gelingt so eine direkte Assoziation bei anderen Situationen nicht unbedingt, wie, zum Beispiel, beim Auftritt Fausts schon in der zweiten Szene „Vor dem Tor“ mit den wieder aus jambischen und **trochäischen** Bruchteilen gebildeten Versen, obwohl Überdruß hier nicht erkennbar ist:

Vom Eise **befreit sind Strom und Bäche**

Durch des Frühlings holden, belebenden Blick;

Im Tale grünert Hoffnungsglück;

Der alte Winter, **in seiner Schwäche**,

Zog sich in rauhe Berge **zurück**.

Von dorthier sendet er, **fliehend, nur**

Ohnmächtige Schauer kornigen Eises

In Streifen über die grünende Flur;

Aber die Sonne duldet kein **Weißes**,

Überall regt sich Bildung und **Streben**,

Alles will sie mit Farben **beleben**;

Doch an Blumen fehlt's im Revier,

концентрация на познание – мадригальной формой стиха, которая при заклинание духа Земли растворяется в свободных ритмах.» („*Anmerkungen. Erster Teil*“ – комментарии к первой части, Изд-во С.Н. Beck, München, 1986).

На протяжении всей трагедии Гёте чередует во многих местах – не только внутри одной строфы, но и внутри одной строки – ямбический (основной) метр с хорейским, что особо сбивает ритм, мелодию, гармонию стиха. Если в начальной сцене с Фаустом эти перебои ассоциируют с хаотическим внутренним состоянием Фауста, то во многих других местах такая прямая ассоциация с ситуацией не удакнется, Как, например, уже выступление Фауста во второй сцене «Перед воротами» снова со стихами, состоящими из ямбических и **хорических** обрывков:

С ручьев и рек **сняты льда одежды**
Нежный и живящий ранней весны **блик.**
Озеленил долины лик,
Зимы-старухи прогнав надежды
На гор суровых **заснеженный пик.**
Шлет, убегая, оттуда лишь
Льда зернистого бессильны осадки
Полосками в тенях долинных ниш.
Солнце не терпит белых остатков,
Вкруг зарожденье **лишь и стремленье,**
Хочет лишь все в цветном **оживленье.**
Мало все ж цветов в месте сем,
Народ зато цветной здесь **совсем.**

Sie nimmt geputzte Menschen **dafür**.
Kehre dich um, von diesen Höhen
Nach der Stadt zurückzusehen.
Aus dem hohlen finstern Tor
Dringt ein buntes Gewimmel hervor.
Jeder sonnt sich heute so gern.
Sie feiern die **Auferstehung** des Herrn,
Denn sie sind selber auferstanden,
Aus niedriger **Häuser dumpfen** Gemächern,
Aus Handwerks- und Gewerbesbanden,
Aus dem Druck von Giebeln und Dächern,
Aus der Straßen quetschender Enge,
Aus der Kirchen ehrwürdiger Nacht
Sind sie alle ans Licht gebracht.
Sieh nur, sieh! wie behend sich die Menge
Durch die Gärten und Felder **zerschlägt**,
Wie der Fluß, in Breit und Länge
So manchen lustigen Nachen bewegt,
Und bis zum Sinken überladen
Entfernt sich dieser letzte Kahn.
Selbst von des Berges fernen Pfaden
Blinken uns farbige Kleider an.

Er scheint dabei sein inneres Gleichgewicht einigermaßen gefunden zu haben und zum Leben wieder zurückgekehrt zu sein: „Hier bin ich Mensch, hier darf ich‘s sein!“.

Andererseits, nach den wunderschönen, harmonischen Gefühlen von

Повернись ты и в сей отраде
Посмотри на город сзади.
Из утробы тех ворот
Пестрая толпа к нам сюда прет.
Загорают все тут и там.
День празднуют **Воскресенья** Христа,
Поскольку сами здесь воскресли
Из низких **домов их, затхлости** комнат,
Из плена дел их и ремесел,
Из-под крыш жилищ их укромных,
Из их тесных улиц давящих,
Из почтеннейшей ночи церковей
Вышли они под сень ветвей.
Посмотри толпа как выходящих,
По долинам врозь быстро течет,
Как поток реки бурлящей,
Резвясь, иной челн **веселый** несет,
И выше борта перегружен
Уходит вдаль последний челн,
И даже с горных троп снаружи
Нам блестит цвет людских **платьев** волн.

При этом он, казалось бы, нашел какое-то равновесие и вернулся к жизни: «Я человек здесь, здесь им стал!».

С другой стороны, после чудных, гармонических чувств Фауста и совершенной поэзии Гете:

Faust und perfekter Dichtung von Goethes:

Doch ist es jedem eingeboren,
Daß sein Gefühl hinauf und vorwärts dringt,
Wenn über uns, im blauen Raum verloren,
Ihr schmetternd Lied die Lerche singt;
Wenn über schroffen Fichtenhöhen
Der Adler ausgebreitet schwebt,
Und über Flächen, über Seen
Der Kranich nach der Heimat strebt.

endet diese Szene mit dem Erscheinen eines schwarzen Pudels. Sollte eine Disharmonie in Versen die Näherung des Teufels oder seine explizite oder implizite Anwesenheit verkünden?

Ich gab schließlich diese Versuche der lokalen Interpretation von disharmonischen Abstürzen auf und erkannte erst dann ihre globale Bedeutung für den tiefen philosophischen Sinn der ganzen Tragödie als Goethes Einblick in die Natur des Menschen. Sein Verständnis dieser Natur offenbart uns Goethe bereits im „Prolog im Himmel“, wo Mephistopheles dem Herrn sein Verständnis von Menschen schildert:

Von Sonn' und Welten weiß ich nichts zu sagen,
Ich sehe nur, wie sich die Menschen plagen.
Der kleine Gott der Welt bleibt stets von gleichem Schlag
Und ist so wunderlich als wie am ersten Tag.
Ein wenig besser würd er leben,
Hättst du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben;

И все ж то каждому врожденно,
Что чувство нас стремится вверх и вперед,
Когда над нами в небе вожделенно,
Песнь жавронок свою поёт.
Коль над пихтовыми холмами
Орёл, раскинувшись, парит,
А над морями и долами
Журавль на родину стремится.

Кончается эта сцена появлением черного пуделя. Должна любая дисгармония в стихе предвещать приближение черта или его явное или неявное присутствие?

В конечном итоге я оставил попытки локальной интерпретации этих дисгармоничных сбоев и тогда понял их глобальное значение для глубокого философского смысла всей трагедии как экскурс Гёте в саму природу Человека. Свое понимание этой природы открывает нам Гёте уже в «Прологе в небе», где Мефистофель излагает Господу свое понимание людей:

О солнце и мирах болтать мне скука,
Я вижу только человека муки.
Бог малый мира по пошибу твоя тень
Причудлив так же все он, как и в первый день.
Он жил бы лучше в свои лета,
Не дал бы ему ты божественного света.
Сиречь ума, хотя нужней

Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur tierischer als jedes Tier zu sein.
Er scheint mir, mit Verlaub von euer Gnaden,
Wie eine der langbeinigen Zikaden,
Die immer fliegt und fliegend springt
Und gleich im Gras ihr altes Liedchen singt;
Und läg er nur noch immer in dem Grase!
In jeden Quark begräbt er seine Nase.

Ganz unerwartet ist diese Empörung des Teufels über die neugierige und chaotisch unruhige Betriebsamkeit von Menschen, obwohl es vielmehr all seine Bedeutung und seine Rolle sei, Chaos in die göttliche Ordnung zu bringen! Noch unerwarteter ist die Meinung und die Entscheidung des Herrn, des Schöpfers der göttlichen Harmonie und der göttlichen Ordnung:

Des Menschen Tätigkeit kann allzu leicht erschlaffen,
Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reizt und wirkt und muß als Teufel schaffen.

Das heißt, Gott selbst gibt den Menschen den Teufel als Gehilfe, damit sie nicht in Harmonie und Ruhe einschlafen! Das ist die Natur des Menschen, welche für Goethe alles Menschliche erklärt: Im Menschen selbst leben Gott als das Streben nach Perfektion und Harmonie (als metrische Dichtung), und der Teufel als Zerstörer der Harmonie, sobald sich der Mensch ihr nähert. Dieser natürlich ewige Widerspruch der göttlichen Seele und teuflischen Vernunft zerreit den Menschen und treibt ihn in seiner Selbstsuche und in seinen kre-

Ему звериннее быть всех зверей.
Мне он, позволь сказать тебя мне ради,
Лишь длинноногой видится цикадой,
Пускается прыжком кто в лёт
И тут же в травах песенку поёт.
Всегда в траве лежали б эти люди!
Суют свой нос они всегда и всюду.

Совершенно неожиданно это возмущение Черта любопытной и хаотической непоседливостью людей, хотя весь его смысл и его роль как раз в том и состоит, чтобы творить хаос внутри божественных гармонии и порядка! Еще неожиданнее мнение и решение Господа, творца этой гармонии и порядка:

Себе покой открыть ведь люди могут скоро
И их дела вмиг могут замереть.
Дам в подмастерье им я черта впредь,
Азарт и рвенье черта им приспорье.

То есть Бог сам дает людям в подмогу Черта, чтобы они и их дела не замерли в гармонии и покое! Вот это и есть природа Человека, объясняющая для Гёте всё поведение людей: в нем самом сидят и Бог как стремление к совершенству и гармонии (как метрическая поэзия), и Черт как разрушитель этой гармонии как только Человек к ней приближается. Это природно извечное противоречие божественной души и чертовского разума и раздирает Человека и гонит его в его поисках и в творчески-созидательных или зверинно-разрушительных порывах. Эта

ativ-konstruktiven oder tierisch-destruktiven Impulsen.

Dieser ständige Kampf zwischen der göttlichen Vollkommenheit und dem teuflischen Chaos spiegelt sich als das Leitthema der Tragödie und als Beschaffenheit des Menschen in Goethes vielfältigen poetischen Formen wieder, indem der Wechsel zwischen den vollkommen-harmonischen jambischen Strophen und der chaotischen, die vorige Harmonie zerstörenden Mischung aus verschiedenen Metren, und zwar nicht immer dann, wenn der Teufel naht oder bereits da ist, sondern auch wenn der vollkommene Teil bereits zu lange dauert und den Genuss und die Begeisterung nicht mehr gewährt, eher die Gefühle abstumpft und fast langweilt.

Übrigens, darin liegt der von mir bei der Übersetzung der beiden Werke empfundene Unterschied zwischen Goethe und Puschkin, zwischen „Faust“ und „Eugen Onegin“, welcher aus fast fünfhundert vierzeiligen, im vierhebigen jambischen Metrum perfekt gereimten Strophen („*Onegin-Strophe*“ genannt) besteht. Mit der Zeit wirkt diese uniforme, eintönige Poesie wie ein den Geist und die Empfindung betäubende Trommelwirbel.

Es ist bekannt, dass Goethe ein Problem mit der Religion hatte. Aus dieser Sicht von Goethe auf die menschliche Natur kann man schließen, dass Goethe eher ein Problem mit den religiösen Institutionen und Traditionen und nicht mit der Religion als Glaube an die Existenz Gottes hatte:

Die Kirche hat **einen guten Magen,**
Hat ganze Länder aufgeessen

постоянная борьба между божественным совершенством и дьявольским хаосом как ведущая тема трагедии и как суть человека отражается в гётевских многообразных поэтических формах, где совершенно гармонические ямбические строфы снова и снова чередуются с хаотической, предыдущую гармонию разрушающей мешаниной из различных метров. Причем не только при приближении черта или в его присутствии, но и тогда, если совершенная часть слишком затянулась, не восхищает больше и не доставляет больше удовольствия, скорее притупляет восприятие и становится скучной.

Впрочем, в этом состоит мной при переводе обоих произведений прочувствованное различие между Гёте и Пушкиным, между «Фаустом» и «Евгением Онегиным», состоящим из почти пятисот четырнадцати-строчных, все строго в одном метре четырехстопного ямба рифмованных строф («*Онегинская строфа*»). Со временем действует эта равномерная, монотонная поэзия, как притупляющая дух и восприятие барабанная дробь.

Известно, что Гёте имел проблемы с религией. Из этого представления Гёте о человеческой сути можно заключить, что Гёте имел проблемы скорее с религиозными институтами, а не с религией как верой в существование Бога:

У цекви **хороший же желудок,**
Уж целы страны проглотила,
Еще ж ни раз не подавилась,
Одна лишь церковь, **вам для покоя,**

Und doch noch nie sich übergessen;
Die Kirch allein, **meine lieben Frauen**,
Kann ungerechtes Gut verdauen.

Goethe setzt Gott, aber gleichzeitig auch den Teufel in den Menschen selbst hinein. In dieser Interpretation ist es klar, dass alle religiösen Institutionen und alle Ausleger und Priester des Glaubens redundant sind. Der Mensch selbst ist der Tempel Gottes und der Priester seines Glaubens.

Und nur er allein entscheidet den Ausgang des anhaltenden Kampfes in ihm zwischen dem Gott (*das Gute*) und dem Teufel (*das Böse*). Aber das ist schon meine der von Goethes sehr ähnliche Interpretation der Religion, wie es in meinem Roman „Der Zug fährt ab“ (*in Prosa*) dargestellt ist.

Mir – nach der ersten misslungenen Übersetzung im Jahre 2012 – ist es jetzt, bei der redaktionellen Überarbeitung im Jahre 2014, gelungen, diese von Goethe vorgegebenen metrischen Unregelmäßigkeiten mit großer Sorgfalt in meine Übersetzung praktisch an den gleichen Stellen auch innerhalb einzelner Verszeilen einzubetten.

Um die Leser darauf aufmerksam zu machen, habe ich sowohl im Original als auch in meiner Übersetzung all die „trochäischen“ Einfügungen (*Stolpersteine*) **fett** hervorgehoben. Ich habe auch die anderen, bei Goethe, wenn auch seltener, auftretenden Metren mit dreisilbigen Versmaßen wie Daktylus (**betont-unbetont-unbetont**: + - -), Amphibrachys (- + -) und Anapäst (- - +) speziell markiert.

Umso verwunderlicher ist es, dass die kanonischen Übersetzer nur in

Переварит несправедливое.

Гёте помещает Бога, а заодно и Черта в Человека самого. При такой интерпретации очевидно, что все религиозные институты и все интерпретаторы-жрецы веры излишни. Человек сам есть и Храм Божий и Жрец своей веры.

И он один решает исход происходящей в нем постоянной борьбы между Богом и Чертом. Но это уже моя, очень подобная гётевской, интерпретация религии, изложенная в моем романе «Поезд отправляетмя» (в прозе).

Мне – после начального неудавшегося перевода 2012-го года – удалось теперь, при редакционной переработке 2014-го года, с большим усердием встроить эти сбои метрик даже внутри не только одной строфы, но и внутри одной строки, почти точно в тех же местах, что заданы Гёте. Чтобы обратить на эти особенности внимание, я выделил и в оригинале, и в моем переводе все «хорические» вставки («спотыкачи») жирным шрифтом. Также специально выделены другие встречающиеся у Гете, если даже и очень редко, метрики с трехсложными стопами, как дактиль (**ударный-безударный-безударный**: + - -), амфибрахий (- + -) и анапест (- - +).

Тем более удивительно, что канонические переводчики лишь во введение строго следуют написанной в празднично звучащей форме октавных стансов нежной лирике Гёте, выбранной им,

der Zueignung der in der festlich klingenden Oktaven-Strophenform geschriebenen, zärtlichen Lyrik von Goethe strikt folgen, welche zärtliche Beziehung zwischen dem Dichter und seinem Werk reflektiert, aber dann die variablen Metren von Goethe komplett ignorieren. Sie „verbessern“ anmaßend die polyphonische Dichtung von Goethe durch ihren eintönigen Jambus, verzerren und verfälschen dadurch den philosophischen Sinn der Tragödie und poetisches Genie des Goethe!

So kann ich in aller Bescheidenheit, aber auch mit allem oben analytisch begründeten Recht sagen, dass ich hiermit nicht eine der nächsten Übersetzungen von „Faust“ ins Russische, sondern die erste und zunächst die einzige adäquate poetische Übersetzung der Tragödie liefere – adäquat dem Original des Großmeisters.

чтобы отразить нежные отношения между Поэтом и его Творением, но в дальнейшем, после этого вступления, полностью игнорируют задаваемые Гёте метрики, заносчиво «улучшая» полифоническую поэзию Гёте их однообразным ямбом, и тем самым извращают и фальсифицируют и философский смысл трагедии, и поэтическую гениальность Гёте!

Так что я могу со всей скромностью, но и с полным, выше аналитически обоснованным правом сказать, что я создал тем самым не один из следующих переводов «Фауста» на русский, а первый и пока единственный адекватный поэтический перевод трагедии – перевод, адекватный оригиналу Мастера.

ZUEIGNUNG

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch ich wohl, euch diesmal festzuhalten?
Fühl ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt?
Ihr drängt euch zu! nun gut, so mögt ihr walten,
Wie ihr aus Dunst und Nebel um mich steigt;
Mein Busen fühlt sich jugendlich erschüttert
Vom Zauberhauch, der euren Zug umwittert.

Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,
Und manche liebe Schatten steigen auf;
Gleich einer alten, halbverklungenen Sage
Kommt erste Lieb und Freundschaft mit herauf;
Der Schmerz wird neu, es wiederholt die Klage
Des Lebens labyrinthisch irren Lauf
Und nennt die Guten, die, um schöne Stunden
Vom Glück getäuscht, vor mir hinweggeschwunden.

Sie hören nicht die folgenden Gesänge,
Die Seelen, denen ich die ersten sang;
Zerstoben ist das freundliche Gedränge,
Verklungen, ach! der erste Widerklang.
Mein Leid ertönt der unbekanntem Menge,
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang,

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вновь близитесь вы, трепетные хлыни,
Кого ловил уж раньше мутный взгляд,
Иль удержать пытаюсь я вас ныне?
Иль сердце привлекает ваш обряд?
Теснитесь вы! Ну пусть, вам так в помине,
Из мглы туманной вокруг вздыматься в ряд.
Как в юности душа в тот миг томится
От колдовства, вокруг что вас таится.

Приносите вы дни былых мечтаний,
Любимые восходят тени вновь.
Картиной старых, призрачных сказаний
Всплывают дружба, первая любовь,
Извечность снова жизненных страданий,
Её всхождений и падений боль
И добрых имена, кто в час прекрасный
Угас пред мной, разочарован счастьем.

Они не слышат новых песнопений,
Те души, раньше я кому певал.
Рассеян дружный круг столпотворений:
Ах! Первый отголосок отзвучал.
Чужой толпе вкушать моих сомнений,
Ее восторг мне страхом сердце сжал.

Und was sich sonst an meinem Lied erfreuet,
Wenn es noch lebt, irrt in der Welt zerstreuet.

Und mich ergreift ein längst entwöhntes Sehnen
Nach jenem stillen, ernsten Geisterreich,
Es schwebet nun in unbestimmten Tönen
Mein lispelnd Lied, der Äolsharfe gleich,
Ein Schauer faßt mich, Träne folgt den Tränen,
Das strenge Herz, es fühlt sich mild und weich;
Was ich besitze, seh ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten.

*

И что еще моей там песне радо,
Еще коль жить ей в мире долго надо.

Охвачен я забытою тоскою
По той потусторонней тишине,
Где песнь моя золовой арфою
Звучит и шепчет трепетно во сне,
Меня знобит и я умыт слезою,
И сердца твердость смягчена во мне.
Чем я владею, вижу преходящим,
Исчезло что, то вижу настоящим.

*

VORSPIEL AUF DEM THEATER

Direktor. Theaterdichter. Lustige Person.

DIREKTOR:

Ihr beiden, die ihr mir so oft,
In Not und Trübsal, beigestanden,
Sagt, was ihr wohl in deutschen Landen
Von unsrer Unternehmung hofft?
Ich wünschte sehr der Menge zu behagen,
Besonders weil sie lebt und leben läßt.
Die Pfosten sind, die Bretter aufgeschlagen,
Und jedermann erwartet sich ein Fest.
Sie sitzen schon mit hohen Augenbraunen
Gelassen da und möchten gern erstaunen.
Ich weiß, wie man den Geist des Volks versöhnt;
Doch so verlegen bin ich nie gewesen:
Zwar sind sie an das Beste nicht gewöhnt,
Allein sie haben schrecklich viel gelesen.
Wie machen wir's, daß alles frisch und neu
Und mit Bedeutung auch gefällig sei?
Denn freilich mag ich gern die Menge sehen,
Wenn sich der Strom nach unsrer Bude drängt,
Und mit gewaltig wiederholten Wehen
Sich durch die enge Gnadenpforte zwängt;

ПРЕЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ

Директор. Театральный поэт. Весельчак.

ДИРЕКТОР:

Вы оба, кто делил за всех
Со мной и нужды, и печали,
Скажите, что вы ожидали
В немецких землях за успех?
Понравиться толпе хочу я праздной,
Она сама живет и нам дает.
И каждый в ней от нас желает праздник,
До мига, занавес когда падет.
Они сидят с поднятыми бровями,
Готовы удивленными быть нами.
Еще ни разу не был так смущен
Я, зная, ублажить как дух народа:
Он все же здесь изрядно просвещен,
Хотя ему и не привычны оды.
Как свежесть нам подать и новь им внов',
При этом не утратив смысла слов?
Так как, конечно, видеть рад толпу я,
Когда ее поток к нам в лавку прет
И снова с повторяющейся болью
Через узость жметса благостных ворот;

Bei hellem Tage, schon vor vieren,
Mit Stößen sich bis an die Kasse ficht
Und, wie in Hungersnot um Brot an Bäckertüren,
Um ein Billet sich fast die Hälse bricht.
Dies Wunder wirkt auf so verschiedene Leute
Der Dichter nur; mein Freund, o tu es heute!

DICHTER:

O sprich mir nicht von jener bunten Menge,
Bei deren Anblick uns der Geist entflieht.
Verhülle mir das wogende Gedränge,
Das wider Willen uns zum Strudel zieht.
Nein, führe mich zur stillen Himmelsenge,
Wo nur dem Dichter reine Freude blüht;
Wo Lieb und Freundschaft unsres Herzens Segen
Mit Götterhand erschaffen und erpflegen.

Ach! was in tiefer Brust uns da entsprungen,
Was sich die Lippe schüchtern vorgelallt,
Mißraten jetzt und jetzt vielleicht gelungen,
Verschlingt des wilden Augenblicks Gewalt.
Oft, wenn es erst durch Jahre durchgedrungen,
Erscheint es in vollendeter Gestalt.
Was glänzt, ist für den Augenblick geboren,
Das Echte bleibt der Nachwelt unverloren.

И днем, уж к четверем от силы,
До кассы пробивается в налет;
И, как о хлебе в голод пекаря просили,
Срывает глотки, требуя билет.
На всех людей влияет чудо это –
То ж сотвори сегодня, друг-поэт мой!

ПОЭТ:

О не толкуй здесь мне о пестрой массе,
Лишь вид ее наш убивает дух.
Избавь меня от этой давки к кассе,
Что нас невольно вовлекает в круг.
Нет, быть хочу я в неба тихом классе,
Где лишь Поэту радость истый друг,
Где дружба и любовь для сердца благо,
Созданное, взлелеянное Богом.

Ах! Глубоко в душе что зародилось,
Что скромно шепчет нам волненье губ,
Что удалось раз, снова развалилось,
То поглотит мгновенье-душегуб.
И часто, лишь что в годах сохранилось,
Предстанет совершенством людям, вдруг.
Сверкает что, то рождено для мига,
А сущее – для будущего мира.

LUSTIGE PERSON:

Wenn ich nur nichts von Nachwelt hören sollte.
Gesetzt, daß ich von Nachwelt reden wollte,
Wer machte denn der Mitwelt Spaß?
Den will sie doch und soll ihn haben.
Die Gegenwart von einem braven Knaben
Ist, dünkt ich, immer auch schon was.
Wer sich behaglich mitzuteilen weiß,
Den wird des Volkes Laune nicht erbittern;
Er wünscht sich einen großen Kreis,
Um ihn gewisser zu erschüttern.
Drum seid nur brav und zeigt euch musterhaft,
Laßt Phantasie, mit allen ihren Chören,
Vernunft, Verstand, Empfindung, Leidenschaft,
Doch, merkt euch wohl! nicht ohne Narrheit hören.

DIREKTOR:

Besonders aber laßt genug geschehn!
Man kommt zu schaun, man will am liebsten sehn.
Wird vieles vor den Augen abgesponnen,
So daß die Menge staunend gaffen kann,
Da habt Ihr in der Breite gleich gewonnen,
Ihr seid ein vielgeliebter Mann.
Die Masse könnt Ihr nur durch Masse zwingen,
Ein jeder sucht sich endlich selbst was aus.
Wer vieles bringt, wird manchem etwas bringen;

ВЕСЕЛЬЧАК:

Мир будущий мне, что края за Эльбой.
Случись, я говорить о нем хотел бы,
Потеху в этот мир нес кто б?
Ей рады ж мы, живем покамест.
Ведь настоящее весельчака есть,
Я б думал, тоже кое-что.
Того не огорчит толпы каприз,
Кто знает, как представиться искусно.
Свой круг ища, сорвет он приз,
Пленя его своим искусством.
Итак, вы будьте бравым образцом,
Фантазии со всеми плутовствами,
С понятием, чувством, страстью и с умом
Отдайтесь, но советуйтесь с шутами.

ДИРЕКТОР:

Но дайте многому случиться впредь!
Приходят люди ж с наслажденьем зреть.
Случится многое перед глазами,
Чтоб в изумленье палилась толпа,
То связаны вы с ней уже узами,
Готовой ниц пред вами пасть.
Вы массу покорите только массой,
Где каждый выбрать что-то может сам.
Кто много даст, тот многим даст прекрасно;

Und jeder geht zufrieden aus dem Haus.
Gebt Ihr ein Stück, so gebt es gleich in Stücken!
Solch ein Ragout, es muß Euch glücken;
Leicht ist es vorgelegt, so leicht als ausgedacht.
Was hilft's, wenn Ihr ein Ganzes dargebracht?
Das Publikum wird es Euch doch zerpfücken.

DICHTER:

Ihr fühlet nicht, wie schlecht ein solches Handwerk sei!
Wie wenig das dem echten Künstler zieme!
Der saubern Herren Pfuscherei
Ist. merk ich. schon bei Euch Maxime.

DIREKTOR:

Ein solcher Vorwurf läßt mich ungekränkt:
Ein Mann, der recht zu wirken denkt,
Muß auf das beste Werkzeug halten.
Bedenkt, Ihr habet weiches Holz zu spalten,
Und seht nur hin, für wen Ihr schreibt!
Wenn diesen Langeweile treibt,
Kommt jener satt vom übertischten Mahle,
Und, was das Allerschlimmste bleibt,
Gar mancher kommt vom Lesen der Journale.
Man eilt zerstreut zu uns, wie zu den Maskenfesten,
Und Neugier nur beflügelt jeden Schritt;

И все идут довольны по домам.
Дашь пьесу им, дели ее на части!
Удастся то рагу вам – счастье.
Его подать легко и сочинить легко,
От целого вам будет толку что?
Толпа ж его разчленит в одночасье.

ПОЭТ:

Вам не понять, что это только ремесло!
Что для художника недопустимо!
Иных господ халтура слов,
Я вижу, и твоя максима.

ДИРЕКТОР:

Такой упрек меня не оскорбит:
Влиять кто вправду норовит,
На лучший инструмент тот ставит.
Ведь вам же легкую работу править
И для кого, кроме того!
Охватит скука коль его,
Придет пресыщенный сидеть он в зале,
А то, что хуже есть всего,
Иной придет, читающий в журнале.
Рассеянно все к нам спешат, как к маскарадам,
Лишь любопытство окрыляет шаг,

Die Damen geben sich und ihren Putz zum besten
Und spielen ohne Gage mit.
Was träumet Ihr auf Eurer Dichterhöhe?
Was macht ein volles Haus Euch froh?
Beseht die Gönner in der Nähe!
Halb sind sie kalt, halb sind sie roh.
Der, nach dem Schauspiel, hofft ein Kartenspiel,
Der eine wilde Nacht an einer Dirne Busen.
Was plagt ihr armen Toren viel,
Zu solchem Zweck, die holden Musen?
Ich sag Euch, gebt nur mehr und immer, immer mehr,
So könnt Ihr Euch vom Ziele nie verirren
Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen, ist schwer –
Was fällt Euch an? Entzückung oder Schmerzen?

DICHTER:

Geh hin und such dir einen andern Knecht!
Der Dichter sollte wohl das höchste Recht,
Das Menschenrecht, das ihm Natur vergönnt,
Um deinetwillen freventlich verscherzen!
Wodurch bewegt er alle Herzen?
Wodurch besiegt er jedes Element?
Ist es der Einklang nicht, der aus dem Busen dringt,
Und in sein Herz die Welt zurücke schlingt?

Подать себя и свой наряд все дамы рады,
Играя с нами и за так.
Что мнится вам в парнасовых высотах?
Что вам за радость полный дом?
Всмотрись-ка в зрителя простоты!
Прохлада то, то грубость в нем.
Кто после игор здесь ждет игры карт,
Иль дикой кто ночи на титьках у блудницы.
Что за бессмысленный азарт
Муз милых мучить для тупиц вам?
Скажу вам, дайте им как можно больше врак,
Так цели вам не потерять движенья,
Людей вводите в заблужденье,
Им угодить ведь сложно так –
Так что ж у вас? Лишь боль, иль умиление?

ПОЭТ:

Ищи себе другого ты слугу!
Я как Поэт предать то не могу,
То право, что природа нам дает,
Из-за тебя, по твоему веленью!
Сердца привел я б чем в движенье?
Чем победил бы каждый элемент?
Не унисон ли то, что распирает грудь,
Что хочет мир назад в сердца вернуть?

Wenn die Natur des Fadens ew'ge Länge,
Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt,
Wenn aller Wesen unharmon'sche Menge
Verdrießlich durcheinander klingt –
Wer teilt die fließend immer gleiche Reihe
Belebend ab, daß sie sich rhythmisch regt?
Wer ruft das Einzelne zur allgemeinen Weihe,
Wo es in herrlichen Akkorden schlägt?
Wer läßt den Sturm zu Leidenschaften wüten?
Das Abendrot im ernsten Sinne glühn?
Wer schüttet alle schönen Frühlingsblüten
Auf der Geliebten Pfade hin?
Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter
Zum Ehrenkranz Verdiensten jeder Art?
Wer sichert den Olymp? vereinet Götter?
Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart.

LUSTIGE PERSON:

So braucht sie denn, die schönen Kräfte,
Und treibt die dichtrischen Geschäfte,
Wie man ein Liebesabenteuer treibt.
Zufällig naht man sich, man fühlt, man bleibt,
Und nach und nach wird man verflochten;
Es wächst das Glück, dann wird es angefochten,
Man ist entzückt, nun kommt der Schmerz heran,
Und eh man sich's versieht, ist's eben ein Roman.

Коль безразлично накрутит природа,
На прялку нити вечную длину,
Коль хаотичная толпа народа
У какофонии в плену –
Кто делит равно текущие орды,
Их превратив в ритмический полет?
Кто в общем частное к волшебнейшим аккордам
Вновь пробуждает и звучать дает?
Кто штурмы тут же превращает в страсти?
Зарю вечернюю дословно в жар?
Цветы весной ложатся чьею властью
На тропы всех влюбленных пар?
Кто незаметные листы сплетает
В венки почета за заслуги нам?
Кто взял Олимп? Богов объединяет?
В Поэте человека мощь видна.

ВЕСЕЛЬЧАК:

Используй же той мощи силы,
Твори поэзию красивой,
Любви как приключений красота:
Случайность встречи, чувства и контакт,
Потом все большее сплетенье.
Любовь растет, потом снижение,
Все мило, тут приходит боль от ран,
И не успеешь оглянуться, уж роман.

Laßt uns auch so ein Schauspiel geben!
Greift nur hinein ins volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.
In bunten Bildern wenig Klarheit,
Viel Irrtum und ein Fünkchen Wahrheit,
So wird der beste Trank gebraut,
Der alle Welt erquickt und auferbaut.
Dann sammelt sich der Jugend schönste Blüte
Vor eurem Spiel und lauscht der Offenbarung,
Dann sauget jedes zärtliche Gemüte
Aus eurem Werk sich melanchol'sche Nahrung,
Dann wird bald dies, bald jenes aufgeregt
Ein jeder sieht, was er im Herzen trägt.
Noch sind sie gleich bereit, zu weinen und zu lachen,
Sie ehren noch den Schwung, erfreuen sich am Schein;
Wer fertig ist, dem ist nichts recht zu machen;
Ein Werdender wird immer dankbar sein.

DICHTER:

So gib mir auch die Zeiten wieder,
Da ich noch selbst im Werden war,
Da sich ein Quell gedrängter Lieder
Ununterbrochen neu gebar,
Da Nebel mir die Welt verhüllten,

Давай спектакль так исполним!
Людская жизнь для вас источник полный!
Всяк жизнь живет, не всяк ее постиг,
Смочь лишь подать, вот где успеха миг.
Картин цветных за мутным слогом,
Чуть правды и обмана много,
Напиток лучший варят так,
Что старый мир наш обновляет всяк.
Тогда сберется молодежь однажды
На ваш спектакль, познать чтоб откровенье,
И нежною душой воспримет каждый
Из вашей пьесы грустное волнение,
То то, то это в каждом воспоеет
И он увидит, что в душе несет.
Они еще готовы жить слезой и смехом,
В чести еще там взлет, их радует обман.
Тому, готов кто, трудно дать утеху.
Лишь становящийся подвластен вам.

ПОЭТ:

Так дай те времена мне снова,
Когда я в становление был
И, как источник песен новых,
Фонтан стихов из меня бил,
Где мир укутан был туманом,

Die Knospe Wunder noch versprach,
Da ich die tausend Blumen brach,
Die alle Täler reichlich füllten.
Ich hatte nichts und doch genug:
Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug.
Gib ungebändigt jene Triebe,
Das tiefe, schmerzenvolle Glück,
Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe,
Gib meine Jugend mir zurück!

LUSTIGE PERSON:

Der Jugend, guter Freund, bedarfst du allenfalls,
Wenn dich in Schlachten Feinde drängen,
Wenn mit Gewalt an deinen Hals
Sich allerliebste Mädchen hängen,
Wenn fern des schnellen Laufes Kranz
Vom schwer erreichten Ziele winket,
Wenn nach dem heft'gen Wirbeltanz
Die Nächte schmausend man vertrinket.
Doch ins bekannte Saitenspiel
Mit Mut und Anmut einzugreifen,
Nach einem selbstgesteckten Ziel
Mit holdem Irren hinzuschweifen,
Das, alte Herrn, ist eure Pflicht,
Und wir verehren euch darum nicht minder.

Где в почке чудо я видал,
Цветов где тысячи сломал,
Покрывших доли, как саваном.
Я был хоть нищ, но все ж богат
Стремленьем к правде и желаньем врать.
Дай счастья режущие боли,
Страсть необузданных отрад,
Ту власть, что дарится любовью,
Дай юность мне мою назад!

ВЕСЕЛЬЧАК:

Та юность, добрый друг, тебе нужна тогда,
Коль ты врагами в битвах стиснут,
Коль дев любимых череда
Тебе на грудь насильно виснет,
Коли вдали манит венок
Какой-то недоступной цели,
Тобой коль буйство и порок
Ночей пропитых овладели.
И все ж, в известный струнный звон
С блаженным мужеством врываться,
Сам ставить цель как новый тон,
К ней с иступленьем пробиваться -
То, старые мужи, ваш долг,
И вы в чести за то на этом свете,

Das Alter macht nicht kindisch, wie man spricht,
Es findet uns nur noch als wahre Kinder.

DIREKTOR:

Der Worte sind genug gewechselt,
Laßt mich auch endlich Taten sehn;
Indes ihr Komplimente drechselt,
Kann etwas Nützliches geschehn.
Was hilft es, viel von Stimmung reden?
Dem Zaudernden erscheint sie nie.
Gebt ihr euch einmal für Poeten,
So kommandiert die Poesie.
Euch ist bekannt, was wir bedürfen,
Wir wollen stark Getränke schlürfen;
Nun braut mir unverzüglich dran!
Was heute nicht geschieht, ist morgen nicht getan,
Und keinen Tag soll man verpassen,
Das Mögliche soll der Entschluß
Beherzt sogleich beim Schopfe fassen,
Er will es dann nicht fahren lassen
Und wirkt weiter, weil er muß.

Ihr wißt, auf unsern deutschen Bühnen
Probiert ein jeder, was er mag;
Drum schonet mir an diesem Tag
Prospekte nicht und nicht Maschinen.

Не старость нас ввергает в детства толк,
Мы к старости лишь истинные дети.

ДИРЕКТОР:

Словесных хватит экскрементов,
Пора и к делу приступать.
За время ваших комплиментов,
И пользу можно прозевать.
Врать об эмоциях что проку?
Они для робкого чужды.
Представьте за поэтов к сроку,
Чтоб дать поэзии бразды.
Что нужно нам, то вам известно,
Хотим хлебать нектар небесный.
Ну так варите же его!
Не сварен он сейчас, потом не до него,
Мы прозевать ни дня не можем,
Возможное сей миг хватать
Решение за косу должно,
Ведь без него работать сложно,
И больше уж не отпускать.

Известно вам, в немецких сценах
Всяк пробует же, что его.
И вам сегодня ничего
Должно не жалко быть для смены.

Gebraucht das groß, und kleine Himmelslicht,
Die Sterne dürfet ihr verschwenden;
An Wasser, Feuer, Felsenwänden,
An Tier und Vögeln fehlt es nicht.
So schreitet in dem engen Bretterhaus
Den ganzen Kreis der Schöpfung aus,
Und wandelt mit bedächt'ger Schnelle
Vom Himmel durch die Welt zur Hölle.

*

Бери большой и малый неба свет,
И можно сыпать звезд везде вам.
Воды, огня, иль скальных стен там,
Зверей и птиц нехватки нет.
Распространился в тесном зале, вдруг,
Чтоб мирозиданья круг,
Пройдите быстро променаду
От Неба через Мир до Ада.

*

PROLOG IM HIMMEL

Der Herr. Die himmlischen Heerscharen.

Nachher Mephistopheles.

Die drei Erzengel treten vor.

RAPHAEL:

Die Sonne tönt, nach alter Weise,
In Brudersphären Wettgesang,
Und ihre vorgeschriebne Reise
Vollendet sie mit Donnergang.
Ihr Anblick gibt den Engeln Stärke,
Wenn keiner Sie ergründen mag;
Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag.

GABRIEL:

Und schnell und unbegreiflich schnelle
Dreht sich umher der Erde Pracht;
Es wechselt Paradieseshelle
Mit tiefer, schauervoller Nacht.
Es schäumt das Meer in breiten Flüssen
Am tiefen Grund der Felsen auf,
Und Fels und Meer wird fortgerissen
Im ewig schnellem Sphärenlauf.

ПРОЛОГ В НЕБЕ

Господь. Небесное воинство.

После этого Мефистофель.

Три Архангела выступают на сцену.

РАФАИЛ:

Во братских сферах состязаясь,
Ярило бьет на старый лад,
Ударом грома разражаясь,
Вдруг, завершает свой парад,
И ангелам его вид сила,
Ведь Он для всех нейсповеден.
Непостижимость сотворил Он,
Чудесную, как в первый день.

ГАВРИИЛ:

И быстрое Земли вращенье
С ее чудесной красотой,
Как смена райского свеченья
С глубокой ночи темнотой.
Ярится море в буйных струях,
Штурмует каменный утес,
Утес и море сгинут все,
В вращенье вечном сфер небес.

MICHAEL:

Und Stürme brausen um die Wette,
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer,
Und bilden wütend eine Kette
Der tiefsten Wirkung rings umher.
Da flammt ein blitzendes Verheeren
Dem Pfade vor des Donnerschlags.
Doch deine Boten, Herr, verehren
Das sanfte Wandeln deines Tags.

ZU DREI:

Der Anblick gibt den Engeln Stärke,
Da keiner dich ergründen mag,
Und alle deine hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag.

MEPHISTOPHELES:

Da du, o Herr, dich einmal wieder nahst
Und fragst, wie alles sich bei uns befinde,
Und du mich sonst gewöhnlich gerne sahst,
So siehst du mich auch unter dem Gesinde.
Verzeih, ich kann nicht hohe Worte machen,
Und wenn mich auch der ganze Kreis verhöhnt;
Mein Pathos brächte dich gewiß zum Lachen,
Hättst du dir nicht das Lachen abgewöhnt.
Von Sonn' und Welten weiß ich nichts zu sagen,

МИХАИЛ:

И, как на спор, несутся штурмы
Со берега в море, вновь на берег
Оставит след воздействий бурных
Сей разрушительный набег.
Здесь молниев протуберанцы
Пред тем, как грянет грозный гром.
Но чтят, Господь, твои посланцы
Бег мягкий дня при всем при том.

ВТРОЕМ:

И ангелам Твой вид уж сила,
Ведь Ты для всех нейсповеден.
Непостижимость сотворил Ты,
Чудесную, как в первый день.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Раз ты, Господь, явился снова к нам
Спросить, как тут у нас дела на Свете,
К тому ж я мил всегда твоим очам,
То зришь меня ты тож среди слуг этих.
Прости, я не могу болтать выпренно,
Пусть просмеет меня хоть целый круг.
Мой пафос вызвал б смех твой непременно,
Когда б ты не отвык смеяться, друг.
О солнце и мирах болтать мне скука,

Ich sehe nur, wie sich die Menschen plagen.
Der kleine Gott der Welt bleibt stets von gleichem Schlag
Und ist so wunderbarlich als wie am ersten Tag.
Ein wenig besser würd er leben,
Hättst du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur tierischer als jedes Tier zu sein.
Er scheint mir, mit Verlaub von euer Gnaden,
Wie eine der langbeinigen Zikaden,
Die immer fliegt und fliegend springt
Und gleich im Gras ihr altes Liedchen singt;
Und läg er nur noch immer in dem Grase!
In jeden Quark begräbt er seine Nase.

DER HERR:

Hast du mir weiter nichts zu sagen?
Kommst du nur immer anzuklagen?
Ist auf der Erde ewig dir nichts recht?

MEPHISTOPHELES:

Nein Herr! ich find es dort, wie immer, herzlich schlecht.
Die Menschen dauern mich in ihren Jammertagen,
Ich mag sogar die armen selbst nicht plagen.

DER HERR:

Kennst du den Faust?

Я вижу только человека муки.
Бог малый мира по пошибу твоя тень
Причудлив так же все он, как и в первый день.
Он жил бы лучше в свои лета,
Не дал бы ему ты божественного света.
Сиречь ума, хотя нужней
Ему звериннее быть всех зверей.
Мне он, позволь сказать тебя мне ради,
Лишь длинноногой видится цикадой,
Пускается прыжком кто в лёт
И тут же в травах песенку поёт.
Всегда в траве лежали б эти люди!
Суют свой нос они всегда и всюду.

ГОСПОДЬ:

Не знаешь, что сказать иначе?
Рад обвинять лишь да судачить?
Все вечно на Земле тебе не так?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Нет, Бог! По мне, там плохо все у бедолаг.
Жалки мне люди в дни убогие все паче,
Их мучить даже для меня задача.

ГОСПОДЬ:

Знаком ли Фауст?

MEPHISTOPHELES: Den Doktor?

DER HERR: Meinen Knecht!

MEPHISTOPHELES:

Fürwahr! er dient Euch auf besondere Weise.
Nicht irdisch ist des Toren Trank noch Speise.
Ihn treibt die Gärung in die Ferne,
Er ist sich seiner Tollheit halb bewußt;
Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust,
Und alle Näh und alle Ferne
Befriedigt nicht die tiefbewegte Brust.

DER HERR:

Wenn er mir jetzt auch nur verworren dient,
So werd ich ihn bald in die Klarheit führen.
Weiß doch der Gärtner, wenn das Bäumchen grünt,
Das Blüt und Frucht die künft'gen Jahre zieren.

MEPHISTOPHELES:

Was wettet Ihr? den sollt Ihr noch verlieren,
Wenn Ihr mir die Erlaubnis gebt,
Ihn meine Straße sacht zu führen.

DER HERR:

Solang er auf der Erde lebt,

МЕФИСТОФЕЛЬ: Доктор?

ГОСПОДЬ: Мой батрак!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О, да! Он служит вам на лад особый.

Питье, еда шуту не для утробы.

Его безумие ему знакомо:

Он в даль брожением гоним,

Желаний высших требует он дома,

Сияньем в небе ж лучших звезд маним.

Не знает он в душе оскомы,

Как бы далек иль близок не был им.

ГОСПОДЬ:

Я к ясности его все ж скоро приведу,

Хоть службу мне он в миг не понимает.

Ведь цвет и фрукт уж в будущем году

Росток украсят, то ж садовник знает.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Что ставит тот из нас, кто проиграет?

Дашь разрешенье мне свое,

То впредь он мой путь пошагает!

ГОСПОДЬ:

Пока он на земле живет,

So lange sei dir's nicht verboten,
Es irrt der Mensch, so lang er strebt.

MEPHISTOPHELES:

Da dank ich Euch; denn mit den Toten
Hab ich mich niemals gern
Am meisten lieb ich mir die vollen, frischen Wangen.
Für einen Leichnam bin ich nicht zu Haus;
Mir geht es wie der Katze mit der Maus.

DER HERR:

Nun gut, es sei dir überlassen!
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab,
Und führ ihn, kannst du ihn erfassen.
Auf deinem Wege mit herab,
Und steh beschämt, wenn du bekennen muß:
Ein guter Mensch, in seinem dunklen Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewußt.

MEPHISTOPHELES:

Schon gut! nur dauert es nicht lange.
Mir ist für meine Wette gar nicht bange.
Wenn ich zu meinem Zweck gelange,
Erlaubt Ihr mir Triumph aus voller Brust.
Staub soll er fressen, und mit Lust,
Wie meine Muhme, die berühmte Schlange.

Тебе не будет здесь запрета.
Тот блудит же лишь, кто идет,

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Спасибо же! Моя примета:
Не рад я мертвым был вовеки.
Мне любви в основном все полны, свежи щеки.
От трупов мне беги хоть со двора,
Мне как той кошке с мышкою игра.

ГОСПОДЬ:

Ну что ж, теперь в твоей он воле!
Дух отвори его от всех основ,
Бери его ты в свои роли.
Его низвергнуть ты готов,
Срам твой, коль верна истина сия,
Что добрый человек, в стремленьях темных,
Путь все же праведный найдет своя.

МЕФИСТОФЕЛЬ,

Добром! Тот путь не будет томным.
Нисколько мне не страшен спор наш скромный.
Мне разрешишь триумф огромный,
Моей достигну если цели я.
Моя как тетушка-змея,
Прах должен жрать коленно он преклонный.

DER HERR:

Du darfst auch da nur frei erscheinen;
Ich habe deinesgleichen nie gehaßt.
Von allen Geistern, die verneinen,
Ist mir der Schalk am wenigsten zur Last.
Des Menschen Tätigkeit kann allzu leicht erschlaffen,
Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reizt und wirkt und muß als Teufel schaffen.
Doch ihr, die echten Göttersöhne,
Erfreut euch der lebendig reichen Schöne!
Das Werdende, das ewig wirkt und lebt,
Umfass euch mit der Liebe holden Schranken,
Und was in schwankender Erscheinung schwebt,
Befestiget mit dauernden Gedanken!

Der Himmel schließt, die Erzengel verteilen sich.

MEPHISTOPHELES *allein:*

Von Zeit zu Zeit seh ich den Alten gern,
Und hüte mich, mit ihm zu brechen.
Es ist gar hübsch von einem großen Herrn,
So menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen.

ГОСПОДЬ:

И тут ты волен в пониманье.
К тебе подобным ненависти нет.
Среди всех духов отрицанья,
Мне шельм такой – малейший гнет.
Себе покой открыть ведь люди могут скоро
И их дела вмиг могут замереть.
Дам в подмастерье им я черта впредь,
Азарт и рвенье черта им приспорье.
А вы, сыны истинно божьи,
Возрадуйтесь красе живой и сложной!
Все то, живет что вечно и творит,
Вас свяжет милыми любви узами,
Что зыбкою картиною висит,
Крепите долговременно мыслями!

Небо закрывается, архангелы разлетаются

МЕФИСТОФЕЛЬ *один:*

Все ж рад я, старый как меня принял,
Прервать нельзя мне с ним сношенья.
Сей господин умилил все ж меня,
Столь человечным с чертом даж общеньем.

DER TRAGÖDIE ERSTER TEIL:

NACHT

*In einem hochgewölbten, engen gotischen Zimmer
Faust unruhig auf seinem Sessel am Pulte.*

FAUST:

Habe nun, ach! Philosophie,

Juristerei und Medizin,

Und leider auch Theologie! *(Jambus)*

Durchaus studiert, mit heißem **Bemühen**.

Da steh ich nun, ich armer Tor!

Und bin so klug als wie zuvor;

Heiße Magister, heiße Doktor gar

Und ziehe schon an die zehen Jahr

Herauf, herab und quer und krumm

Meine Schüler an der Nase herum –

Und sehe, daß wir nichts wissen können!

Das will mir schier das Herz verbrennen.

Zwar bin ich gescheiter als all die Laffen, *(Mix)*

Doktoren, **Magister, Schreiber** und Pfaffen; *(Mix)*

Mich plagen keine Skrupel **noch Zweifel**, *(Mix)*

Fürchte mich weder vor Hölle noch Teufel – *(Daktylus)*

Dafür ist mir auch alle Freud entrissen,

Bilde mir nicht ein, was Rechts zu wissen, *(Trochäus)*

Bilde mir nicht ein, ich könnte was lehren,

Die Menschen zu bessern und zu bekehren. *(Amphibrachys)*

ТРАГЕДИИ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ:

НОЧЬ

*В готической комнате с высокими сводами
Фауст беспокойно в кресле около бюро.*

ФАУСТ:

Выучил! Философию,
Юристику и врачевать,
И, к горю, теософию!
Вполне старался **усердствовать**.
Теперь я тут, смешной болван!
Умен как прежде и профан.
Званье магистр и даже доктор вот
Вожу за нос десятый **уж год**,
И вниз, и вверх, и поперек
Глупых школьников своих всех не впрок.
И вижу, что всего **знать не можем!**
Что сердце мне сжигает тоже.
Хоть понятливее я всех слюнтяев,
Ученых, **писак, святош**, всех лентяев.
Сомнений, совести нет, **нет правил**,
Мне не страшны уж ни Ад и ни Дьявол –
За то заказана любая радость,
Знаю, права что не знаю клада,
Знаю, что учить не могу по сути,
Улучшить людей, обратить к чему-то.

Auch hab ich weder Gut noch Geld,
Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt;
Es möchte kein **Hund so länger leben!**
Drum hab ich mich der **Magie ergeben,**
Ob mir durch Geistes Kraft und Mund
Nicht manch Geheimnis würde kund;
Daß ich nicht mehr mit saurem Schweiß
Zu sagen brauche, **was ich nicht weiß;**
Daß ich erkenne, was die Welt
Im Innersten zusammenhält,
Schau alle Wirkenskraft und Samen,
Und tu' nicht mehr in Worten kramen.

O sähst du, voller Mondenschein,
Zum letztenmal auf meine Pein,
Den ich so manche Mitternacht
An diesem Pult herangewacht:
Dann über Büchern und Papier,
Trübsel'ger Freund, erschienst du mir!
Ach! könnt ich doch auf Bergeshöhn
In deinem lieben Lichte gehn,
Um Bergeshöhle mit **Geistern schweben,**
Auf Wiesen in **deinem Dämmer weben,**
Von allem Wissensqualm entladen,
In deinem Tau gesund mich baden!

Ни денег нету, ни добра,
Ни чести, ни красы мира.
Так не хотел бы и **пес жить дальше!**
Так я теперь **магии отдался,**
Иль сила духов может быть
Поможет тайну мне открыть.
Что не поможет трудный пот,
Понять мне то, что знает **Господь.**
Что мне познать давно пора,
Что ж держит все внутри мира,
Узреть всю силу действий главных,
Не рыться чтоб в словесном хламе.

Ты, лунный свет, не знаешь что ль,
В последний раз зришь мою боль,
С которым я в полночный час,
Бессонно бодрствовал не раз:
Тут ты над книгами вокруг,
Являлся мне, печальный друг!
Ах! В свете я твоём с тех пор
Всходить бы мог на пики гор,
В пещере знать с **духами витанье,**
И на лугах ткать в **твоем мерцанье,**
От чада знаний отказаться
В твоей росе оздоравливаться!

Weh! steck ich in dem Kerker noch?
Verfluchtes dumpfes Mauerloch,
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb durch gemalte Scheiben bricht!
Beschränkt mit diesem Bücherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den, bis ans hohe **Gewölb hinauf**,
Ein angeraucht Papier umsteckt;
Mit Gläsern, Büchsen rings umstellt,
Mit Instrumenten vollgepfropft,
Urväter Hausrat drein gestopft –
Das ist deine Welt! das heißt eine Welt!

Und fragst du noch, warum dein Herz
Sich bang in deinem Busen klemmt?
Warum ein unerklärter Schmerz
Dir alle Lebensregung hemmt?
Statt der lebendigen Natur,
Da Gott die Menschen schuf hinein,
Umgibt in Rauch und Moder nur
Dich Tiergeripp und Totenbein.

Flieh! auf! hinaus ins weite Land!
Und dies geheimnisvolle Buch,
Von Nostradamus' eigner Hand,
Ist dir es nicht Geleit genug?

Увы! Торчу я в конуре?
В проклятых стен глухой дыре,
Где даже неба милый луч,
Бьет в окна мрачно, как из туч!
Завален этим хламом книг,
Что черви жрут, что пылью крыт,
Всходя до сводов почти самих,
Гора бумаги вокруг лежит.
Пробирки, банки, эликсир,
И инструменты все подряд,
Хозяйство древнее здесь в ряд –
Это ли твой мир! Так зовется мир!

Что ж спрашивать тут, почему
От страха сердце жмет в груди?
Иль больно почему ему
Без жизни света впереди?
Природы вместо той живой,
Куда Господь нас поместил,
Ты гнилью окружен одной,
Зверей скелетами, костями.

Беги! Вперед в земную даль!
Той книги лучше ли найти,
Что Нострадамус миру дал,
Тебе попутчиком в пути?

Erkennest dann der Sterne Lauf,
Und wenn Natur dich Unterweist,
Dann geht die Seelenkraft dir auf,
Wie spricht ein Geist zum andren Geist.
Umsonst, daß trocknes Sinnen hier
Die heil'gen Zeichen dir erklärt:
Ihr schwebt, ihr Geister, neben mir;
Antwortet mir, wenn ihr mich hört!

*Er schlägt das Buch auf und erblickt
das Zeichen des Makrokosmus.*

Ha! welche Wonne fließt in diesem Blick
Auf einmal mir durch alle meine Sinnen!
Ich fühle junges, heil'ges Lebensglück
Neuglühend mir durch Nerv' und Adern rinnen.
War es ein Gott, der diese Zeichen schrieb,
Die mir das innre Toben stillen,
Das arme Herz mit Freude füllen,
Und mit geheimnisvollem Trieb
Die Kräfte der Natur rings um mich her enthüllen?
Bin ich ein Gott? Mir wird so licht!
Ich schau in diesen reinen Zügen
Die wirkende Natur vor meiner Seele liegen.
Jetzt erst erkenn ich, was der Weise spricht:
„Die Geisterwelt ist nicht verschlossen;

Поймешь движение светил,
Природа если просветит,
И всплеск твоих душевных сил,
Твой дух с другим заговорит.
Напрасно ждать, что разум сухо
Святые знаки объяснит:
Вы, вокруг витающие духи,
Ответьте мне, коль слух не спит!

*Он открывает книгу и узревает
знак Макрокосмоса*

Ха! Что за наслажденье в этот миг
Течет во мне чрез чувства все так живо!
Я вижу счастья жизни святой блик,
Он вновь во мне, как в нервах, так и в жилах.
Ужели Бог мне знаки начертил,
Что дрожь души мне утешают,
А сердце радостью вздымают,
И вокруг меня природных сил,
С настойчивостью тайной, ларчик открывают?
Иль я есть Бог? Все, вдруг, мне свет!
И зрю я в этих линиях чистых,
Как мне в душе природы действие лучится.
Теперь лишь мудрый узнаю совет:
„Мир духов вовсе не закрыт нам.

Dein Sinn ist zu, dein Herz ist tot!
Auf, bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenrot!“

Er beschaut das Zeichen.

Wie alles sich zum Ganzen webt,
Eins in dem andern wirkt und lebt!
Wie Himmelskräfte auf und nieder steigen
Und sich die goldnen Eimer reichen!
Mit segenduftenden **Schwingen**
Vom Himmel durch die Erde dringen,
Harmonisch all das All durchklingen!
Welch Schauspiel! Aber ach! ein Schauspiel nur!
Wo fass ich dich, unendliche Natur?
Euch Brüste, wo? Ihr Quellen alles Lebens,
An denen Himmel und **Erde hängt**,
Dahin die welke Brust sich drängt –
Ihr quellt, ihr tränkt, und schmacht ich so vergebens?

*Er schlägt unwillig das Buch um und erblickt
das Zeichen des Erdgeistes.*

Wie anders wirkt dies Zeichen auf mich ein!
Du, Geist der Erde, bist mir näher;
Schon fühl ich meine Kräfte höher,

Твой мозг закрыт, душа мертва!
Встань, ученик, и бескорыстно
Мой грудь Земли в заре утра!“

Он осматривает знак.

Как все сплетается в одно,
Друг в друге как живет оно!
Как силы неба, падая, вставая,
Себе злат ведра подавая,
Волною **благословенной**,
Земли пронзают мир нетленный,
Звучат чрез все во всей Вселенной!
Что за спектакль! Но, ах! Спектакель лишь!
Природы бесконечность где узришь?
Вас, груди, где? Источник вечный жизни,
На коих Небо, **Земля висят**,
Тянусь душой к вам чахлой я –
Поите вы, томлюсь я зря на тризне?

*Он произвольно листает книгу и видит
знак Земного Духа.*

Как сей знак враз влияет на меня!
Ты, Дух Земной, мне все же ближе.
Уже сил нарастанье вижу,

Schon glüh ich wie von neuem Wein.
Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen,
Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen,
Mit Stürmen mich herumzuschlagen
Und in des Schiffbruchs Knirschen nicht zu zagen.
Es wölkt sich über mir –
Der Mond verbirgt sein Licht –
Die Lampe schwindet!
Es dampft! Es zucken rote Strahlen
Mir um das Haupt – Es weht
Ein Schauer vom Gewölb herab
Und faßt mich an!
Ich fühl's, du schwebst um mich, erflehter Geist
Enthülle dich!
Ha! wie's in meinem Herzen reißt!
Zu neuen **Gefühlen**
All meine Sinnen sich erwählen!
Ich fühle ganz mein Herz dir hingegen!
Du mußt! du mußt! und kostet es mein Leben!

*Er faßt das Buch und spricht das Zeichen des Geistes
geheimnisvoll aus. Es zuckt eine rötliche Flamme,
der Geist erscheint in der Flamme.*

GEIST: Wer ruft mir?

Горю, как с нового вина.
Я смелость ощущаю, в мир пойти,
Земле и боль, и счастье чтоб нести,
Со штурмами борьбу вести
И в корабля крушенье не трястись.
Клубится надо мной –
Луна свет прячет свой –
Светильник меркнет!
Парит! И трепет лучезарный
Мне вокруг главы. – Несет
Как трепетом со сводов вниз,
Пробив меня!
Паришь ты вокруг меня, молимый Дух!
Откройся мне!
Как в сердце клокочу я, вдруг!
К моей **НОВОЙ ЖИЗНИ**
Открылись чувства все, как к тризне!
Я полным сердцем преданный тебе!
Ты должен! Жизнь отдам за то судьбе!

*Он трогает книгу и произносит заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя,
Дух появляется в пламени.*

ДУХ: Кто звал?

FAUST, *abgewendet*: Schreckliches Gesicht!

GEIST:

Du hast mich mächtig angezogen,
An meiner Sphäre lang gesogen,
Und nun –

FAUST: Weh! ich ertrag dich nicht!

GEIST:

Du flehst, eratmend mich zu schauen,
Meine Stimme zu hören, **mein Antlitz** zu sehn;
Mich neigt dein mächtig Seelenflehn,
Da bin ich!- Welch erbärmlich Grauen
Faßt Übermensch dich! Wo ist der Seele Ruf?
Wo ist die Brust, die eine Welt in sich erschuf
Und trug und hegte, die mit Freudebeben
Erschwoll, sich uns, den Geistern, gleich zu heben?
Wo bist du, Faust, des Stimme mir erklang,
Der sich an mich mit allen Kräften drang?
Bist du es, der, von meinem Hauch unwittert,
In allen Lebenslagen zittert,
Ein furchtsam weggekrümmter Wurm?

FAUST:

Soll ich dir, Flammenbildung, weichen?

ФАУСТ, *отворачиваясь*: Какая морда, жуть!

ДУХ:

Меня ты притянул изрядно,
Во сферах мне звеня отрадно,
И что ж –

ФАУСТ: Тебя не выношу!

ДУХ:

Ты молишь зреть меня с томленьем,
Голос мой слышать, видеть **мой облик** готов.
Меня склонил душевный зов,
Я здесь! И что ж? – Ты, трус, волненьем
Охвачен вмиг, сверхчеловек! Души зов где?
Души, создавшей мир в себе, его везде
Неся, лелея, радость что познала,
Взбухая, ввысь к нам, духам, воздымала?
Где ж, Фауст, ты, прозвучал мне голос чей,
Ко мне который рвался с силой всей?
Иль ты, моим овеянный дыханьем,
Трясешься, как при умиранье,
Ты, страхом скрученный червяк?

ФАУСТ:

Тебя бояться, прототип огня,

Ich bin 's, bin Faust, bin deinesgleichen!

GEIST:

In Lebensfluten, im **Tatensturm**

Wall ich auf und ab,

Webe hin und her!

Geburt und Grab,

Ein ewiges Meer,

Ein wechselndes Weben,

Ein glühend Leben,

So schaff ich am **laufenden** Webstuhl **der Zeit**

Und wirke der **Gottheit** lebendiges **Kleid**.

FAUST:

Der du die weite Welt umschweifst,

Geschäftiger **Geist, wie nah fühl ich mich dir!**

GEIST:

Du gleichst dem Geist, den du begreifst,

Nicht mir!

Verswindet

FAUST, *zusammenstürzend*:

Nicht dir?

Wem denn?

Иль должен я? Я, Фауст, тебе ровня!

ДУХ:

В потоках жизни, дел шторме всяк
Бурлю я вниз, вверх,
Тку здесь, там споро!
Рожденье, смерть,
Вечное море,
Тканье могучее,
Как жизнь жгучая,
Так на времен ткацком станке я тружусь
И платье **живое божеству вяжу.**

ФАУСТ:

Ты, тот кто дальний мир объял,
Дух занятый, **мы близки так в глубине!**

ДУХ:

Ты близок духу, что понял,
Не мне!

Исчезает

ФАУСТ *сокрушенно:*

Не Вам?

Кому ж?

Ich Ebenbild der Gottheit!

Und nicht einmal dir!

Es klopft.

O Tod! ich kenn's – das ist mein Famulus –

Es wird mein schönstes Glück zunichte!

Daß diese Fülle der Gesichte

Der trockne Schleicher stören muß!

*Wagner im Schlafrock und der Nachtmütze, eine Lampe
in der Hand. Faust wendet sich unwillig.*

WAGNER:

Verzeiht! ich hör euch deklamieren;

Ihr last gewiß ein griechisch Trauerspiel?

In dieser Kunst möcht ich was profitieren,

Denn heutzutage wirkt das viel.

Ich hab es öfters rühmen hören,

Ein Komödiant könnt einen Pfarrer lehren.

FAUST:

Ja, wenn der Pfarrer ein Komödiant ist;

Wie das denn wohl zuzeiten kommen mag.

Я – божеству подобье!

Даже все ж не Вам!

Стучатся.

О смерть! Я знаю – то мой ассистент –

Счастливое мне прочь виденье!

Мне должен был всех лиц скопленье

Нарушить этот конкурент!

Вагнер в спальном халате и колпаке, в руке лампа.

Фауст произвольно поворачивается.

ВАГНЕР:

Простите! Я слышу Вам речится.

Не греков драму ль читали Вы?

Тому бы мне искусству подучиться,

Слышны сегодня ей хвалы.

И часто слышать Вам случится,

Что мог бы поп у комика учиться.

ФАУСТ:

Да, коль тот поп и сам комедиант есть,

Сегодня как положено тому.

WAGNER:

Ach! wenn man so in sein Museum gebannt ist,
Und sieht die Welt kaum einen Feiertag,
Kaum durch ein Fernglas, nur von weitem,
Wie soll man sie durch Überredung leiten?

FAUST:

Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen,
Wenn es nicht aus der Seele dringt
Und mit urkräftigem Behagen
Die Herzen aller Hörer zwingt.
Sitzt ihr nur immer! leimt zusammen,
Braut ein Ragout von andrer Schmaus,
Und blast die kümmerlichen Flammen
Aus eurem Aschenhäufchen ,raus!
Bewundrung von **Kindern** und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht.
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht.

WAGNER:

Allein der Vortrag macht des Redners Glück;
Ich fühl es wohl, noch bin ich weit zurück.

FAUST:

Such Er den redlichen Gewinn!

ВАГНЕР:

Ах! Если он в музей свой так прогнат есть,
То видеть мир лишь в праздники ему,
Лишь чрез подзорную трубу смотреньем,
Как должен править им он убежденьем?

ФАУСТ:

Без чувств к тому, того вам не добиться,
Коль то идет не от души
И радостью исконной в лицах
Сердца паствы не сокрушит.
Сидите дальше! Клейте вместе,
Рагу из яств других варя,
И пламя жалкое на месте
Былой золы дутьем творя!
Восторг от **детей**, обезьян там,
Коль вам на это аппетит.
Но тем не покорить сердца мирян вам,
Что не от сердца к ним летит.

ВАГНЕР:

Ведь счастье ритора – его доклад.
Я знаю, что и тут отстал назад.

ФАУСТ:

Ищи Он честно пользу тут!

Sei Er kein schellenlauter Tor!
Es trägt Verstand und rechter Sinn
Mit wenig Kunst sich selber vor!
Und wenn's euch Ernst ist, was zu sagen,
Ist's nötig, Worten nachzujagen?
Ja, eure Reden, die so blinkend sind,
In denen ihr der Menschheit Schnitzel kräuselt,
Sind unerquicklich wie der Nebelwind,
Der herbstlich durch die dürren Blätter säuselt!

WAGNER:

Ach Gott! die Kunst ist lang;
Und kurz ist unser Leben.
Mir wird, bei meinem kritischen Bestreben,
Doch oft um Kopf und Busen bang.
Wie schwer sind nicht die Mittel zu erwerben,
Durch die man zu den Quellen steigt!
Und eh man nur den halben Weg erreicht,
Muß wohl ein armer Teufel sterben.

FAUST:

Das Pergament, ist das der heil'ge Bronnen,
Woraus ein Trunk den Durst auf ewig stillt?
Erquickung hast du nicht gewonnen,
Wenn sie dir nicht aus eigener Seele quillt.

Не пустозвонным будь шутом!
Ум и понятие докладут
Себя и без искусства в том!
Коль дух речей владеет вами,
Так надо ль бегать за словами?
Да, ваши речи, что блистают так,
В которых шнитцель вы вертите людям,
Не оживляют так же, ветер как,
Что осенью средь чахлых листьев блудит!

ВАГНЕР:

О Бог! Искусству век.
А наша жизнь – мгновенье,
Я, при моем критическом стремленьи,
Все же страшусь как человек.
Как тяжело те средства не достигнуть,
К истокам с коими взойдешь!
И полпути еще тут не пройдешь,
Как уж помечен смерти стигмой.

ФАУСТ:

Пергамент ли есть тот святой колодец,
Напиток жажду чей навек толит?
И свежесть не найдешь ты сроду,
Твоя душа ее коль не родит.

WAGNER:

Verzeiht! es ist ein groß Ergetzen,
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen;
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht,
Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht.

FAUST:

O ja, bis an die Sterne weit!
Mein Freund, die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln.
Was ihr den Geist der Zeiten heißt,
Das ist im Grund der Herren eigener Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln.
Da ist's denn wahrlich oft ein Jammer!
Man läuft euch bei dem ersten Blick davon.
Ein Kehrlichtfaß und eine Rumpelkammer
Und höchstens eine Haupt- und Staatsaktion
Mit trefflichen pragmatischen Maximen,
Wie sie den Puppen wohl im Munde ziemen!

WAGNER:

Allein die Welt! des Menschen Herz und Geist!
Möcht jeglicher doch was davon erkennen.

FAUST:

Ja, was man so erkennen heißt!

ВАГНЕР:

Простите! То была б отрада,
Нам в дух времен проникнуть без преграды,
Чтоб посмотреть, как думал там мудрец до нас,
Как далеко с тех пор развились мы сейчас.

ФАУСТ:

О да, до звезд развились мы!
Мой друг, для нас семью печатями
Они, дни прошлого, закрыты.
Как дух времен достигнет слух,
По сути, собственный господ лишь дух,
Как зеркало времен сокрытых.
Да тут, и в правду ж, часто горе!
От вас бегут при первом взгляде вон.
Помойка лишь да хлам в каморе
Иль главный государственный резон,
Практичными максимами кричащий,
Что больше глупым куклам подходящи!

ВАГНЕР:

Сам мир! Дух, сердце человека знать!
Владел бы каждый знаньями такими.

ФАУСТ:

Да, как то знанье понимать!

Wer darf das Kind beim Namen nennen?
Die wenigen, die was davon erkannt,
Die töricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreuzigt und verbrannt.
Ich bitt Euch, Freund, es ist tief in der Nacht,
Wir müssen's diesmal unterbrechen.

WAGNER:

Ich hätte gern nur immer fortgewacht,
Um so gelehrt mit Euch mich zu besprechen.
Doch morgen, als am ersten Ostertage,
Erlaubt mir ein' und andre Frage.
Mit Eifer hab' ich mich der Studien beflissen;
Zwar weiß ich viel, doch möcht' ich alles wissen.
Ab.

FAUST *allein:*

Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Der immerfort an schalem Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet!

Darf eine solche Menschenstimme hier,
Wo Geisterfülle mich umgab, ertönen?
Doch ach! für diesmal dank ich dir,
Dem ärmlichsten von allen Erdensöhnen.

Кто может дать ребенку имя?
Немногие, кто часть о том узнал,
Кто глупо свое сердце не щадили,
И черни свои чувства и свой взгляд открыли,
Тех всякий раз костер и крест лишь ждал.
Прошу вас, друг, уже глубоко в ночь,
Пора и нам ко сну уж скоро?

ВАГНЕР:

Я б сон хотел охотно превозмочь,
Чтоб с Вами дальше так учено спорить.
Все ж завтра дайте в день священной Пасхи,
Один-другой ответ от Вас мне?
С усердием я всем наукам предавался,
Часть знаю, все познать бы постарался.

Уходит

ФАУСТ *один*:

Как все ж надежду голова лелеет,
Цепляясь в ней всегда за пустяки,
Клад ищет с жадностью руки,
Червя ж найдя, она пред ним уж млеет!

Как мог же мужа с этим даром глас
Звучать на месте с духами свиданья?
Но благодарен я сейчас,
Тебе, земли убожьюе создание.

Du rissest mich von der Verzweiflung los,
Die mir die Sinne schon zerstören wollte.
Ach! die Erscheinung war so riesengroß,
Daß ich mich recht als Zwerg empfinden sollte.

Ich, Ebenbild der Gottheit, das sich schon
Ganz nah gedünkt dem Spiegel ew'ger Wahrheit,
Sein selbst genoß in Himmelsglanz und Klarheit,
Und abgestreift den Erdensohn;
Ich, mehr als Cherub, dessen freie Kraft
Schon durch die Adern der Natur zu fließen
Und, schaffend, Götterleben zu genießen
Sich ahnungsvoll vermaß, wie muß ich's büßen!
Ein Donnerwort hat mich hinweggerafft.

Nicht darf ich dir zu gleichen mich vermessen!
Hab ich die Kraft dich anzuziehn besessen,
So hatt ich dich zu halten keine Kraft.
In jenem sel'gen Augenblicke
Ich fühlte mich so klein, so groß;
Du stießest grausam mich zurücke,
Ins ungewisse Menschenlos.
Wer lehret mich? was soll ich meiden?
Soll ich gehorchen jenem Drang?
Ach! unsre Taten selbst, so gut als unsre Leiden,
Sie hemmen unsres Lebens Gang.

Мое отчаянье ты тем прервал,
Меня свести с ума что было близко.
Ах! Мне таким огромным дух предстал,
Что карликом себя я видел низким.

Я, божеству подобный, кто уже
Казалось был ко правде вечной близко,
Собою наслаждался в неба блеске
И суть земную отложил.
Я возомнил себя, как Херувим,
Чья мощь уже течет в природы жилах
И, созидая, жизнью Бога жил я
Раскаянье теперь лишь мне по жизни!
Низверг меня он словом громовым!

С тобой сравняться нагло возомнил я!
Привлечь тебя мояхватила сила,
Но не сдержать, чтобы побыть двоим.
В таком благословенном миге
Я то велик, то малый был.
Отверг меня ты жестко в лигу
Людей с безвестностью судьбы.
Кто учит? Избегать чего же?
Сей должен слушать я позыв?
Увы! Дела людей, как и страданья тоже,
Лишь жизни тормозят порыв.

Dem Herrlichsten, was auch der Geist empfangen,
Drängt immer fremd und fremder Stoff sich an;
Wenn wir zum Guten dieser Welt gelangen,
Dann heißt das Beste Trug und Wahn.
Die uns das Leben gaben, herrliche Gefühle
Erstarren in dem irdischen Gewühle.

Wenn Phantasie sich sonst mit kühnem Flug
Und hoffnungsvoll zum Ewigen erweitert,
So ist ein kleiner Raum ihr nun genug,
Wenn Glück auf Glück im Zeitenstrudel scheitert.
Die Sorge nistet gleich im tiefen Herzen,
Dort wirkt sie geheime Schmerzen,
Unruhig wiegt sie sich und stört Lust und Ruh;
Sie deckt sich stets mit neuen Masken zu,
Sie mag als Haus und Hof, als Weib und Kind erscheinen,
Als Feuer, Wasser, Dolch und Gift;
Du bebst vor allem, was nicht trifft,
Und was du nie verlierst, das muß du stets beweinen.

Den Göttern gleich ich nicht! zu tief ist es gefühlt;
Dem Wurme gleich ich, der den Staub durchwühlt,
Den, wie er sich im Staube nährend lebt,
Des Wandrers Tritt vernichtet und begräbt.

Ist es nicht Staub, was diese hohe Wand

К прекрасному, что духу тож не чуждо,
Всегда чужое прет и чуждый клан.
Коль мы к добру сведем все мира нужды,
То лучшее есть бред, обман.
А чувства лучшие, что дали жизни крохи,
В земной застынут этой суматохе.

Фантазия коль к вечности стремится
С надеждой и дерзанием подняться,
Вольно ей и в пространстве малом жить,
Коль счастьем в вихре жизни не утаться.
Сидит забота в глубине сердечной,
Приводит к болям неизлечным,
Резвится, радости лишая нас и сна.
Под масками скрывается она:
Является как дом иль двор, жена ль, дитя ли,
Огонь, вода ли, нож иль яд.
Пред всем дрожим мы, что не в ряд.
Что ж нам навек, оплакиваем, не шутя мы.

Богам не равен я! Сомнения прошли.
Червю я равен, вьется кто в пыли,
Его, питаясь прахом, кто живет,
Нога бродяги быстро погребет.

Иль то не прах, что высота сих стен

Aus hundert Fächern mit verenget?
Der Trödel, der mit tausendfachem Tand
In dieser Mottenwelt mich dränget?
Hier soll ich finden, was mir fehlt?
Soll ich vielleicht in tausend Büchern lesen,
Daß überall die Menschen sich gequält,
Daß hier und da ein Glücklicher gewesen? –
Was grinstest du mir, hohler Schädel, her?
Als daß dein Hirn, wie meines, einst verwirret
Den leichten Tag gesucht und in der Dämmerung schwer,
Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.
Ihr Instrumente freilich spottet mein,
Mit Rad und Kämmen, Walz und Bügel:
Ich stand am Tor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.
Geheimnisvoll am lichten Tag
Läßt sich Natur des Schleiers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben.
Du alt Geräte, das ich nicht gebraucht,
Du stehst nur hier, weil dich mein Vater brauchte.
Du alte Rolle, du wirst angeraucht,
Solang an diesem Pult die trübe Lampe schmauchte.
Weit besser hätt ich doch mein Weniges verpraßt,
Als mit dem Wenigen belastet hier zu schwitzen!
Was du ererbt von deinen Vätern hast,

Из сотен ящиков сужает?
Весь этот хлам, где безделушек тлен
Мир моли мой здесь окружает?
Искать мне здесь того, что нет?
Иль в тысячах я книг читать то должен,
Людей везде что мучит этот свет,
Что иногда счастливый был тут тоже? –
Что хмылишься ты, череп полый, мне?
Как будто мозг твой, как и мой сомненный,
Дня легкого ища, во тьме, как в тяжком сне,
Блудил убого, жажда правды брэнной.
Вы, инструменты, шутите со мной,
Застыв без прока в этой пыли:
Я у ворот стоял, но вы – ключ мой,
Хоть бородок витой, запор мне не открыли.
Таинственна и в светлый день
Не даст природа снять с нее покровы,
И то, что ей открыть твоёму духу лень,
К тому не принудят ни гайки, ни подковы.
Прибор старинный, что мне без нужды,
Ты здесь, поскольку ты отцу был нужен.
И свиток здесь, коптиться будешь ты,
Пока, копя вокруг, мне эта лампа служит.
Я б лучше малое мое растратил уж,
Чем здесь потеть, загруженный всем малым этим!
Твое наследство из отцовых уз,

Erwirb es, um es zu besitzen.

Was man nicht nützt, ist eine schwere Last,
Nur was der Augenblick erschafft, das kann er nützen.

Doch warum heftet sich mein Blick auf jene Stelle?
Ist jenes Fläschchen dort den Augen ein Magnet?
Warum wird mir auf einmal lieblich helle,
Als wenn im nächt'gen Wald uns Mondenglanz umweht?

Ich grüße dich, du einzige Phiole,
Die ich mit Andacht nun herunterhole!
In dir verehr ich Menschenwitz und Kunst.
Du Inbegriff der holden Schlummersäfte,
Du Auszug aller tödlich feinen Kräfte,
Erweise deinem Meister deine Gunst!
Ich sehe dich, es wird der Schmerz gelindert,
Ich fasse dich, das Streben wird gemindert,
Des Geistes Flutstrom ebbet nach und nach.
Ins hohe Meer werd ich hinausgewiesen,
Die Spiegelflut erglänzt zu meinen Füßen,
Zu neuen Ufern lockt ein neuer Tag.

Ein Feuerwagen schwebt, auf leichten Schwingen,
An mich heran! Ich fühle mich bereit,
Auf neuer Bahn den Äther zu durchdringen,
Zu neuen Sphären reiner Tätigkeit.

Сперва добудь, чтобы владеть им.
Что мы не пользуем, то тяжкий груз,
Лишь то, что миг создаст, о том лишь и радеть нам.

Почему же мой взгляд притянут этим местом?
Иль там тот пузырек моим глазам магнит?
Чего ж мне стало, вдруг, светло и лестно,
Так, как в ночном лесу нас лунный свет манит?

Приветствую тебя, флакон блаженный,
Что я сниму сейчас благословенно!
В тебе людей искусство говорит.
Ты, соки сна волшебные таящий,
Экстракт всех сил смертельных и изящных,
Пусть будет мастер твой, твой фаворит!
Смотреть уж на тебя – смягченье боли,
Тебя держать – уже смягчает волю,
Прилив от духа вновь уходит в тень.
Отлив в открытое уносит море
Меня, у ног блестя воды простором,
К брегам новейшим манит новый день.

Парит ко мне карета огневая,
Как на волнах! Путем иным готов
Проникнуть сквозь эфир, я это знаю,
Ко сферам чистых, новых мне делов.

Dies hohe Leben, diese Götterwonne!
Du, erst noch Wurm, und die verdienst du?
Ja, kehre nur der holden Erdensonne
Entschlossen deinen Rücken zu!
Vermesse dich, die Pforten aufzureißen,
Vor denen jeder gern vorüberschleicht!
Hier ist es Zeit, durch Taten zu beweisen,
Daß Manneswürde nicht der Götterhöhe weicht,
Vor jener dunkeln Höhle nicht zu beben,
In der sich Phantasie zu eigener Qual verdammt,
Nach jenem Durchgang hinzustreben,
Um dessen engen Mund die ganze Hölle flammt;
Zu diesem Schritt sich heiter zu entschließen,
Und wär es mit Gefahr, ins Nichts dahin zu fließen.
Nun komm herab, kristallne reine Schale!
Hervor aus deinem alten Futterale,
An die ich viele Jahre nicht gedacht!
Du glänzttest bei der Väter Freudenfeste,
Erheitertest die ernsten Gäste,
Wenn einer dich dem andern zugebracht.
Der vielen Bilder künstlich reiche Pracht,
Des Trinkers Pflicht, sie reimweis zu erklären,
Auf einen Zug die Höhlung auszuleeren,
Erinnert mich an manche Jugendnacht.
Ich werde jetzt dich keinem Nachbar reichen,
Ich werde meinen Witz an deiner Kunst nicht zeigen.

Высокой жизни божье наслажденье!
Иль ты, как раз лишь червь, то заслужил?
Земного солнца милому свеченью
Ты лучше спину покажи!
Дерзни теперь те растворить ворота,
Где мимо все стараются пройти!
Здесь время доказать делами что-то,
Что сан людской не ниже божьей высоты,
Пред темной той пещерой не труситься,
Где ты фантазией к мучениям проклят,
К тому проходу все ж стремиться,
Чей узкий вход всем Ада пламенем объят.
К такому шагу с ясностью решиться,
С опасностью в ничто при этом раствориться.
Что ж, вниз спустишь фужер кристально ясный!
Явись из козюха пред мной прекрасный,
Который я уж много лет забыл!
Блистал ты на отцов пиров весельях,
Гостей твоим дурманым зельем
Ты радовал, коль по рукам ходил.
Картин искусство долг того, кто пил,
Изобразить был рифмой совершенной,
И передать бокал опустошенный,
Как память мне, что я в себе носил.
Тебя теперь не передам соседу,
Красе твоей не покажу я шуточки бреда.

Hier ist ein Saft, der eilig trinken macht;
Mit brauner Flut erfüllt er deine Höhle.
Den ich bereitet, den ich wähle,
Der letzte Trunk sei nun, mit ganzer Seele,
Als festlich hoher Gruß, dem Morgen zugebracht!

Er setzt die Schale an den Mund.

Glockenklang und Chorgesang.

CHOR DER ENGEL: (*Daktylus*)

Christ ist erstanden!

Freude dem Sterblichen,

Den die verderblichen,

Schleichenden, erblichen

Mängel umwandern.

FAUST:

Welch tiefes Summen, welch **heller Ton**

Zieht mit Gewalt das Glas von meinem Munde?

Verkündigt ihr **dumpfen Glocken schon**

Des Osterfestes erste Feierstunde?

Ihr Chöre, singt ihr schon den tröstlichen Gesang,

Der einst, um Grabes Nacht, von Engelslippen klang,

Gewißheit einem neuen Bunde?

Здесь сок, который быстро всех пьянил.
Тебя наполнит он потоком бурным.
Готовил сам я сок натурный,
Питьем последним будь душе сумбурной,
И праздничный привет утру оповести!

Он подносит фужер ко рту

Звон колоколов и пение хоров.

ХОР АНГЕЛОВ:

Христос воскресе!

Радость же смертному,

Кто весь зловредным тут,

Грехом наследственным

Весь опоесен.

ФАУСТ:

О что за низкий гул, **светлый тон**

Насильно рвут фужер от рта мне снова?

Вещает уж **колокола звон**

Святой час Пасхи, праздника Христова?

Иль хор тут тот поет, развеять чтоб печаль,

Что в воскресенья ночь из ангелов звучал,

Чтоб веру дать союзу нову?

CHOR DER WEIBER:

Mit Spezereien

Hatten wir ihn gepflegt,

Wir seine Treuen

Hatten ihn hingelegt;

Tücher und Binden

Reinlich unwanden wir,

Ach! und wir finden

Christ nicht mehr hier.

CHOR DER ENGEL:

Christ ist erstanden!

Selig der Liebende,

Der die betrübende,

Heilsam und übende

Prüfung bestanden.

FAUST:

Was sucht ihr mächtig und gelind,

Ihr Himmelstöne, mich am Staube?

Klingt dort umher, wo weiche Menschen sind.

Die Botschaft hör ich wohl, allein mir fehlt der Glaube;

Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind.

Zu jenen Sphären wag ich nicht zu streben,

Woher die holde Nachricht tönt;

Und doch, an diesen Klang von Jugend auf gewöhnt,

ХОР ЖЁН-МИРОНОСИЦ:

Благовоньями

Мыли его всего,

Верно подданны

Клали туда его,

Он плащаницей

Был там укутан весь,

Ах! Убедитесь

Христос не здесь.

ХОР АНГЕЛОВ:

Христос воскрес!

Блажен будь любящий,

Кто нещадящую,

Благо творящую

Пробу изнесе.

ФАУСТ:

Что ищите так мощно вы

Меня, о звуки неба, в прахе?

Вы людям кротким пели лучше бы.

Посланье слышу я, вот веры нет ни крохи.

Ведь чудо – порожденье вер любых.

Я не решаюсь к сфере той стремиться,

Что мне посланье ваше шлет.

И все ж привычны эти звуки с юных лет

Ruft er auch jetzt zurück mich in das Leben.
Sonst stürzte sich der Himmelsliebe Kuß
Auf mich herab in ernster Sabbatstille;
Da klang so ahnungsvoll des Glockentones Fülle,
Und ein Gebet war brünstiger Genuß;
Ein unbegreiflich holdes Sehnen
Trieb mich, durch Wald und Wiesen hinzugehn,
Und unter tausend heißen Tränen
Fühlt ich mir eine Welt entstehn.
Dies Lied verkündete der Jugend muntre Spiele,
Der Frühlingsfeier freies Glück;
Erinnerung hält mich nun, mit kindlichem Gefühle,
Vom letzten, ersten Schritt zurück.
O tönent fort, ihr süßen Himmelslieder!
Die Träne quillt, die Erde hat mich wieder!

CHOR DER JÜNGER:

Hat der Begrabene
Schon sich nach oben,
Lebend Erhabene,
Herrlich erhoben;
Ist er in Werdeluft
Schaffender Freude nah;
Ach! an der Erde Brust
Sind wir zum Leide da.
Ließ er die Seinen

Зовут меня вновь к жизни возвратиться.
Тогда любви небесной поцелуй
Ко мне всегда сходил в субботней тиши,
Где колокол гремел предвестно свыше
И яро всяк молитвы пел хвалу.
Непостижимо сладка скука
Гнала меня чрез лес, поля идти,
В слезах тоски ломал я руки,
Пытался новый мир найти.
Песнь эта возвестила юности забавы
И счастье праздника весны,
Вернула мне опять, отняв от рта отраву,
Те чувства счастья, детства сны.
Звучите песни неба сладким словом!
Слеза течет и у Земли я снова!

ХОР АПОСТОЛОВ:

На крест повешенный
Уже воскресе,
Вживе возвышенный,
Чудно вознесся.
Он в становлении,
Радость творящий весь.
Ах! На груди Земли
Мы для страданья здесь.
Оставил паче

Schmachtend uns hier zurück;

Ach! wir beweinen,

Meister, dein Glück!

CHOR DER ENGEL:

Christ ist erstanden,

Aus der Verwesung Schoß.

Reißet von Banden

Freudig euch los!

Tätig ihn Preisenden,

Liebe Beweisenden,

Brüderlich Speisenden,

Predigend Reisenden,

Wonne Verheißenden,

Euch ist der Meister nah,

Euch ist er da!

Томную нашу плоть.

Твое оплачем,

Счастье Господь!

ХОР АНГЕЛОВ:

Христос воскрес!

Себе от тленья спас,

Вырвет из пут всех

Радостно вас!

Славно хвалящие,

Любо дарящие,

Братски кормящие,

Проповедь вящие

Благо носящие,

Мастер вам близок так

Вам он тут всяк.

VOR DEM TOR

Spaziergänger aller Art ziehen hinaus.

EINIGE HANDWERKSBURSCHE:

Warum denn dort hinaus?

ANDRE:

Wir gehn hinaus aufs Jägerhaus.

DIE ERSTEN:

Wir aber wollen nach der Mühle wandern.

EIN HANDWERKSBURSCH:

Ich rat euch, nach dem Wasserhof zu gehn.

ZWEITER:

Der Weg dahin ist gar nicht schön.

DIE ZWEITEN:

Was tust denn du?

EIN DRITTER: Ich gehe mit den andern.

VIERTER:

Nach Burgdorf kommt herauf, gewiß dort findet ihr

Die schönsten Mädchen und das beste Bier,

ПЕРЕД ВОРОТАМИ

Прогуливающиеся всех мастей выходят наружу.

НЕСКОЛЬКО БРОДЯЧИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ:

Зачем туда идем?

ДРУГИЕ:

В охотничий пойдём мы дом.

ПЕРВЫЕ:

Однако ж к мельнице гулять хотим мы.

ОДИН РЕМЕСЛЕННИК:

Мой вам совет, идти на „*Wasserhof*“.

ВТОРОЙ:

Но путь туда ужасно плох.

ВТОРЫЕ:

И что с тобой?

ТРЕТИЙ: А я пойду с другими.

ЧЕТВЕРТЫЙ:

В *Burgdorf* пойдём, наверх, красавиц надо ж нам,

Найдём их мы и пиво лучше там,

Und Händel von der ersten Sorte.

FÜNFTER:

Du überlustiger Gesell,
Juckt dich zum drittenmal das Fell?
Ich mag nicht hin, mir graut es vor dem Orte.

DIENSTMÄDCHEN:

Nein, nein! ich gehe nach der Stadt zurück.

ANDRE:

Wir finden ihn gewiß bei jenen Pappeln stehen.

ERSTE:

Das ist für mich kein großes Glück;
Er wird an deiner Seite gehen,
Mit dir nur tanzt er auf dem Plan.
Was gehn mich deine Freuden an!

ANDRE:

Heut ist er sicher nicht allein,
Der Krauskopf, sagt er, würde bei ihm sein.

SCHÜLER:

Blitz, wie die wackern Dirnen schreiten!
Herr Bruder, komm! wir müssen sie begleiten.

А потасовки в лучшем виде.

ПЯТЫЙ:

Ты, свехвеселый битый пес,
Уж чешется опять твой нос?
Лишь не туда! На место то в обиде.

СЛУЖАНКА:

Нет, нет! Пойду я в город все ж назад.

ДРУГАЯ:

Мы всяк найдем его у тополей в аллее.

ПЕРВАЯ:

Только не мне он будет рад,
Ведь он пойдет с тобой скорее,
У вас все танцы на двоих.
Что ж мне до радостей твоих!

ДРУГАЯ:

Он сѣдни точно не один,
Кудрявый тож, сказал он, будет с ним.

СТУДЕНТ:

Глянь, бравы девочки шагают!
Идем! Сопровождать их предлагаю.

Ein starkes Bier, ein beizender Toback,
Und eine Magd im Putz, das ist nun mein Geschmack.

BÜRGERMÄDCHEN:

Da sieh mir nur die schönen Knaben!
Es ist wahrhaftig eine Schmach;
Gesellschaft könnten sie die allerbeste haben,
Und laufen diesen Mägden nach!

ZWEITER SCHÜLER *zum ersten:*

Nicht so geschwind! dort hinten kommen zwei,
Sie sind gar niedlich angezogen,
,s ist meine Nachbarin dabei;
Ich bin dem Mädchen sehr gewogen.
Sie gehen ihren stillen Schritt
Und nehmen uns doch auch am Ende mit.

ERSTER:

Herr Bruder, nein! Ich bin nicht gern geniert.
Geschwind! daß wir das Wildbret nicht verlieren.
Die Hand, die samstags ihren Besen führt
Wird sonntags dich am besten karessieren.

BÜRGER:

Nein, er gefällt mir nicht, der neue Burgemeister!
Nun, da er's ist, wird er nur täglich dreister.

Мне пиво б крепко, крепкий бы табак,
Да девка размалевана – вот это смак.

ДЕВУШКА-МЕЩАНКА:

Ты посмотри на этих малых!
Стыдоба, вправду же, одна.
Их в самом лучшем обществе всегда приняли б,
А им служанка лишь нужна!

ВТОРОЙ СТУДЕНТ *первому*:

Не торопись! Вон сзади тоже две,
И мило как они одеты,
Одна из них соседка мне.
Моя душа ею согрета.
Идут с поникшей головой,
В конце все ж нас возьмут они с собой.

ПЕРВЫЙ:

Мой друг, мне не подходит всякий срам.
Скорей, за диким мясом на охоту.
В субботу кто метет из дома хлам,
Та лучше в воскресенье доброхотит.

МЕЩАНИН:

Нет, мне не нравится наш новый бургомистер!
Ну что ж, он есть, и дело тут не чисто.

Und für die Stadt was tut denn er?
Wird es nicht alle Tage schlimmer?
Gehorchen soll man mehr als immer,
Und zahlen mehr als je vorher.

BETTLER *singt*:

Ihr guten Herrn, ihr schönen Frauen,
So wohlgeputzt und backenrot,
Belieb es euch, mich anzuschauen,
Und seht und mildert meine Not!
Laßt hier mich nicht vergebens leiern!
Nur der ist froh, der geben mag.
Ein Tag, den alle Menschen feiern,
Er sei für mich ein Erntetag.

ANDRER BÜRGER:

Nichts Bessers weiß ich mir an Sonn- und Feiertagen
Als ein Gespräch von Krieg und Kriegsgeschrei,
Wenn hinten, weit, in der Türkei,
Die Völker aufeinander schlagen.
Man steht am Fenster, trinkt sein Gläschen aus
Und sieht den Fluß hinab die bunten Schiffe gleiten;
Dann kehrt man abends froh nach Haus,
Und segnet Fried und Friedenszeiten.

Что городу с него, скажи?
Не все ль здесь с каждым днем все хуже?
Мы тянем пояса все туже,
При том, растут как платежи.

НИЩИЙ *поет*:

Розовощеких и нарядных,
Благих господ, прекрасных дам,
Прошу помочь мне здесь изрядно,
Нужду мою умерить вам!
Лишь кто дает, живет отраднo.
Пусть я не зря средь вас бубню!
Пусть он мне будет сбора праздник.
Вы все так рады сему дню.

ДРУГОЙ МЕЩАНИН:

Что может лучше быть в такие выходные,
Чем вопль войны иль разговор о ней,
Когда там, в Турции, в войне
Народы бьются, как шальные.
Стою в окне и пью стаканчик свой,
Смотря, как разны корабли вниз проплывают.
А вечером, придя домой,
Я вечный мир благословляю.

DRITTER BÜRGER:

Herr Nachbar, ja! so laß ich's auch geschehn:
Sie mögen sich die Köpfe spalten,
Mag alles durcheinander gehn;
Doch nur zu Hause bleib's beim alten.

ALTE zu den Bürgermädchen:

Ei! wie geputzt! das schöne junge Blut!
Wer soll sich nicht in euch vergaffen? -
Nur nicht so stolz! es ist schon gut!
Und was ihr wünscht, das wußt ich wohl zu schaffen.

BÜRGERMÄDCHEN:

Agathe, fort! ich nehme mich in acht,
Mit solchen Hexen öffentlich zu gehen;
Sie ließ mich zwar in Sankt Andreas' Nacht
Den künft'gen Liebsten leiblich sehen –

DIE ANDRE:

Mir zeigte sie ihn im Kristall,
Soldatenhaft, mit mehreren Verwegnen;
Ich seh mich um, ich such ihn überall,
Allein mir will er nicht begegnen.

SOLDATEN:

Burgen mit hohen

ТРЕТИЙ МЕЩАНИН:

Сосед! По мне, пусть тоже будет так.
Себе они пусть бошки сломят,
Пусть там случится весь бардак.
Но пусть все мирно будет дома.

СТАРУХА *к девушкам-мещанкам:*

Ай! Как броски! Красива юнна кровь!
Кто ж не положит на вас глазу?
Лишь не гордитесь! Выше бровь!
Ведь что вам надо, я то дам вам сразу.

ДЕВУШКА-МЕЩАНКА:

Пошли, Агата! Или ты не прочь
С колдуньей сей в открытую якшаться.
Хотя она в Сант-Андреаса ночь
Дала суженому мне показаться.

ДРУГАЯ:

Мне показал его кристалл –
Лихой солдат со всеми доблестями.
С тех пор искать мой взор его устал,
Идем мы разными путями.

СОЛДАТЫ:

Крепости стойки,

Mauern und Zinnen,
Mädchen mit stolzen
Höhnenden Sinnen
Möcht ich gewinnen!
Kühn ist das Mühen,
Herrlich der Lohn!
Und die Trompete
Lassen wir werben,
Wie zu der Freude,
So zum Verderben.
Das ist ein Stürmen!
Das ist ein Leben!
Mädchen und Burgen
Müssen sich geben.
Kühn ist das Mühen,
Herrlich der Lohn!
Und die Soldaten
Ziehen davon.

Faust und Wagner.

FAUST:

Vom Eise **befreit sind Strom und Bäche**
Durch des Frühlings holden, belebenden Blick;
Im Tale grünet Hoffnungsglück;
Der alte Winter, in **seiner Schwäche,**

Стены с зубцами
Девушек колких,
Гордых сердцами
Покорим сами,
Дерзки старанья,
Куча наград!
Тут же к баталье
Трубы трубили
В радость солдату,
Как и в погибель.
Вот так атаки,
Это же жизнь!
Крепость, девахи
Сдаться должны нам.
Дерзки старанья,
Куча наград!
Снова в сраженье
Тянет солдат.

Фауст и Вагнер

ФАУСТ:

С ручьев и рек сняты льда одежды
Нежный и живящий ранней весны блик.
Озеленил долины лик,
Зимы-старухи прогнав надежды

Zog sich in rauhe Berge zurück.
Von dorthier sendet **er, fliehend, nur**
Ohnmächtige Schauer kornigen Eises
In Streifen über **die grünende** Flur;
Aber die Sonne duldet kein **Weißes,**
Überall regt sich Bildung und **Streben,**
Alles will sie mit Farben **beleben;**
Doch an Blumen fehlt's im Revier,
Sie nimmt geputzte Menschen **dafür.**
Kehre dich um, von diesen Höhen
Nach der Stadt zurückzusehen.
Aus dem hohlen finstern Tor
Dringt ein buntes Gewimmel **hervor.**
Jeder sonnt sich heute so gern.
Sie feiern **die Auferstehung** des Herrn,
Denn sie sind selber auferstanden,
Aus niedriger **Häuser dumpfen** Gemächern,
Aus Handwerks- und Gewerbesbanden,
Aus dem Druck von Giebeln und Dächern,
Aus der Straßen quetschender Enge,
Aus der Kirchen ehrwürdiger Nacht
Sind sie alle ans Licht gebracht.
Sieh nur, sieh! wie behend sich die Menge
Durch die Gärten und Felder **zerschlägt,**
Wie der Fluß, in Breit und Länge
So manchen lustigen **Nachen** bewegt,

На гор суровых заснеженный пик.
Шлет, убегая, оттуда лишь
Льда зернистого бессильны осадки
Штрихами на зелень долинных ниш.
Солнце ж не терпит белых остатков,
Зарожденья кругом и стремленья
Хочет оно, цветов оживленья.
Мало все ж цветов в месте сем,
Народ зато цветной здесь совсем.
Повернись ты и в сей отраде
Посмотри на город сзади.
Из утробы тех ворот
Пестрая толпа к нам сюда прет.
Загорают все тут и там.
День празднуют Воскресенья Христа,
Поскольку сами здесь воскресли
Из низких домов их, затхлости комнат,
Из плена дел их и ремесел,
Из-под крыш жилищ их укромных,
Из их тесных улиц давящих,
Из почтеннейшей ночи церковей
Вышли они под сень ветвей.
Посмотри толпа как выходящих,
По долинам врозь быстро течет,
Как поток реки бурлящей,
Резвясь, иной челн веселый несет,

Und bis zum Sinken überladen
Entfernt sich dieser letzte Kahn.
Selbst von des Berges fernen Pfaden
Blinken uns farbige **Kleider an**.
Ich höre schon des Dorfs Getümmel,
Hier ist des Volkes wahrer Himmel,
Zufrieden jauchzet groß und klein:
Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein!

WAGNER:

Mit Euch, Herr Doktor, zu spazieren
Ist ehrenvoll und ist Gewinn;
Doch würd ich nicht allein mich her verlieren,
Weil ich ein Feind von allem Rohen bin.
Das Fiedeln, Schreien, Kegelschieben
Ist mir ein gar verhaßter Klang;
Sie toben wie vom bösen Geist getrieben
Und nennen's Freude. nennen's **Gesang**.

Bauern unter der Linde.

Tanz und Gesang.

Der Schäfer putzte sich zum Tanz,
Mit bunter Jacke, Band und Kranz,
Schmuck war er angezogen.
Schon um die Linde war es voll,

И выше борта перегружен
Уходит вдаль последний челн,
И даже с горных троп снаружи
Нам блестит цвет людских платьев волн.
Уж слышу толчею села я,
Здесь высь небес всем неземная,
В довольстве здесь и стар и мал:
Я человек здесь, здесь им стал!

ВАГНЕР:

Мой господин, прогулка с Вами
Мне здесь познание и честь.
Я б не ступил сюда один ногами,
Так как я враг всего простого есть.
Пиликают, визжат над ухом
Мне этот шум стоит вот здесь.
Народ орёт, объят как бы злым духом
И думает, что это **есть песнь.**

Крестьяне под липой

Танцы и пение.

Оделся к танцу наш овчар,
В одежду ярку, как пожар,
Как раз к овчара лику.
Вкруг липы было уж полно,

Und alles tanzte schon wie toll.

Juchhe! Juchhe!

Juchheisa! Heisa! He!

So ging der Fiedelbogen.

Er drückte hastig sich heran,

Da stieß er an ein Mädchen an

Mit seinem Ellenbogen;

Die frische Dirne kehrt, sich um

Und sagte: Nun, das find ich dumm!

Juchhe! Juchhe!

Juchheisa! Heisa! He!

Seid nicht so ungezogen!

Doch hurtig in dem Kreise ging's,

Sie tanzten rechts, sie tanzten links,

Und alle Röcke flogen.

Sie wurden rot, sie wurden warm

Und ruhten atmend Arm in Arm,

Juchhe! Juchhe!

Juchheisa! Heisa! He!

Und Hüft an Ellenbogen.

Und tu mir doch nicht so vertraut!

Wie mancher hat nicht seine Braut

Belogen und betrogen!

Все танцевали уж давно.

Юххе! Юххе!

Юхейза! Хейза! Хе!

Смычок вокруг пиликал.

Смешался быстро он с толпой,

Столкнулся с девушкой одной,

Локтем он в бок ей тыкал.

Та повернулася к нему,

Сказала: „Вас я не пойму!“

Юххе! Юххе!

Юхейза! Хейза! Хе!

„Не будь таким прилипкой!“

Кружился очень быстро круг,

То влево, а то вправо, вдруг,

Взлетали юбки лихо,

И, покрасневши от тепла,

Дышали близко их тела,

Юххе! Юххе!

Юхейза! Хейза! Хе!

К бедру лег локоть тихо.

„Не распускайте рук своих!

Невесту каждый бы жених

Здесь обманул под липой!“

Er schmeichelte sie doch bei Seit,
Und von der Linde scholl es weit:
Juchhe! Juchhe!
Juchheisa! Heisa! He!
Geschrei und Fiedelbogen.

ALTER BAUER:

Herr Doktor, das ist schön von Euch,
Daß Ihr uns heute nicht verschmäht,
Und unter dieses Volksgedräng,
Als ein so Hochgelahrter, geht.
So nehmet auch den schönsten Krug,
Den wir mit frischem Trunk gefüllt,
Ich bring ihn zu und wünsche laut,
Daß er nicht nur den Durst Euch stillt:
Die Zahl der Tropfen, die er hegt,
Sei Euren Tagen zugelegt.

FAUST:

Ich nehme den Erquickungstrank,
Erwidr' euch allen Heil und Dank.

Das Volk sammelt sich im Kreis umher.

ALTER BAUER:

Fürwahr, es ist sehr wohl getan,

Увлёк он лаской ее все ж
От липы той, в густую рожь:
Юххе! Юххе!
Юхейза! Хейза! Хе!
Под крик смычок пиликал.

СТАРЫЙ КРЕСТЬЯНИН:

Наш доктор, как прекрасно то,
Что не гнушаетесь Вы нас,
И в эту нашу толчею,
Хоть так учён, идете раз.
Так нате ж Вам сей добрый ковш,
Напитком до краев налит,
Желаю Вам я громко, им
Не только жажду утолить.
На грамм число, что он хранит,
Пусть Бог дни жизни удлинит.

ФАУСТ:

Беру живительный бальзам,
Спасибо и здоровья вам.

Народ собирается вокруг

СТАРЫЙ КРЕСТЬЯНИН:

И впрямь, приятно очень нам,

Daß Ihr am frohen Tag erscheint;
Habt Ihr es vormals doch mit uns
An bösen Tagen gut gemeint!
Gar mancher steht lebendig hier
Den Euer Vater noch zuletzt
Der heißen Fieberwut entriß,
Als er der Seuche Ziel gesetzt.
Auch damals Ihr, ein junger Mann,
Ihr gingt in jedes Krankenhaus,
Gar manche Leiche trug man fort,
Ihr aber kamt gesund heraus,
Bestandet manche harte Proben;
Dem Helfer half der Helfer droben.

ALLE:

Gesundheit dem bewährten Mann,
Daß er noch lange helfen kann!

FAUST:

Vor jenem droben steht gebückt,
Der helfen lehrt und Hilfe schickt.

Er geht mit Wagnern weiter.

WAGNER:

Welch ein Gefühl mußst du, o großer Mann,

Что Вы в день радости средь нас;
Вобщет, досель видали мы
Лишь в злые дни добро от Вас!
Иной ведь здесь живым стоит,
Кого еще отец Ваш спас,
Поставив цель людей целить,
Когда чума косила нас.
Вы, юношей, уже тогда
Шли смело в каждый страждый дом,
Где выносили трупы вон,
Здоров остались Вы притом,
Экзамен выдержав тот высший.
Помог помошнику Он, свыше.

ВСЕ:

Здоровья, добрый человек,
Нам помогайте еще век.

ФАУСТ:

Пред Ним клонитесь, мой совет,
Помочь учил кто, помощь шлет.

Он идет с Вагнером дальше

ВАГНЕР:

Что ж должен ты, великий человек,

Bei der Verehrung dieser Menge haben!
O glücklich, wer von seinen Gaben
Solch einen Vorteil ziehen kann!
Der Vater zeigt dich seinem Knaben,
Ein jeder fragt und drängt und eilt,
Die Fiedel stockt, der Tänzer weilt.
Du gehst, in Reihen stehen sie,
Die Mützen fliegen in die Höh;
Und wenig fehlt, so beugten sich die Knie,
Als käm das Venerabile.

FAUST:

Nur wenig Schritte noch hinauf zu jenem Stein,
Hier wollen wir von unsrer Wandrung rasten.
Hier saß ich oft gedankenvoll allein
Und quälte mich mit Beten und mit Fasten.
An Hoffnung reich, im Glauben fest,
Mit Tränen, Seufzen, Händeringen
Dacht ich das Ende jener Pest
Vom Herrn des Himmels zu erzwingen.
Der Menge Beifall tönt mir nun wie Hohn.
O könntest du in meinem Innern lesen,
Wie wenig Vater **und Sohn**
Solch eines Ruhmes wert gewesen!
Mein Vater war ein dunkler Ehrenmann,
Der über die Natur und ihre heil'gen Kreise

Испытывать при этом почётанье!
Как счастлив тот, чье дарованье
Признанье даст ему навек!
Отец покажет при свиданье
Тебя, и каждый уж спешит,
Смычок застыл, танцор стоит.
Идешь ты – строятся все в ряд,
И в воздух шляпы все летят.
Еще чуть-чуть и ноги подкосит,
Как будто поп благословит.

ФАУСТ:

Еще наверх до камня несколько шагов,
Здесь сделаем привал после прогулки.
Тут в мыслях я седал из-за того,
Пытал постом себя, молитвой гулкой.
Я, с верой в сердце и уме,
В слезах рыдал, ломая руки,
И думал, что конец чуме
Положит Бог за мои муки.
Звучит издевкой мне восторг толпы.
Ты б знал те чувства, что в душе ожили,
Как мало папа **и сын**
Такою почесть заслужили!
Отец был чести человек и «тьмы»ⁱ,
Кто честно в темных и святых кругах природы,

In, jedoch auf **seine Weise**,
Mit grillenhafter Mühe sann;
Der, in Gesellschaft von Adepten,
Sich in die schwarze Küche schloß,
Und, nach unendlichen Rezepten,
Das Widrige zusammengoß.
Da ward ein roter Leu, ein kühner Freier,
Im lauen Bad der Lilie vermählt,
Und beide dann mit offnem Flammenfeuer
Aus einem Brautgemach ins andere gequält.
Erschien darauf mit bunten Farben
Die junge Königin im Glas,
Hier war die Arznei, die Patienten starben,
Und niemand fragte: wer genas?
So haben wir mit höllischen Latwergen
In diesen Tälern, diesen Bergen
Weit schlimmer als die Pest getobt.
Ich habe selbst den Gift an Tausende gegeben:
Sie welkten hin, ich muß erleben,
Daß man die frechen Mörder lobt.

WAGNER:

Wie könnt Ihr Euch darum betrüben!
Tut nicht ein braver Mann genug,
Die Kunst, die man ihm übertrug,
Gewissenhaft und pünktlich auszuüben?

На свой притом лад **хоть, сроду**
Искал, раздумывая, смысл.
Который в обществе адептовⁱⁱ,
Себя на «кухне»ⁱⁱⁱ запирает,
И по бесчисленным рецептам,
Несъеденное^{iv} съедяет.
И «красный лев»^v, жених столь дерзновенный,
Повенчан был там с «лилией»^{vi} лихой,
Они огнем гонялись откровенным
Из одного в другой «невестинский покой»^{vii}.
Коль явится во всей пеструхе
«Царица молодая»^{viii} в тьму,
Вот и лекарство, пусть больные мрут, как мухи, –
Никто не спросит: почему?
Так мы с отцом здесь с этим Ада зельем
В гор, и долин беднейших кельях
Бродили хуже, чем чума.
Я тысячам больных сам раздавал отраву.
Все гасли, а теперь здесь славят
Убийц, как все сошли с ума.

ВАГНЕР:

Зачем Вам этим омрачаться!
Иль то не правило давно:
Искусство, что тебе дано,
Сознательно дать людям постараться?

Wenn du als Jüngling deinen Vater ehrst,
So wirst du gern von ihm empfangen;
Wenn du als Mann die Wissenschaft vermehrest,
So kann dein Sohn zu höhrem Ziel gelangen.

FAUST:

O glücklich, wer noch hoffen kann,
Aus diesem Meer des Irrtums aufzutauchen!
Was man nicht weiß, das eben brauchte man,
Und was man weiß, kann man nicht brauchen.
Doch laß uns dieser Stunde schönes Gut
Durch solchen Trübsinn nicht verkümmern!
Betrachte, wie in Abendsonne-Glut
Die grünumgebenen Hütten schimmern.
Sie rückt und weicht, der Tag ist überlebt,
Dort eilt sie hin und fördert neues Leben.
O daß kein Flügel mich vom Boden hebt
Ihr nach und immer nach zu streben!
Ich sah im ewigen **Abendstrahl**
Die stille Welt zu meinen Füßen,
Entzündet alle Höhn beruhigt jedes Tal,
Den Silberbach in goldne Ströme fließen.
Nicht hemmte dann den göttergleichen Lauf
Der wilde Berg mit allen seinen Schluchten;
Schon tut das Meer sich mit erwärmten Buchten
Vor den erstaunten Augen auf.

Коль в детстве даришь ты отцу почет,
То учишь от него охотно.
Науке служишь коль в рассвете лет,
Твой сын займется ею тоже плотно.

ФАУСТ:

Блажен, живет в надежде кто
Спасти себя в сем море заблужденья!
Что незнакомо нам, нам нужно то,
А познанное – без значенья.
Но все ж давай мы красоту сейчас
Не будем портить сей петрушкой!
Смотри, как в сей зари вечерней час
Мерцают в зелени избушки.
День пережит, и солнце уж зашло,
Зовя там к новой жизни пробудиться.
О что ж меня не вознесет крыло,
За ним чтоб вслед всегда стремиться!
Я б в этом свете вечером **зрел**
Весь мир у ног внизу лежащий,
Красу зажженных пиков гор, долин и сел,
Серебряный ручей, к реке спешащий.
Божественный не тормозила б бег
Дика гора со всеми пропастями.
Открылось море б теплыми бухтами
Глазам, оставив тихий брег.

Doch scheint die Göttin endlich wegzusinken;
Allein der neue Trieb erwacht,
Ich eile fort, ihr ew'ges Licht zu trinken,
Vor mir den Tag und hinter mir die Nacht,
Den Himmel über mir und unter mir die Wellen.
Ein schöner Traum, indessen sie entweicht.
Ach! zu des Geistes Flügeln wird so leicht
Kein körperlicher Flügel sich gesellen.
Doch ist es jedem eingeboren,
Daß sein Gefühl hinauf und vorwärts dringt,
Wenn über uns, im blauen Raum verloren,
Ihr schmetternd Lied die Lerche singt;
Wenn über schroffen Fichtenhöhen
Der Adler ausgebreitet schwebt,
Und über Flächen, über Seen
Der Kranich nach der Heimat strebt.

WAGNER:

Ich hatte selbst oft grillenhafte Stunden,
Doch solchen Trieb hab ich noch nie empfunden.
Man sieht sich leicht an Wald und Feldern satt;
Des Vogels Fittich werd ich nie beneiden.
Wie anders tragen uns die Geistesfreuden,
Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt!
Da werden Winternächte hold und schön,
Ein selig Leben wärmet alle Glieder,

Но божество спускается, похоже.
Все ж новый зов манит меня,
Спешу испытать его я света все же,
Пред мною день, а сзади ночь черна,
Лишь небо надо мной, а волны подо мною.
Там чудный сон, куда ушло оно.
Увы! Крылам телесным не дано
Легко сравниться взлётами с душою.
И все ж то каждому врожденно,
Что чувство нас стремится вверх и вперед,
Когда над нами в небе вожделенно,
Песнь жавронок свою поёт.
Коль над пихтовыми холмами
Орёл, раскинувшись, парит,
А над морями и долами
Журавль на родину стремится.

ВАГНЕР:

Бывало у меня причуды время,
Но я не знал таких порывов бремя.
Смотря, я быстро сыт полям, лесам,
Ко птиц крылам мне не приходит зависть.
Другая духа радость носит нас ведь,
Из книги в книгу б по листам!
Зимой там ночи – нежный феномен,
Благословенна жизнь нам греет члены.

Und ach! entrollst du gar ein würdig Pergament,
So steigt der ganze Himmel zu dir nieder.

FAUST:

Du bist dir nur des einen Triebs bewußt;
O lerne nie den andern kennen!
Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.
O gibt es Geister in der Luft,
Die zwischen Erd und Himmel herrschend weben,
So steigt nieder aus dem goldnen Duft
Und führt mich weg zu neuem, buntem Leben!
Ja, wäre nur ein Zaubermantel mein,
Und trüg er mich in fremde Länder!
Mir sollt er um die köstlichsten Gewänder,
Nicht feil um einen Königsmantel sein.

WAGNER:

Berufe nicht die wohlbekannte Schar,
Die strömend sich im Dunstkreis überbreitet,
Dem Menschen tausendfältige Gefahr,
Von allen Enden her, bereitet.

И ах! Раскрутишь как старинный пергамент,
Само, вдруг, небо спуститься к нам в стены.

ФАУСТ:

Тебе знакома тяга лишь одна.
И никогда не знай другую!
Душа двойная мне в груди дана,
Их две друг с другом вечно конфликтуют.
Одна, любовью грубою страстна,
За мир цепляется со всею силой.
Другая же вздымается со дна
К высоким предкам, в их эфиры.
О есть ли в атмосфере дух,
Царит и ткёт что меж Землёй и Небом,
Так низойди ж с золотой ты сферы, друг,
Веди на новый путь, где бы он не был!
Коль я волшебный бы имел покров,
Нес он меня б в заморски страны!
Ценней он был бы мне одежд султана,
Дороже царских мантий и даров.

ВАГНЕР:

Не поминай известный всем отряд,
Течёт что, расширяется в округе,
Опасность предрекая нам стократ,
Со всех сторон кружа по кругу.

Von Norden dringt der scharfe Geisterzahn
Auf dich herbei, mit pfeilgespitzten Zungen;
Von Morgen ziehn, vertrocknend, sie heran,
Und nähren sich von deinen Lungen;
Wenn sie der Mittag aus der Wüste schickt,
Die Glut auf Glut um deinen Scheitel häufen,
So bringt der West den Schwarm, der erst erquickt,
Um dich und Feld und Aue zu ersäufen.
Sie hören gern, zum Schaden froh gewandt,
Gehorchen gern, weil sie uns gern betrügen;
Sie stellen wie vom Himmel sich gesandt,
Und lispeln englisch, wenn sie lügen.
Doch gehen wir! Ergraut ist schon die Welt,
Die Luft gekühlt, der Nebel fällt!
Am Abend schätzt man erst das Haus. –
Was stehst du so und blickst erstaunt hinaus?
Was kann dich in der Dämmerung so ergreifen?

FAUST:

Siehst du den schwarzen Hund durch Saat und Stoppel streifen?

WAGNER:

Ich sah ihn lange schon, nicht wichtig schien er mir.

FAUST:

Betracht ihn recht! für was hältst du das Tier?

Он с севера штормит, тот духа клык,
Пронзительными стрелами своими.
Сквозит с утра его сухой язык,
Питаясь лёгкими твоими.
Коль полдень из пустыни его шлёт,
То пышет жаром над твоей макушкой,
Так запад свежий рой нам принесёт,
Чтоб затопить тебя, поля, опушки.
Дух слушает, ущербам нашим рад,
Послушен, чтоб нас облапошить тут же,
Посланцев Неба носит он наряд,
Англицким шепчет, лгать чтоб лучше.
Пойдем однако! Мир укрыла тьма,
Остыл уж воздух, сел туман!
Лишь в вечер дом святой нам граль. –
Что стал ты, глядя удивленно вдаль?
Что в этих сумерках тебя заводит?

ФАУСТ:

Ты видишь, как там по стерне пес черный бродит

ВАГНЕР:

Давно, но не придал значенья до того.

ФАУСТ:

И держишь сего зверя за кого?

WAGNER:

Für einen Pudel, der auf seine Weise
Sich auf der Spur des Herren plagt.

FAUST:

Bemerkst du, wie in weitem Schneckenkreise
Er um uns her und immer näher jagt?
Und irr ich nicht, so zieht ein Feuerstrudel
Auf seinen Pfaden hinterdrein.

WAGNER:

Ich sehe nichts als einen schwarzen Pudel;
Es mag bei Euch wohl Augentäuschung sein.

FAUST:

Mir scheint es, daß er magisch leise Schlingen
Zu künft'gem Band um unsre Füße zieht.

WAGNER:

Ich seh ihn ungewiß und furchtsam uns umspringen,
Weil er, statt seines Herrn, zwei Unbekannte sieht.

FAUST:

Der Kreis wird eng, schon ist er nah!

ВАГНЕР:

За пуделя, который между нами
На след хозяина напал,

ФАУСТ:

Заметил, как все меньшими кругами
Вкруг нас рыща, он к нам уж ближе стал?
Я вижу, вихорь огневой, однако,
По следу вьется там за ним.

ВАГНЕР:

Я вижу только черную собаку.
Похоже, Вам то видится одним.

ФАУСТ:

Мне кажется магические петли
Он тянет путами вкруг наших ног.

ВАГНЕР:

Я вижу лишь, растерян он, испуган этим,
Что незнакомцев двух в конце найти лишь смог.

ФАУСТ:

Круги все уже – тут он весь!

WAGNER:

Du siehst! ein Hund, und kein Gespenst ist da.
Er knurrt und zweifelt, legt sich auf den Bauch,
Er wedelt. Alles Hundebrauch.

FAUST:

Geselle dich zu uns! Komm hier!

WAGNER:

Es ist ein pudelnärrisch Tier.
Du stehest still, er wartet auf;
Du sprichst ihn an, er strebt an dir hinauf;
Verliere was, er wird es bringen,
Nach deinem Stock ins Wasser springen.

FAUST:

Du hast wohl recht; ich finde nicht die Spur
Von einem Geist, und alles ist Dressur.

WAGNER:

Dem Hunde, wenn er gut gezogen,
Wird selbst ein weiser Mann gewogen.
Ja, deine Gunst verdient er ganz und gar,
Er, der Studenten trefflicher Skolar.

Sie gehen in das Stadttor.

ВАГНЕР:

Не привиденье, пес лишь здесь.
Юлит, визжит, ложится на живот.
Собачий чисто все подход.

ФАУСТ:

Ну что ж! Иди сюда теперь!

ВАГНЕР:

Ну и смешной же этот зверь.
Остановился ты, он ждет.
Ты говоришь – твои глаза блюдет.
Что потерял, найдет он сходу,
За палкой сразу прыгнет в воду.

ФАУСТ:

Ты прав. От духа нет в нем и следа,
Одна лишь дрессировка, как всегда.

ВАГНЕР:

К собаке с добрым воспитаньем,
И сам мудрец склонен вниманьем.
Твою он милость заслужил как дар,
Студентов он прекрасный тип – школяр.

Они идут в городские ворота

STUDIENZIMMER

FAUST *mit dem Pudel hereintretend:*

Verlassen hab ich Feld und Auen,
Die eine tiefe Nacht bedeckt,
Mit ahnungsvollem, heil'gem Grauen
In uns die beßre Seele weckt.
Entschlafen sind nun wilde Triebe
Mit jedem ungestümen Tun;
Es reget sich die Menschenliebe,
Die Liebe Gottes regt sich nun.

Sei ruhig, Pudel! renne nicht **hin und wider!**

An der Schwelle was schnoperst du hier? (Anapest)

Lege dich hinter den **Ofen nieder,**

Mein bestes Kissen geb ich dir.

Wie du draußen auf dem bergigen Wege

Durch Rennen und **Springen** ergetzt uns hast,

So nimm nun auch von mir die Pflege,

Als ein willkommner stiller Gast.

Ach wenn in unsrer engen Zelle

Die Lampe freundlich wieder brennt,

Dann wird's in unserm Busen helle,

Im Herzen, das sich selber kennt.

Vernunft fängt wieder an zu sprechen,

Und Hoffnung wieder an zu blühn,

Man sehnt sich nach des Lebens Bächen,

УЧЕБНАЯ КОМНАТА

ФАУСТ, *входя с пуделем:*

Покинул я поля и нивы,
Что ночь глубока холодит,
И жутью святой, молчаливой
В нас душу лучшую будит.
Уснули дикие стремленья
С желаньем бешеным творить,
Любви лишь к людям возбужденье,
Любовь лишь Бога вновь царит.

Спокойно пудель! Хватит тебе **кружиться!**

На пороге нашел что ты там?

Не пора ли за печь уж ложиться,

Тебе подушку лучшу дам.

На дороге горной ты как снаружи

Нас позабавил **прыжками** вкривь-вкось,

Получишь здесь уход не хуже,

Как мне желанный, тихий гость.

Ах, коль в каморке нашей тесной

Вновь лампа дружески горит,

Тогда в душе у нас свет лестный,

И в сердце, пылко что стучит.

Как прежде, говорить стал разум,

Надежда расцветилась вновь,

Проснулась тяга к жизни сразу,

Ach! nach des Lebens Quelle hin.
Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen **Tönen**,
Die jetzt **meine ganze Seel umfassen**,
Will der tierische Laut nicht passen.
Wir sind gewohnt, daß die Menschen verhöhnen,
Was sie nicht verstehn,
Daß sie vor dem Guten und Schönen,
Das ihnen oft beschwerlich ist, **murren**;
Will es der Hund, wie sie, beknurren?

Aber ach! schon fühl ich, bei dem besten Willen,
Befriedigung nicht mehr **aus dem Busen quillen**.
Aber warum muß der Strom so bald versiegen,
Und wir wieder im Durste liegen?
Davon hab ich so viel Erfahrung.
Doch dieser Mangel läßt sich **ersetzen**,
Wir lernen **das Überirdische** schätzen,
Wir sehnen uns nach Offenbarung,
Die nirgends würd'ger **und schöner brennt**
Als in dem Neuen Testament.
Mich drängt's, den Grundtext aufzuschlagen,
Mit redlichem Gefühl einmal
Das heilige Original
In *mein geliebtes Deutsch* zu übertragen.

Er schlägt ein Volum auf und schickt sich an.

Источник жизни – Ах! – любовь.

Не урчи пудель! Равным сим святым тонам,

Что душу **сейчас мне охватили**,

Звукам зверей быть не по силе.

Мы же встречаем с издевкой все то, нам

Непонятно что,

Добро, красота нам лишь стоны,

Тяжки они поскольку порою.

Как мы, собака тож тут вое?

Но увы! Не чувствую при всем хотенье,

Внутри мне бьющего удовлетворенья.

Почему иссяк поток, что был однажды,

Снова изнывать нам от жажды?

В том практику скопил большую,

Порок сей можно **сменить порою,**

Мы учимся **все ценить** надземное,

По откровению ж тоскуем,

Достойный чей и прекрасный свет

Откроет Новый нам Завет.

За текст основ горю сесть смело,

С смиренья мыслею простой:

Оригинал искон святой

В любимый мой немецкий переделать.

Он открывает том и начинает.

Geschrieben steht: „Im Anfang war *das Wort!*“
Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen,
Ich muß es anders übersetzen,
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin.
Geschrieben steht: Im Anfang war *der Sinn.*
Bedenke wohl die erste Zeile,
Daß deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war *die Kraft!*
Doch, auch indem ich dieses niederschreibe,
Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe.
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe **getrost: Im Anfang war *die Tat!***

Soll ich mit dir das Zimmer teilen,
Pudel, so laß das Heulen,
So laß das Bellen!
Solch einen störenden Gesellen
Mag ich nicht in der Nähe leiden.
Einer von uns beiden
Muß die Zelle meiden.

Ungern heb ich das Gastrecht auf,
Die Tür ist offen, **hast freien Lauf.**
Aber was muß ich sehen!

Написано: «В начале было *Слово!*»
Уж стал я тут! Кто ж мне поможет снова?
Так высоко ценить мне слово сложно.
Иначе перевесть я должен,
Коль Дух так просветил уж мою мысль.
Написано: «В начале был лишь *Смысл.*»
Продумай лучше первую строчку,
Не дай перу решать все быстро в точку!
Всё ль смысла власть создала и вершила?
Должно стоять: «В начале была *Сила!*»
Но заложив и этот даже статус,
Уж знаю я, при этом не останусь.
Поможет Дух! Я, вдруг, нашел содействие,
Пишу я засим: «**В начале было *Действо!***»

Коль комнату делить я должен,
Пудель, не вой ты тоже,
Оставь ты лай твой!
Партнер, что крах творит такой,
Не нужен мне в моих покоях.
Кто-то, где нас двое,
Должен стать изгоем.

Мне гостя право рушить жаль,
Но дверь открыта, **ты б мог бежать.**
Но что ж видеть я должен!

Kann das natürlich **geschehen**?
Ist es Schatten? ist's Wirklichkeit?
Wie wird mein Pudel lang und breit!
Er hebt sich mit Gewalt,
Das ist nicht eines Hundes **Gestalt!**
Welch ein Gespenst bracht ich ins Haus!
Schon sieht er wie ein Nilpferd aus,
Mit feurigen **Augen, schrecklichem Gebiß.**
Oh! du bist mir gewiß!
Für solche halbe Höllenbrut
Ist Salomonis Schlüssel gut.

GEISTER auf dem Gange:

Drinnen gefangen ist **einer!**
Bleibet haußen, folg ihm keiner!
Wie im Eisen der Fuchs,
Zagt ein alter Höllengluchs.
Aber gebt acht!
Schwebet hin, schwebet wider,
Auf und nieder,
Und er hat sich losgemacht.
Könnt ihr ihm nützen,
Laßt ihn nicht sitzen!
Denn er tat uns allen
Schon viel zu Gefallen.

Такое вправду ль **возможно?**
Тень ли это? Иль бред ко сну?
Пес вырос мой в ширь и в длину!
Вздымает он собой,
Собаки образ **совсем другой!**
Принес я призрака домой!
Как бегемот стал предо мной,
Глаза в огне **и, чудовищная пасть.**
О! Я узнал напасть!
Ему, кого послал мне Ад,
Ключ Соломона лишь преград'.

ДУХИ в проходе:

Внутри тут попался один уж!
Дома быть, вслед ни единый!
Как в капкане тот лис,
Мечется из Ада рысь.
Бойтесь постов!
Прямо снова парите,
Посмотрите,
Он свободен от оков.
Помочь могли бы,
Не подвели бы!
Так как делал друг сей
Тут услуги вам всем.

FAUST:

Erst zu begegnen **dem Tiere**,

Brauch ich den Spruch der Viere:

Salamander soll glühen,

Undene sich winden,

Sylphe verschwinden,

Kobold sich mühen.

Wer sie nicht kannte,

Die Elemente,

Ihre Kraft

Und Eigenschaft,

Wäre kein Meister

(Dakt.)

Über die Geister.

(Dakt.)

Verschwind in Flammen,

Salamander!

Rauschend fließe zusammen,

Undene!

Leucht in Meteoren-Schöne,

(Tr.)

Sylphe!

Bring häusliche **Hülfe**,

Incubus! Incubus!

(Tr.)

Tritt hervor und mache den Schluß!

ФАУСТ:

Лишь встретив этого зверя,

В четыре духа верю:

Саламандра^{ix} – горенье,

Ундена^x – журчанье,

Сильфа^{xi} – дыханье,

Кобольд^{xii} – мученье.

Коль их не знал ты,

Те элементы,

Силу тех,

И свойств их всех,

Не был бы Мастер

Духов всей власти.

Исчезни в пламе,

Саламандра!

Пенно лейся струями,

Ундена!

Звезд красой сияй вселенной,

Сильфа!

Дай помощь **посильну,**

Инкубус^{xiii}! Инкубус!

Выходи и прямо в трубу!

Keines der Viere
Steckt in dem Tiere.
Es liegt ganz ruhig **und grinst mich an;**
Ich hab ihm noch nicht weh getan.
Du sollst mich hören
Stärker beschwören.

Bist du Geselle
Ein Flüchtling **der Hölle?**
So sieh dies Zeichen,
Dem sie sich beugen,
Die schwarzen Scharen!

Schon schwillt es auf mit borstigen **Haaren.**

Verworfenes Wesen!
Kannst du ihn lesen?
Den nie Entsproßen,
Unausgesprochenen,
Durch alle Himmel **Gegoßen,**
Freventlich Durchstochnen? (Tr.)

Hinter den Ofen gebannt, (Dak.)
Schwillt es wie ein Elefant (Dak.)
Den ganzen Raum **füllt es an,**
Es will zum Nebel **zerfließen.**

Эти четыре
Не в этом звере.
Он здесь притих, ухмыляясь мне,
Я боль ему не причинел.
Ты должен, слышишь,
Звать сильнее свыше.

Иль ты и правда
Исчадие **Ада**?
Смотри знак этот,
Внушает трепет,
Он черным стаям!

Щетиной он своей распухает.

Порочна рожа!
Читать знак можешь?
Не порожденный,
Невыраженный,
По небесам **разложенный**,
И грехом пронзенный?

Прогнан за эту печь он,
Уж распухает, как слон,
Заполнил уже весь дом,
Туманом хочет **расплыться**.

Steige nicht zur Decke hinan!
Lege dich zu des Meisters Füßen!
Du siehst, daß ich nicht **vergebens drohe.**
Ich versenge dich mit heiliger Lohe!
Erwarte nicht
Das dreimal glühende Licht!
Erwarte nicht
Die stärkste **von meinen Künsten!**

MEPHISTOPHELES *tritt, indem der Nebel fällt,*
gekleidet wie ein fahrender Scholastikus, hinter dem
Ofen hervor:

Wozu der Lärm? was steht dem Herrn zu Diensten?

FAUST:

Das also war des Pudels Kern!

Ein fahrender Skolast? Der Kasus macht mich lachen.

MEPHISTOPHELES:

Ich salutiere den gelehrten Herrn!

Ihr habt mich weidlich schwitzen machen.

FAUST:

Wie nennst du dich?

MEPHISTOPHELES: Die Frage scheint mir klein
Für einen, der das Wort so sehr verachtet,

В потолок не лезь уж при том!
Мне изволь ты к ногам стелиться!
Ты видишь, я не зря угрожаю.
Я тебя святым огнем уж сжигаю!
Не ожидай
Тройного света тогда!
Не ожидай
Искусств сильнейших **всех наших!**

МЕФИСТОФЕЛЬ *выступает в опускающемся тумане*
одетый как бродячий схоласт из-за печи:
К чему же шум? К услугам что здесь ващим?

ФАУСТ:
Так вот была в чем пудля суть!
Схоласт бродячий? Случай мне смешной, да ладно.

МЕФИСТОФЕЛЬ:
Ученому же мужу мой салют!
Меня вогнал ты в пот изрядно.

ФАУСТ:
Как звать тебя?
МЕФИСТОФЕЛЬ: В вопросе мелочность
Того, кто слово так не почитает,

Der, weit entfernt von allem Schein,
Nur in der Wesen Tiefe trachtet.

FAUST:

Bei euch, ihr Herrn, kann man das Wesen
Gewöhnlich aus dem Namen lesen,
Wo es sich allzu deutlich weist,
Wenn man euch Fliegengott, Verderber, Lügner heißt.
Nun gut, wer bist du denn?

MEPHISTOPHELES: Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

FAUST:

Was ist mit diesem Rätselwort gemeint?

MEPHISTOPHELES:

Ich bin der Geist, der stets verneint!
Und das mit Recht; denn alles, was entsteht,
Ist wert, daß es zugrunde geht;
Drum besser wär's, daß nichts entstünde.
So ist denn alles, was ihr Sünde,
Zerstörung, kurz, das Böse nennt,
Mein eigentliches Element.

FAUST:

Du nennst dich einen Teil, und stehst doch ganz vor mir?

Кому так чужда видимость,
Кто сути глубь предпочитает.

ФАУСТ:

У вас, господ, ведь суть возможно
Лишь из имен зреть всевозможных,
Где вас тогда лишь все поймут,
Коль Черт иль Люцифер, иль Дьявол назовут.
Ну что ж, так кто ты есть?

МЕФИСТОФЕЛЬ: Есть часть той силы я,
Что вечно хочет Зла, всегда Добро творя.

ФАУСТ:

Что ж ты сказал загадкой этой вслух?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я вечный отрицающа Дух!
И с правом, ведь возникшее давно,
Исчезнет вновь и тем ценно.
Так лучше б ничего не возникало.
Что разрушеньем вы назвали,
Грехом ли, Злом в любой момент,
Есть собственный мой элемент.

ФАУСТ:

Коль часть ты есть, тебя что ж целым зрю?

MEPHISTOPHELES:

Bescheidne Wahrheit sprech ich dir.

Wenn sich der Mensch, die kleine Narrenwelt
Gewöhnlich für ein Ganzes hält:

Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war,
Ein Teil der Finsternis, die sich das Licht gebar,
Das stolze Licht, das nun der Mutter Nacht
Den alten Rang, den Raum ihr streitig macht,
Und doch gelingt's ihm nicht, da es, so viel es strebt,
Verhaftet an den Körpern klebt.

Von Körpern strömt's, die Körper macht es schön,
Ein Körper hemmt's auf seinem Gange;
So, hoff ich, dauert es nicht lange,
Und mit den Körpern wird's zugrunde gehn.

FAUST:

Nun kenn ich deine würd'gen Pflichten!
Du kannst im Großen nichts vernichten!
Und fängst es nun im Kleinen an.

MEPHISTOPHELES:

Und freilich ist nicht viel damit getan.
Was sich dem Nichts entgegenstellt,
Das Etwas, diese plumpe Welt,
So viel als ich schon unternommen,
Ich wußte nicht ihr beizukommen,

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я скромну правду говорю.
То человек себя, свой мир смешной
Лишь видит цельностью одной:
Я ж часть той части, что в начале всем была,
Часть Тьмы, что Свет себе когда-то родила,
Тот гордый Свет, который Матерь-Ночь
С тех пор изгнать пытается все прочь,
Но тщетно! Как бы дальше не старался он,
Он с каждым телом ведь скреплен.
От тел исходит, украшает их,
Они преградой на дороге.
Уверен, ждатель уже немного
И он с телами вместе сгинет вмиг.

ФАУСТ:

Теперь узнал твой долг почетный!
Нет сил бить по большому счету!
Ты начал с малого крушить.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И впрямь, тут много с тем не сотворить.
Что супротив стоит Ничто,
То Нечто – этот мир простой,
И сколько б я тут не старался,
Я так с ним и не разобрался,

Mit Wellen, Stürmen, Schütteln, Brand –
Geruhig bleibt am Ende Meer und Land!
Und dem verdammten Zeug, der Tier- und Menschenbrut,
Dem ist nun gar nichts anzuhaben.
Wie viele hab ich schon begraben!
Und immer zirkuliert ein neues, frisches Blut.
So geht es fort, man möchte rasend werden!
Der Luft, dem Wasser wie der Erden
Entwinden tausend Keime sich,
Im Trocknen, Feuchten, Warmen, Kalten!
Hätt ich mir nicht die Flamme vorbehalten,
Ich hätte nichts Aparts für mich.

FAUST:

So setzest du der ewig regen,
Der heilsam schaffenden Gewalt
Die kalte Teufelsfaust entgegen,
Die sich vergebens tückisch ballt!
Was anders suche zu beginnen
Des Chaos wunderlicher Sohn!

MEPHISTOPHELES:

Wir wollen wirklich uns besinnen,
Die nächsten Male mehr davon!
Dürft ich wohl diesmal mich entfernen?

Иль бурей, тряской ли, огнем –
Земля и море остаются в нем!
А тот проклятый из зверей, людей покров,
Его же истребить нет силы!
Уж сколько я извёл, сгубил их!
Но циркулирует все нова, свежа кровь.
И так идет вперед, свихнуться можно!
Из вод, земли, из всех возможных
Восходят тысячи семян,
В сухом, в сыром, в тепле ль, во хладе!
Каб не был бы с огнем еще я в ладе,
Так что б осталось для меня?

ФАУСТ:

Здоровой силе созиданья
Той мощи, что во всем живом,
В победы тщетном ожиданье
Грозишь ты черта кулаком,
Ищи начать уже другое,
Сын хаоса, пустой мираж!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Обдумать надо нам обоим
Вопрос сей сложный в другой раз!
Могу ль теперь я удалиться?

FAUST:

Ich sehe nicht, warum du fragst.

Ich habe jetzt dich kennen lernen,

Besuche nun mich, wie du magst.

Hier ist das Fenster, hier die Türe,

Ein Rauchfang ist dir auch gewiß.

MEPHISTOPHELES:

Gesteh ich's nur! daß ich hinausspaziere,

Verbietet mir ein kleines Hindernis,

Der Drudenfuß auf Eurer Schwelle –

FAUST:

Das Pentagramma macht dir Pein?

Ei sage mir, du Sohn der Hölle,

Wenn das dich bannt, wie kamst du denn herein?

Wie ward ein solcher Geist betrogen?

MEPHISTOPHELES:

Beschaut es recht! es ist nicht gut gezogen:

Der eine Winkel, der nach außen zu,

Ist, wie du siehst, ein wenig offen.

FAUST:

Das hat der Zufall gut getroffen!

Und mein Gefangner wärst denn du?

ФАУСТ:

Не понял я, в чем тут вопрос.
Тебя во всех узнал я лицах,
Суй, как захочешь, ко мне нос.
Здесь вот окно и тут же двери,
И уж знаком тебе камин.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Признаюсь лишь, что выйти без потери,
Мешает мне там только знак один,
Печать Сол'мона на пороге –

ФАУСТ:

Тебе та пентаграмма боль?
Ой, мне скажи ж, сын Ада строгий,
Как ты вошел, боишься знака коль?
Как был тут дух такой обманут?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Взгляни точней! Он плохо здесь протянут:
Тот уголок, наружу что торчит,
Как видишь, здесь открыт немножко.

ФАУСТ:

Вот так подставил случай ножку!
Тебя в мой плен он заточил?

Das ist von ungefähr gelungen!

MEPHISTOPHELES:

Der Pudel merkte nichts, als er hereingesprungen,
Die Sache sieht jetzt anders aus:
Der Teufel kann nicht aus dem Haus.

FAUST:

Doch warum gehst du nicht durchs Fenster?

MEPHISTOPHELES:

„s ist ein Gesetz der Teufel und Gespenster:
Wo sie hereingeschlüpft, da müssen sie hinaus.
Das erste steht uns frei, beim zweiten sind wir Knechte.

FAUST:

Die Hölle selbst hat ihre Rechte?
Das find ich gut, da ließe sich ein Pakt,
Und sicher wohl, mit euch, ihr Herren, schließen?

MEPHISTOPHELES:

Was man verspricht, das sollst du rein genießen,
Dir wird davon nichts abgezackt.
Doch das ist nicht so kurz zu fassen,
Und wir besprechen das zunächst;

Неплохо очень трюк удался!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

То пудель не узрел, когда сюда забрался,
Теперь же в свете все другом.
Не может черт покинуть дом.

ФАУСТ:

Почему бы не через окна?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Закон чертей и привидений здесь нам:
Где мы сюда вошли, туда назад идем.
Мы при втором рабы, а вход нам без препоны.

ФАУСТ:

У Ада даже есть законы?
Отлично! Тут возможно договор
Надежный заключить мне с господами?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Получишь то, обещано что нами,
У нас никто при том не вор.
Но обсудить тут надо много,
Отложим это на потом.

Doch jetzo bitt ich, **hoch und höchst**,
Für dieses Mal mich zu entlassen.

FAUST:

So bleibe doch noch einen Augenblick,
Um mir erst gute Mär zu sagen.

MEPHISTOPHELES:

Jetzt laß mich los! ich komme bald zurück;
Dann magst du nach Belieben fragen.

FAUST:

Ich habe dir nicht nachgestellt,
Bist du doch selbst ins Garn gegangen.
Den Teufel halte, wer ihn hält!
Er wird ihn nicht so bald zum zweiten Male fangen.

MEPHISTOPHELES:

Wenn dir's beliebt, so bin ich auch bereit,
Dir zur Gesellschaft hier zu bleiben;
Doch mit Bedingnis, dir die Zeit
Durch meine Künste würdig zu vertreiben.

FAUST:

Ich seh es gern, das steht dir frei;
Nur daß die Kunst gefällig sei!

Сейчас же бью **ВНОВЬ ЧЕЛОМ**,
Открой сей раз назад дорогу.

ФАУСТ:

Останься все ж еще со мной чуток,
Чтоб байки говорить подобны.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Пусти меня сейчас! Вернусь я в срок.
Тогда расспрашивай подробно.

ФАУСТ:

Ловушек я не расставлял,
Тут в западню ты сам попался.
Держи же черта, коль поймал!
Повторно никому тот лов не удавался.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Коль хочешь ты того, то я готов
Тебе компанию составить.
С условием, тоску часов
Моим искусством праведным разбавить.

ФАУСТ:

Охотно, делай что ты хошь,
Но будь в искусстве все ж хорош!

MEPHISTOPHELES:

Du wirst, mein Freund, für deine Sinnen,
In dieser Stunde mehr gewinnen
Als in des Jahres Einerlei.
Was dir die zarten Geister singen,
Die schönen Bilder, die sie bringen,
Sind nicht ein leeres Zauberspiel.
Auch dein Geruch wird sich ergetzen,
Dann wirst du deinen Gaumen letzen,
Und dann entzückt sich dein Gefühl.
Bereitung braucht es nicht voran,
Beisammen sind wir, fanget an!

GEISTER:

(Dak.)

Schwindet, ihr dunkeln
Wölbungen droben!
Reizender schaue
Freundlich der blaue
Äther herein!
Wären die dunkeln
Wolken zerronnen!
Sternelein funkeln,
Mildere Sonnen
Scheinen darein.
Himmlischer Söhne
Geistige Schöne,

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Найдешь, мой друг, ты своим чувствам
За этот час в моих искусствах
Аж больше, в год чем проживешь.
Тебе те духов нежных песни,
Картины, образы чудесны –
Не только просто волшебство.
Для обонянья наслаждение,
Потом для вкуса упоенье,
Рад будет чувств весь спектор твой.
Нам подготовка нипочем,
Мы все уж вместе, так начнем!

ДУХИ:

Темные своды,
Сверху растайте!
Чудные духи,
Дружно влетайте
С нами сюда!
Черные тучи
Улетят летом!
Звезды могучи
Мягко нам светят,
Светят всегда
Неба как дети.
В вечном полете,

Schwankende Beugung
Schwebet vorüber.
Sehnende Neigung
Folget hinüber;
Und der Gewänder
Flatternde Bänder
Decken die Länder,
Decken die Laube,
Wo sich fürs Leben,
Tief in Gedanken,
Liebende geben.
Laube bei Laube!
Sprossende Ranken!
Lastende Traube
Stürzt ins Behälter
Drängender Kelter,
Stürzen in Bächen
Schäumende Weine,
Rieselnd durch reine,
Edle Gesteine,
Lassen die Höhen
Hinter sich liegen,
Breiten zu Seen
Sich ums Genüge
Grünender Hügel.
Und das Geflügel

Дух преломленья
Ходит тут мимо.
Грусти волненье
Следом за ними.
И одеяний
В лентах сиянье
Кроют все страны,
Скрыли жилище,
Где на их жизнь всю
С глубокой мыслью
Пары сольются.
Келья к жилищу!
Винные лозы!
Гроздья набухши
Падают в лоно
Прессов давящих,
Рек настоящих
Вина игристы
Льются сквозь чисты
Камни сочащи,
Через все горы,
Сзади лежаши,
Разлились в море
Вкруг оплетеных
Холмов зеленых.
Птицы блаженны,

Schlürfet sich Wonne,
Flieget der Sonne,
Flieget den hellen
Inseln entgegen,
Die sich auf Wellen
Gauklend bewegen;
Wo wir in Chören
Jauchzende hören,
Über den Auen
Tanzende schauen,
Die sich im Freien
Alle zerstreuen.
Einige klimmen
Über die Höhen,
Andere schwimmen
Über die Seen,
Andere schweben;
Alle zum Leben,
Alle zur Ferne
Liebender Sterne,
Seligler Huld.

MEPHISTOPHELES:

Er schläft! So recht, ihr luft'gen zarten Jungen!
Ihr habt ihn treulich eingesungen!
Für dies Konzert bin ich in eurer Schuld.

Испейте счастье,
Прочь от ненастья
К солнцу летите
Прямо навстречу,
Остров узрите,
В волнах под вечер.
Где слышно хоры
Пляшущих споро
По всей долине,
В радости ныне
Там, на свободе
В полном разброде.
Кто-то восходит
На гор вершины,
Кто-то уходит
В море обширно,
В воздух другие.
В жизни благие,
Все улетали
В звездные дали,
Все во благу.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Он спит! Кончайте, юноши воздушны!
Упели вы его радушно!
У вас за сей концерт теперь в долгу.

Du bist noch nicht der Mann, den Teufel festzuhalten!
Umgaukelt ihn mit süßen Traumgestalten,
Versenkt ihn in ein Meer des Wahns;
Doch dieser Schwelle Zauber zu zerspalten,
Bedarf ich eines Rattenzahns.
Nicht lange brauch ich zu beschwören,
Schon raschelt eine hier und wird sogleich mich hören.

Der Herr der Ratten und der Mäuse,
Der Fliegen, Frösche, Wanzen, Läuse
Befiehlt dir, dich hervor zu wagen
Und diese Schwelle zu benagen,
So wie er sie mit Öl betupft –
Da kommst du schon hervorgehupft!
Nur frisch ans Werk! Die Spitze, die mich bannte,
Sie sitzt ganz vornen an der Kante.
Noch einen Biß, so ist's geschehn. –
Nun, Faust, träume fort, bis wir uns wiedersehn.

FAUST, *erwachend*:

Bin ich denn abermals betrogen?
Verschwindet so der geisterreiche Drang,
Daß mir ein Traum den Teufel vorgelogen
Und daß ein Pudel mir entsprang?

Еще не тот ты, мог бы с чертом кто справляться!
Виденьями он должен заниматься,
Его безумием во сне.
Но чтоб с порога знаком разобратся,
Зуб крысы тотчас нужен мне.
Не долго должен заклинять я,
Уже спешит одна, чтоб мне повиноваться.

Я, крыс, мышей всех повелитель,
Лягушек, вшей, мух предводитель,
Велю тебе вперед податься
И с тем порогом разобратся,
Его как в масло помакал,
Что ты так быстро подскакал!
За дело! Угол, что меня пугает,
Он впереди здесь пролегает.
Еще укус и путь готов. —
Что ж, Фауст, сны смотри, пока приду я вновь.

ФАУСТ, *просыпаясь*:

Неуж обманут был я снова?
Проходит так духовная мечта,
В которой сном о черте был я скован,
В котором пудель чертом стал?

STUDIENZIMMER (II)

Faust. Mephistopheles.

FAUST:

Es klopft? Herein! Wer will mich wieder plagen?

MEPHISTOPHELES:

Ich bin's.

FAUST: Herein!

MEPHISTOPHELES: Du mußt es dreimal sagen.

FAUST:

Herein denn!

MEPHISTOPHELES: So gefällst du mir.

Wir werden, hoff ich, uns vertragen;

Denn dir die Grillen zu verjagen,

Bin ich als edler Junker hier,

In rotem, goldverbrämtem Kleide,

Das Mäntelchen von starrer Seide,

Die Hahnenfeder auf dem Hut,

Mit einem langen, spitzen Degen,

Und rate nun dir, kurz und gut,

Dergleichen gleichfalls anzulegen;

Damit du, losgebunden, frei,

Erfahrest, was das Leben sei.

УЧЕБНАЯ КОМНАТА (II)

Фауст, Мефистофель.

ФАУСТ:

Стучат? Входи! Меня кто хочет мучить?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Эт' я.

ФАУСТ: Входи!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Скажи три раза лучше.

ФАУСТ:

Входи ж!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Мне по душе ты есть.

Терпеть друг друга станем точно.

Хандру твою прогнать чтоб срочно,

Как дворянин теперь я здесь,

В плаще золотом, сидящем ловко,

С накидкой из крутого шелка,

Хвост петуха на шляпе вдет,

И с очень длинной, острой шпагой,

Мой добрый и тебе совет,

Возьми такую же для блага.

Узнал чтоб ты, ища себя,

Что жизнь была бы для тебя.

FAUST:

In jedem Kleide werd ich wohl die Pein
Des engen Erdelebens fühlen.
Ich bin zu alt, um nur zu spielen,
Zu jung, um ohne Wunsch zu sein.
Was kann die Welt mir wohl gewähren?
Entbehren sollst du! sollst entbehren!
Das ist der ewige Gesang,
Der jedem an die Ohren klingt,
Den, unser ganzes Leben lang,
Uns heiser jede Stunde singt.
Nur mit Entsetzen wach ich morgens auf,
Ich möchte bittere Tränen weinen,
Den Tag zu sehn, der mir in seinem Lauf
Nicht einen Wunsch erfüllen wird, nicht einen,
Der selbst die Ahnung jeder Lust
Mit eigensinnigem **Krittel mindert**,
Die Schöpfung meiner regen Brust
Mit tausend Lebensfratzen hindert.
Auch muß ich, wenn die Nacht sich niedersenkt,
Mich ängstlich auf das Lager strecken;
Auch da wird keine Rast geschenkt,
Mich werden wilde Träume schrecken.
Der Gott, der mir im Busen wohnt,
Kann tief mein Innerstes erregen;
Der über allen meinen Kräften thront,

ФАУСТ:

В любом смогу я платье только боль
Познать земной сей жизни горькой.
Я слишком стар, играть чтоб только,
И юн, чтоб не желать мне столь.
Могу ль я в милость мира верить?
Умерен должен быть! Умерен!
Ведь это вечный здесь завет,
Что каждому в ушах звенит,
Что, жизнь всю до скончанья лет,
Нам хрипло каждый час зудит.
Ужасно утром просыпанье мне,
Я горькими слезами плачу,
О безнадежном для желаний дне,
Что я без исполненья их вновь страчу,
Желаний что любой намек
С придиркой мелкою **враз убавит**,
Души созданью поперек
Гримас он жизни сотни ставит.
А также, если наступает ночь,
Боюсь я в ложе спать ложиться.
И там мне отдохнуть невмочь,
Где в диких снах я буду виться.
Тот бог, что мне в душе горит,
Родить кто может в ней волненье,
Кто над моими силами царит,

Er kann nach außen nichts bewegen;
Und so ist mir das Dasein eine Last,
Der Tod erwünscht, das Leben mir verhaßt.

MEPHISTOPHELES:

Und doch ist nie der Tod ein ganz willkommener Gast.

FAUST:

O selig der, dem er im Siegesglanze
Die blut'gen Lorbeern um die Schläfe windet,
Den er, nach rasch durchrastem Tanze,
In eines Mädchens Armen findet!
O wär ich vor des hohen Geistes Kraft
Entzückt, entseelt dahin gesunken!

MEPHISTOPHELES:

Und doch hat jemand einen braunen Saft,
In jener Nacht, nicht ausgetrunken.

FAUST:

Das Spionieren, scheint's, ist deine Lust.

MEPHISTOPHELES:

Allwissend bin ich nicht; doch viel ist mir bewußt.

Не возбudit извне движенья.
Существованье мне тяжелый груз,
Желанна смерть мне, враг я жизни уз.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Но смерть ведь нам тож гость не так желанный уж.

ФАУСТ:

Благословен, кому в победном блеске
Она главы вокруг лавр кровавый свила.
Кого она, в любовном всплеске,
В объятых девицы скосила!
С какой охотой я, коль то мой рок,
Туда бы мертвый погрузился!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Но кто-то в ночь ту все-таки ж не смог
Сок выпить, хоть он и грозился.

ФАУСТ:

Тебе шпионить, кажется, в плезир.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я не всезнайка, все ж открыл мне много мир.

FAUST:

Wenn aus dem schrecklichen Gewühle
Ein süß bekannter Ton mich zog,
Den Rest von kindlichem Gefühle
Mit Anklang froher Zeit betrog,
So fluch ich allem, was die Seele
Mit Lock- und Gaukelwerk umspannt,
Und sie in diese Trauerhöhle
Mit Blend- und Schmeichelkräften bannt!
Verflucht voraus die hohe Meinung
Womit der Geist sich selbst umfängt!
Verflucht das Blenden der Erscheinung,
Die sich an unsre Sinne drängt!
Verflucht, was uns in Träumen heuchelt
Des Ruhms, der Namensdauer Trug!
Verflucht, was als Besitz uns schmeichelt,
Als Weib und Kind, als Knecht und Pflug!
Verflucht sei Mammon, wenn mit Schätzen
Er uns zu kühnen Taten regt,
Wenn er zu müßigem Ergetzen
Die Polster uns zurechte legt!
Fluch sei dem Balsamsaft der Trauben!
Fluch jener höchsten Liebeshuld!
Fluch sei der Hoffnung! Fluch dem Glauben,
Und Fluch vor allen der Geduld!

ФАУСТ:

Когда из мрака с тайной силой
Знакомый тон меня тянул,
И детских чувств остаток милый
Времен тех зовом обманул,
То проклиная все, что душу
Соблазнов сетью оплело,
И в эту грустную ловушку,
Слепя, лестя, заволокло!
Будь проклято то высше мненье,
Чем дух себя сам обложил!
Будь проклято то ослепленье,
Что чувства нам пленит во лжи!
Проклятье наших мечт обманам
О славе, вечности имен!
Тому, что радостно иметь нам,
Плуги, рабов, детей ли, жен!
Будь проклята та власть Маммона,
Что к преступленьям нас манит
И вместо совести, закона
Подушечку нам подстелит!
Будь прокляты бальзамы винны,
Любви священной волшебство,
Надежда, вера и невинность,
Терпенье ж более всего!

GEISTERCHOR *unsichtbar*:

Weh! weh!

Du hast sie zerstört,

Die schöne Welt,

Mit mächtiger Faust;

Sie stürzt, sie zerfällt!

Ein Halbgott hat sie zerschlagen!

Wir tragen

Die Trümmern ins **Nichts hinüber,**

Und klagen

Über die verlorne Schöne.

Mächtiger

Der Erdensöhne,

Prächtiger

Baue sie wieder,

In deinem Busen baue **sie auf!**

Neuen Lebenslauf

Beginne,

Mit hellem Sinne,

Und neue Lieder

Tönen darauf!

MEPHISTOPHELES:

Dies sind die Kleinen

Von den Meinen.

Höre, wie zu Lust und Taten

ХОР ДУХОВ *невидим:*

Боль! Боль!

Разрушил ты дом,

Прекрасный мир,

Как кулаком мощным.

Твой рухнул кумир!

Полубог, его ты сносишь!

Мы носим

Руины в ничто напротив,

И плачем

О потерянной красе мы.

Ты, благой

Земли сын, семя,

Строй его

В блеске всем снова,

В душе восстань его ты из мглы!

Жизнь начать смоги

Ты лучше,

Со светлым чувством,

И песни новы

Поют хвалы!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мои то малы,

Да удалы,

Слышь, тебя к делам и счастьюю

Altklug sie raten!

In die Welt weit,

Aus der Einsamkeit,

Wo Sinnen und **Säfte stocken,**

Wollen sie dich locken.

Hör auf, mit deinem Gram zu spielen,

Der, wie ein Geier, dir am Leben frißt;

Die schlechteste Gesellschaft läßt dich fühlen,

Daß du ein Mensch mit Menschen bist.

Doch so ist's nicht gemeint

Dich unter das **Pack zu stoßen.**

Ich bin keiner von den Großen;

Doch willst du, **mit mir vereint,**

Deine Schritte durchs Leben nehmen,

So will ich mich gern bequemen,

Dein zu sein, auf der Stelle.

Ich bin dein Geselle,

Und mach ich **dir's recht,**

Bin ich dein Diener, bin dein Knecht!

FAUST:

Und was soll ich dagegen dir erfüllen?

MEPHISTOPHELES:

Dazu hast du noch eine lange Frist.

Так просят властно!
В мир волшебный
Из отшельников,
Где чувства и соки стыннут,
Ты где был понине.
И перестань играть ты с грустью,
Что, как стервятник, жизнь твою грызет.
Плохое общество дает лишь чувство,
Что человек с людьми живет.
Не в том, однако, смысл же мой,
Тебя чтоб ткнуть **в эту клику.**
Я хоть сам не из великих,
Но хочешь, **вкуче со мной,**
Путь начать новый в этой жизни,
Статус был бы мною признан,
Твой тут быть без предела.
Как подсобник в деле,
И, если **ты рад,**
То твой слуга я и твой раб!

ФАУСТ:

Чтож я тебе за то исполнить должен?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ах, то еще не скоро, не боись.

FAUST:

Nein, nein! der Teufel ist ein Egoist
Und tut nicht leicht um Gottes willen,
Was einem andern nützlich ist.
Sprich die Bedingung deutlich aus;
Ein solcher Diener bringt Gefahr ins Haus.

MEPHISTOPHELES:

Ich will mich hier zu deinem Dienst verbinden,
Auf deinen Wink nicht rasten und nicht ruhn;
Wenn wir uns drüben wiederfinden,
So sollst du mir das gleiche tun.

FAUST:

Das Drüben kann mich wenig kümmern;
Schlägst du erst diese Welt zu Trümmern,
Die andre mag darnach entstehn.
Aus dieser Erde quillen meine Freuden,
Und diese Sonne scheinete meinen Leiden;
Kann ich mich erst von ihnen scheiden,
Dann mag, was will und kann, geschehn.
Davon will ich nichts weiter hören,
Ob man auch künftig haßt und liebt,
Und ob es auch in jenen Sphären
Ein Oben oder Unten gibt.

ФАУСТ:

Нет! Знаю я, что черт за эгоист
И ничего по воле божьей
Не даст, как дал бы альтруист.
Условье мне скажи ладом.
Такой слуга несет опасность в дом.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Хочу стоять к твоим услугам скромно,
На зов твой не лежать, не отдыхать.
А встретимся ж потусторонне,
Ты должен мне все то же дать.

ФАУСТ:

Та сторона мне не кручина.
Сей мир ты превратишь в руину,
Возникнет новый тут же вслед.
Из сей земли моя исходит радость,
Лечить страданья чтоб, мне солнце надо.
Утрачу я сии отрады,
Сойди, что хошь, на этот Свет.
Зачем мне знать про мир утерян,
Царит там ненависть, любовь,
Или в потусторонних сферах
Найдется верх иль низ мне вновь.

MEPHISTOPHELES:

In diesem Sinne kannst du's wagen.
Verbinde dich; du sollst, in diesen Tagen,
Mit Freuden meine Künste sehn,
Ich gebe dir, was noch kein Mensch gesehn.

FAUST:

Was willst du armer Teufel geben?
Ward eines Menschen Geist, in seinem hohen Streben,
Von deinesgleichen je gefaßt?
Doch hast du Speise, die nicht sättigt, hast
Du rotes Gold, das ohne Rast,
Quecksilber gleich, dir in der Hand zerrinnt,
Ein Spiel, bei dem man nie gewinnt,
Ein Mädchen, das an meiner Brust
Mit Äugeln schon dem Nachbar sich verbindet,
Der Ehre schöne Götterlust,
Die, wie ein Meteor, verschwindet?
Zeig mir die Frucht, die fault, eh man sie bricht,
Und Bäume, die sich täglich neu begrünen!

MEPHISTOPHELES:

Ein solcher Auftrag schreckt mich nicht,
Mit solchen Schätzen kann ich dienen.
Doch, guter Freund, die Zeit kommt auch heran,
Wo wir was Guts in Ruhe schmausen mögen.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В том смысле можешь попытаться.
Свяжись. В те дни, что будем мы скитаться
Мои искусства сможешь зреть.
Тебе дам, что никто не мог смотреть.

ФАУСТ:

Что дашь ты, черт, мне в утешенье?
Иль человека дух, в его больших стремленьях,
Поймет такой, как ты, хоть раз?
Еду ли дашь, что не насытит нас,
Иль золото, что исчезнет враз,
В руке, подобно ртути, прочь течет,
Игру, что проигрыш несет,
Иль девы ласковую лесть,
Кто глазками уж отдалась соседу,
Иль ту божественную честь,
Что исчезает, вдруг, без следа?
Тот фрукт мне дай, что, прежде сгнил, чем снят,
Древа, что дневно снова зеленеют!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Заказ твой мною перенят,
Все это дать тебе сумею.
Мой друг, придет все ж время наконец,
Где мы в покое сможем развратиться.

ФАУСТ:

Коль я смогу покойной ленью насладиться,

То будь мне тут же и конец!

Врать сможешь ли ты мне тут лестно,

Что нравится мне эта лень,

Лгать с удовольствием известным,

Что это мой последний день!

Поспорим!

МЕФИСТОФЕЛЬ: По рукам!

ФАУСТ: Спор подтвержден!

Скажу однажды я мгновенью:

«Побудь же! Ты прекрасно так!»

Тогда в твоём я заточенье,

Тогда, готов я сгинуть всяк!

Тогда свободен ты от службы,

Тогда бьёт колокол по мне,

Конец и мне, и нашей дружбе,

Часы стоят и я извне!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мы не забудем то, подумай вольно.

ФАУСТ:

То право я и предлагал

Тебе. Я не наглею тут фривольно.

Настаиваю, я слуга,

Ob dein, was frag ich, oder wessen.

MEPHISTOPHELES:

Ich werde heute gleich, beim Doktorschmaus,
Als Diener meine Pflicht erfüllen.
Nur eins! – Um Lebens oder Sterbens willen
Bitt ich mir ein paar Zeilen aus.

FAUST:

Auch was Geschriebnes forderst du Pedant?
Hast du noch keinen Mann, nicht Manneswort gekannt?
Ist's nicht genug, daß mein gesprochenes Wort
Auf ewig soll mit meinen Tagen schalten?
Rast nicht die Welt in allen Strömen fort,
Und mich soll ein Versprechen halten?
Doch dieser Wahn ist uns ins Herz gelegt,
Wer mag sich gern davon befreien?
Beglückt, wer Treue rein im Busen trägt,
Kein Opfer wird ihn je gereuen!
Allein ein Pergament, beschrieben und beprägt,
Ist ein Gespenst, vor dem sich alle scheuen.
Das Wort erstirbt schon in der Feder,
Die Herrschaft führen Wachs und Leder.
Was willst du böser Geist von mir?
Erz, Marmor, Pergament, Papier?
Soll ich mit Griffel, Meißel, Feder schreiben?

Хоть твой, хоть или чей невольник.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Свой долг сегодня ж буду я справлять
На докторском твоём банкете^{xiv},
Коль мог ты б, ради жизни или смерти,
Мне пару строчек подписать.

ФАУСТ:

Расписку хочешь от меня, педант?
Не знал ты мужа, слову кто его предан?
Иль мало слова, что тебе дает
Тот, кто до смерти с ним живет без риска?
Когда в потоках мир летит вперед,
Меня удержит, вдруг, расписка?
Но в сердце нам заложен этот бред,
Кто ж хочет здесь освободиться?
Тот счастлив, верность кто в груди несет,
С любой он жертвой согласится!
Но лишь написанный с печатнью пергамент
Есть привиденье, каждый что боится.
В пере уже погибло слово,
Печать и воск владеют снова.
Что хочешь, дух злой, в сей момент?
Бумагу, мрамор, пергамент?
Зубилом иль пером писать мне можно?

Ich gebe jede Wahl dir frei.

MEPHISTOPHELES:

Wie magst du deine Rednerei
Nur gleich so hitzig übertreiben?
Ist doch ein jedes Blättchen gut.
Du unterzeichnest dich mit einem Tröpfchen Blut.

FAUST:

Wenn dies dir völlig Gnüge tut,
So mag es bei der Fratze bleiben.

MEPHISTOPHELES:

Blut ist ein ganz besonderer Saft.

FAUST:

Nur keine Furcht, daß ich dies Bündnis breche!
Das Streben meiner ganzen Kraft
Ist grade das, was ich verspreche.
Ich habe mich zu hoch gebläht,
In deinen Rang gehör ich nur.
Der große Geist hat mich verschmäht,
Vor mir verschließt sich die Natur.
Des Denkens Faden ist zerrissen,
Mir ekelt lange **vor allem Wissen.**
Laß in den Tiefen **der Sinnlichkeit**

Свободный выбор дам вполне.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В своей ты любишь болтовне
Переборщать так невозможно?
Любой листок мне приготовь,
Коль в подписи применишь собственную кровь.

ФАУСТ:

Коль то пойдет, согласен вновь,
Гротеск коль хошь, то мне не сложно.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ну кровь совсем особый сок.

ФАУСТ:

Не бойся же, что я союз нарушу!
Усилий всех моих исток,
Сдержать, за что я продал душу.
Я высоко себя раздул,
С твоим лишь рангом наравне.
А Дух большой меня надул,
Закрылась вновь природа мне.
И прервалась уж нить мышленья,
Мне тошны знаний **уж всех скопленья.**
Давай мы утолим **в чувственном**

Uns glühende **Leidenschaften stillen!**
In undurchdrungenen Zauberhüllen
Sei jedes Wunder gleich bereit!
Stürzen wir uns in das Rauschen der Zeit,
Ins Rollen der Begebenheit!
Da mag denn Schmerz **und Genuß,**
Gelingen und Verdruß
Miteinander wechseln, wie es kann;
Nur rastlos **betätigt sich der Mann.**

MEPHISTOPHELES:

Euch ist kein Maß und Ziel gesetzt.
Beliebt's Euch, überall zu naschen,
Im Fliehen etwas zu erhaschen,
Bekomm Euch wohl, was Euch ergetzt.
Nur greift mir zu und seid nicht blöde!

FAUST:

Du hörst ja, von Freud' ist nicht die Rede.
Dem Taumel weih ich mich, dem schmerzlichsten Genuß,
Verliebttem Haß, erquickendem Verdruß.
Mein Busen, der vom Wissensdrang geheilt ist,
Soll keinen Schmerzen künftig sich verschließen,
Und was der ganzen Menschheit zugeteilt ist,
Will ich in meinem innern Selbst genießen,
Mit meinem Geist das Höchste und Tiefste greifen,

Палящие **нашей страсти зовы!**
В непроницаемых покровах
Пусть чудеса готовы нам!
В бурный поток мы нырнем временной,
В событий гущу занырем!
Там наслажденье **и боль,**
Досада и любовь
Чередуются, как шум и тишь.
Мужчина жив **беспокойством лишь.**

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Цель или мера не стоит.
Везде всем можешь насладиться,
И в лёт схватить, что приглядится,
Будь впрок все то, что насладит.
Не будь дурак, хватай что надо!

ФАУСТ:

Ты ж слышал, что мне радость не награда.
Я толчее и наслажденью отдаюсь,
Любви и раздраженья не боюсь.
Моя душа, отвергши знаний жажду,
Любой готова боли открываться,
И тем, чем люди и людское страждет,
Хочу внутри себя я наслаждаться,
Умом и в высь, и в низость погрузиться,

Ihr Wohl und Weh auf meinen Busen häufen,
Und so mein eigen Selbst zu ihrem Selbst erweitern,
Und, wie sie selbst, am End auch ich zerscheitern.

MEPHISTOPHELES:

O glaube mir, der manche tausend Jahre
An dieser harten Speise kaut,
Daß von der Wiege bis zur Bahre
Kein Mensch den alten Sauerteig verdaut!
Glaub unsereinem, dieses Ganze
Ist nur für einen Gott gemacht!
Er findet sich in einem ew'gen Glanze,
Uns hat er in die Finsternis gebracht,
Und euch taugt einzig Tag und Nacht.

FAUST:

Allein ich will!

MEPHISTOPHELES: Das läßt sich hören!

Doch nur vor einem ist mir bang:
Die Zeit ist kurz, die Kunst ist lang.
Ich dächt, ihr liebet Euch belehren.
Assoziiert Euch mit **einem** Poeten,
Laßt den Herrn in Gedanken schweifen,
Und alle edlen Qualitäten
Auf Euren Ehrenscheitel häufen,

Добру и боли чтоб в душе копиться,
И собственным моим чтоб Я к их Я добратсья,
И, как они, в конце все ж не удалсья.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Поверь мне, тыщи лет уже кто жалко
Твердь этой пици здесь жуеи,
От люльки что до катафалка
Закваска стара людяи впрок неидеи!
Поверь, что все в таком бурлеске
Для Бога создано лишь так!
Он пребывает в вечном своем блеске,
Тогда как в мрак поверг с порога нас,
А день и ночь лишь толк для вас.

ФАУСТ:

Но я хочу!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Вполне возможно!

Страшит меня тут лишь одно:

Искусству время не дано.

Скажу тебе все ж, что не сложно.

Себя попробуй **представишь** поэтом,

Дай его воспариться мыслям

И свойства благородны Света,

Сбери в одно в твоём лишь смысле,

Des Löwen Mut,
Des Hirsches Schnelligkeit,
Des Italieners feurig Blut,
Des Nordens Dau'rbarkeit.
Laßt ihn Euch das Geheimnis finden,
Großmut und Arglist zu verbinden,
Und Euch, mit warmen Jugendtrieben,
Nach einem Plane zu verlieben.
Möchte selbst solch einen Herren kennen,
Würd ihn Herrn Mikrokosmos nennen.

FAUST:

Was bin ich denn, wenn es nicht möglich ist,
Der Menschheit Krone zu erringen,
Nach der sich alle Sinne dringen?

MEPHISTOPHELES:

Du bist am Ende – was du bist.
Setz dir Perücken auf von Millionen Locken,
Setz deinen Fuß auf ellenhohe Socken,
Du bleibst doch immer, was du bist.

FAUST:

Ich fühl's, vergebens hab ich alle Schätze
Des Menschegeists auf mich herbeigerafft,
Und wenn ich mich am Ende niedersetze,

Отвагу львов,
Оленя быстроту,
От итальянца жарку кровь,
В арийце стойкость ту.
Найти ему дай то лекарство,
Душевность свяжет что с коварством,
Тебе же с юношеским пылом
Влюбиться чтоб, как в плане было.
Где такой живет, был бы вопрос мой,
Назвал его б я Микрокосмос.

ФАУСТ:

А что я есть, коль нереальна спесь
До кроны мне людской добаться,
К ней чувства все мои стремятся?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ты есть в конце тот, кто ты есть.
Напяль парик себе кудрявый хоть, простой ли,
Надень каблук хоть в локоть высоту,
Ты остаешься, кто ты есть.

ФАУСТ:

Я чувствую, напрасно что богатства
Людского духа в жизни накопил,
И коль в конце я сяду в безотрадстве,

Quillt innerlich doch keine neue Kraft;
Ich bin nicht um ein Haar breit höher,
Bin dem Unendlichen nicht näher.

MEPHISTOPHELES:

Mein guter Herr, Ihr seht die Sachen,
Wie man die Sachen eben sieht;
Wir müssen das gescheiter machen,
Eh uns des Lebens Freude flieht.
Was Henker! freilich Händ und Füße
Und Kopf und Hintern, die sind dein;
Doch alles, was ich frisch genieße,
Ist das drum weniger **mein**?
Wenn ich sechs Hengste zahlen kann,
Sind ihre Kräfte nicht die meine?
Ich renne zu und bin ein rechter Mann,
Als hätt ich vierundzwanzig Beine.
Drum frisch! Laß alles Sinnen sein,
Und grad mit in die Welt hinein!
Ich sag es dir: ein Kerl, der spekuliert,
Ist wie ein Tier, auf dürrer Heide
Von einem bösen Geist im Kreis herum geführt,
Und rings umher liegt schöne grüne Weide.

FAUST:

Wie fangen wir das an?

То не найду внутри уж новых сил,
Ни выше я не стал, ни ниже
И бесконечности ни ближе.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мой добрый друг, ты видишь вещи
Так, вещи каждый как и зрит.
Должны мы это делать хлеще,
Пока нам радость жизнь дарит.
Ну что за чушь! Ведь руки, ноги,
И голова, и зад – твое.
Что ж все, чем наслаждаюсь в неге,
Тогда есть меньше **мое**?
Коль у меня шесть жеребцов,
Иль не мои тогда их силы?
Скача, я буду первым молодцом,
Как ног бы дюжны две носили.
Ну так! Раздумия оставь,
И прямо в мир безумный правь!
Я так скажу: кто спекулирует,
Как зверь на пустыре блуждает,
Злой дух кого по кругу маневрирует,
Тогда как луг зеленый окружает.

ФАУСТ:

Ну как же мы начнём?

MEPHISTOPHELES: Wir gehen eben fort.
Was ist das für ein Marterort?
Was heißt das für ein Leben führen,
Sich und die Jungens ennuyieren?
Laß du das dem Herrn Nachbar Wanst!
Was willst du dich das Stroh zu dreschen plagen?
Das Beste, was du wissen kannst,
Darfst du den Buben doch nicht sagen.
Gleich hör ich einen auf dem Gange!

FAUST:

Mir ist's nicht möglich, ihn zu sehn.

MEPHISTOPHELES:

Der arme Knabe wartet lange,
Der darf nicht ungetröstet gehn.
Komm, gib mir deinen Rock und Mütze;
Die Maske muß mir köstlich stehn.
Er kleidet sich um.
Nun überlaß es meinem Witze!
Ich brauche nur ein Viertelstündchen Zeit;
Indessen mache dich zur schönen Fahrt bereit!

Faust ab.

МЕФИСТОФЕЛЬ: В том, что пойдём вперед.
Ведь это место просто вред?
Зовётся так жить жизнь стремленье,
Где всем одно лишь заточенье?
Все толстяку соседу брось!
Зачем зря молотить солому все же?
Ведь что ты знаешь, на авось
Сказать юнцам того не можешь.
Один уж, слышу, в коридоре!

ФАУСТ:
Я не смогу его принять.

МЕФИСТОФЕЛЬ:
Бедняга ждёт тебя уж вскоре,
Его нельзя так отпускать.
Ну ладно, дай мне робу, шмутки.
Должна мне маска быть подстать .
Он переодевается
Представь сие моей ты шутке!
Мне надо-то пятнадцать лишь минут
Меж тем собирайся ты со мной в прекрасный путь!

Фауст уходит

MEPHISTOPHELES *in Fausts langem Kleide:*

Verachte nur Vernunft und Wissenschaft,
Des Menschen allerhöchste Kraft,
Laß nur in Blend- und Zauberwerken
Dich von dem Lügengeist bestärken,
So hab ich dich schon unbedingt –
Ihm hat das Schicksal einen Geist gegeben,
Der ungebündigt immer vorwärts dringt,
Und dessen übereiltes Streben
Der Erde Freuden überspringt.
Den schlepp ich durch das wilde Leben,
Durch flache Unbedeutenheit,
Er soll mir zappeln, starren, kleben,
Und seiner Unersättlichkeit
Soll Speis und Trank vor gier'gen Lippen schweben;
Er wird Erquickung sich umsonst erflehn,
Und hätt er sich auch nicht dem Teufel übergeben,
Er müßte doch zugrunde gehn!

Ein Sshüler tritt auf.

SCHÜLER:

Ich bin allhier erst kurze Zeit,
Und komme voll Ergebenheit,
Einen Mann zu sprechen und zu kennen,
Den alle mir mit Ehrfurcht nennen.

МЕФИСТОФЕЛЬ в длинных одеждах Фауста:

Лишь разум и науки все презри,
В чем человек всю силу зрит,
Иллюзией лишь чар всеильных
Дай духу лжи тебя усилить,
Тогда ты мой, сомнений нет –
Судьба в него вдохнула дух мышленья,
Что рвется необузданно вперед
Его усердное стремленье,
Земную радость предает.
Ему дам жизни наслажденье,
Узнает он ничтожество,
Дрожать и млеть он должен в вожделенье,
Чтоб в ненасытность гнать его,
Еде с питьем витать пред ртом виденьем.
Зря будет он об отдыхе молить,
Ведь даже если бы не с чёртом единенье,
Он смог бы сам себя сгубить!

Входит ученик

УЧЕНИК:

Я здесь сейчас лишь в первый раз
И с преклоненьем прошу Вас,
Мне дозволить с тем лишь заседанье,
О ком все молвят с почитаньем.

MEPHISTOPHELES:

Eure Höflichkeit erfreut mich sehr!
Ihr seht einen Mann wie andre mehr.
Habt Ihr Euch sonst schon umgetan?

SCHÜLER:

Ich bitt Euch, nehmt Euch meiner an!
Ich komme **mit allem guten Mut,**
Leidlichem Geld und frischem Blut;
Meine Mutter wollte mich kaum entfernen;
Möchte gern was Rechts hieraußen lernen.

MEPHISTOPHELES:

Da seid Ihr eben recht am Ort.

SCHÜLER:

Aufrichtig, möchte schon **wieder fort:**
In diesen Mauern, diesen Hallen
Will es mir keineswegs gefallen.
Es ist ein gar beschränkter Raum,
Man sieht nichts Grünes, keinen Baum,
Und in den Sälen, auf den Bänken,
Vergeht mir Hören, Sehn und Denken.

MEPHISTOPHELES:

Das kommt nur auf Gewohnheit an.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Вежливость так радуется твоя!

Он, как все такой же, – это я.

А в прочем как тут все тебе?

УЧЕНИК:

Прошу, принять меня к себе!

Пришел я к Вам с мужеством со всем,

Деньги есть, молодой совсем.

Мать меня никак прочь не отпускала.

Я о праве здесь слыхал не мало.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Здесь могут правильно помочь.

УЧЕНИК:

Честно, хотел я б уж снова прочь:

В стенах сих и в этих залах

Мне нравится все очень мало.

Все в этом тесно так дворе,

Нигде ни зелени, ни древ,

А в залах тех, на лавках сидя,

Прочь дар мне думать, слышать, видеть.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Все это лишь привычки суть.

So nimmt ein Kind der Mutter Brust
Nicht gleich im Anfang willig an,
Doch bald ernährt es sich mit Lust.
So wird's Euch an der Weisheit Brüsten
Mit jedem Tage mehr gelüsten.

SCHÜLER:

An ihrem Hals will ich mit Freuden hangen;
Doch sagt mir nur, wie kann ich hingelangen?

MEPHISTOPHELES:

Erklärt Euch, eh Ihr weiter geht,
Was wählt Ihr für **eine Fakultät**?

SCHÜLER:

Ich wünschte recht gelehrt zu werden,
Und möchte gern, was auf der Erden
Und in dem Himmel ist, erfassen,
Die Wissenschaft und die Natur.

MEPHISTOPHELES:

Da seid Ihr auf der rechten Spur;
Doch müßt Ihr Euch **nicht zerstreuen lassen**.

SCHÜLER:

Ich bin dabei mit Seel und Leib;

Дитя вначале тож берет
Не сразу материнску грудь,
Но вскоре жадно он сосет.
Сосешь грудь мудрости чем дольше,
То нравится тебе все больше.

УЧЕНИК:

Я был бы рад ее в объятья стиснуть,
Скажите лишь, как мне на ней повиснуть?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Спрошу, чтоб дать тебе ответ,
Что выбрал ты **все ж за факультет?**

УЧЕНИК:

Я б быть хотел ученым, право,
Те силы, что Землею правят
И Небом, изучил бы все я,
Науки и природы суть.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Здесь правильный ты выбрал путь.
Но ты себя **тут не дай рассеять.**

УЧЕНИК:

При том я телом и душой.

Doch freilich würde mir behagen
Ein wenig Freiheit und **Zeitvertreib**
An schönen Sommerfeiertagen.

MEPHISTOPHELES:

Gebraucht der Zeit, sie geht so schnell von hinnen,
Doch Ordnung lehrt Euch Zeit gewinnen.
Mein teurer Freund, ich rat Euch drum
Zuerst Collegium Logicum.
Da wird der Geist Euch wohl dressiert,
In spanische **Stiefeln eingeschnürt**,
Daß er bedächtiger **so fortan**
Hinschleiche die Gedankenbahn,
Und nicht etwa, die Kreuz und Quer,
Irrlichteliere hin und her.
Dann lehret man Euch manchen Tag,
Daß, was Ihr sonst auf einen Schlag
Getrieben, wie **Essen** und Trinken frei,
Eins! Zwei! Drei! dazu nötig sei.
Zwar ist's mit der Gedanken**fabrik**
Wie mit einem Weber-Meisterstück,
Wo ein Tritt tausend Fäden regt,
Die Schifflin **herüber** hinüber schießen,
Die Fäden ungesehen fließen,
Ein Schlag **tausend** Verbindungen **schlägt**.
Der Philosoph, der tritt herein

Но для меня все ж было б лучше
Иметь досуг хотя б **небольшой**
В дни лета, чтоб себя не мучить.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Используй время, быстро что изрядно,
Сберечь его дает порядок.

Совет даю ученику:

Начни с «Collegium Logicum»^{xv}.

Твой дух он укрепить бы мог,

Сковав в испанский **его сапог**,

Чтоб так обдуманней **он вперед**

Мыслей прокладывал полет,

А не вдоль, поперек всегда,

Метался бы туда-сюда.

Познаешь там же ты затем

То, просто что тебе совсем,

Как **еда** для тебя с питьем важны,

Раз! Два! Три! К тому же нужны.

Ведь с мыслью фабрикой **изначал**,

Как с искусством мастера-ткача,

Где всего он одним толчком

До тысячи **челноков** двигать может,

Невидимые нити тоже,

И тыщи их **скрепит**, как **крючком**.

Философ, не скрывая прыть,

Und beweist Euch, es müßt so sein:
Das Erst wär so, das Zweite so,
Und drum das Dritt und Vierte so;
Und wenn das Erst und Zweit nicht wär,
Das Dritt und Viert wär nimmermehr.
Das preisen **die Schüler allerorten**,
Sind aber keine Weber **geworden**.
Wer will was **Lebendigs** erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist heraus zu treiben,
Dann hat er **die Teile** in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige **Band**.
Encheiresin **naturae** nennt's **die Chemie**,
Spottet ihrer selbst und weiß nicht wie.

SCHÜLER:

Kann Euch nicht eben ganz verstehen.

MEPHISTOPHELES:

Das wird nächstens schon besser gehen,
Wenn Ihr lernt alles reduzieren
Und gehörig klassifizieren.

SCHÜLER:

Mir wird von alledem so dumm,
Als ging, mir ein **Mühlrad** im Kopf herum.

Вам докажет, так должно быть:
Будь перво так, второе так,
То третье и четверто так.
Прочь перво и второ, тогда
Не быть другим двум никогда.
Ученики **то учить устали,**
Ткачами ж все еще и **не стали.**
Кто ж хочет в знаниях до **живого** допрыгнуть,
Тот должен дух наружу выгнать,
Тогда все части в **руке** у него,
Но жаль! Духовного **ничего.**
«Encheiresin **naturae**»^{xvi} **зовет ее,**
Кто, без знаний, учит лишь свое.

УЧЕНИК:

Я Вас понять могу не очень.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Скоро все поймешь между прочим,
Научишься коль упрощенью
При классификаций ученье.

УЧЕНИК:

Понять все это не могу,
Как бы вертит **жернов** в моем мозгу.

MEPHISTOPHELES:

Nachher, vor allen andern Sachen,
Müßt Ihr Euch an die Metaphysik machen!
Da seht, daß Ihr tiefsinnig faßt,
Was in des Menschen Hirn nicht paßt;
Für was drein geht und nicht drein geht,
Ein prächtig Wort zu Diensten steht.
Doch vorerst dieses halbe Jahr
Nehmt ja der besten Ordnung wahr.
Fünf Stunden habt Ihr jeden Tag;
Seid drinnen mit dem Glockenschlag!
Habt Euch vorher wohl präpariert,
Paragraphos wohl einstudiert,
Damit Ihr nachher besser seht,
Daß er nichts sagt, als was im Buche steht;
Doch Euch des Schreibens ja befleißt,
Als diktiert' Euch der Heilig Geist!

SCHÜLER:

Das sollt Ihr mir nicht zweimal sagen!
Ich denke mir, wie viel es nützt;
Denn, was man schwarz auf weiß besitzt,
Kann man getrost nach Hause tragen.

MEPHISTOPHELES:

Doch wählt mir eine Fakultät!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Затем ты, прежде дел всех прочих,
Займешься метафизикой сверхсрочно!
С глубокомыслием чтоб смог
Понять там, что не лезет в мозг,
Туда что лезет, а что нет,
Тому есть доблестный ответ.
Всего же прежде в этот год
Возьми порядок в обиход.
В день пять часов тебе. Смотри
Будь со звонком уже внутри!
Пред тем все добро повтори,
Параграфы все зазубри,
Чтоб видеть, что он говорит
Лишь то, что в книге у тебя стоит.
Пиши всегда конспект себе,
Каб Святой Дух читал тебе!

УЧЕНИК:

Мне говорить не надо дважды!
Могу представить пользу в том.
Ведь что написано пером,
Домой нести то может каждый.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Все ж выбери мне факультет!

SCHÜLER:

Zur Rechtsgelehrsamkeit kann ich mich nicht bequemen.

MEPHISTOPHELES:

Ich kann es Euch so sehr nicht übel nehmen,
Ich weiß, wie es um diese Lehre steht.
Es erben sich Gesetz' und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort;
Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte,
Und rücken sacht von Ort zu Ort.
Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage;
Weh dir, daß du ein Enkel bist!
Vom Rechte, das mit uns geboren ist,
Von dem ist, leider! nie die Frage.

SCHÜLER:

Mein Abscheu wird durch Euch vermehrt.
O glücklich der, den Ihr belehrt!
Fast möchte ich nun Theologie studieren.

MEPHISTOPHELES:

Ich wünschte nicht, Euch irre **zu führen**.
Was diese Wissenschaft betrifft,
Es ist so schwer, den falschen Weg zu meiden,
Es liegt in ihr so viel verborgnes Gift,
Und von der Arznei ist's kaum zu unterscheiden.

УЧЕНИК:

Юриспруденцию я не воспринимаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Упрека нет, тебя я понимаю,
Знаком мне этого ученья гнет.
Закон и право по наследству
Передаются, как болезнь,
От рода к роду с вечным непосредством,
От места к месту – так всю жизнь.
Там разум бред, добро как мука.
Увы, там речи вовсе нет
О праве, с коим мы приходим в Свет,
Тебе же горе лишь как внуку!

УЧЕНИК:

Теперь мне право – ничего.
Тот счастлив, учите кого!
Я к богословью чувствую стремленье.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я не хочу вводить в заблужденье
Касательно науки сей.
Там трудно слишком избежать путь ложный,
Уж слишком много скрыто яда в ней,
Его же от лекарства отличать так сложно.

Am besten ist's auch hier, wenn Ihr nur einen hört,
Und auf des Meisters Worte schwört.
Im ganzen – haltet Euch an Worte!
Dann geht Ihr durch die sichre Pforte
Zum Tempel der Gewißheit ein.

SCHÜLER:

Doch ein Begriff muß bei dem Worte sein.

MEPHISTOPHELES:

Schon gut! Nur muß man sich nicht allzu ängstlich quälen;
Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein.
Mit Worten läßt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten,
An Worte läßt sich trefflich glauben,
Von einem Wort läßt sich kein Jota rauben.

SCHÜLER:

Verzeiht, ich halt Euch auf mit vielen Fragen,
Allem ich muß Euch noch bemühen.
Wollt Ihr mir von der Medizin
Nicht auch ein kräftig Wörtchen sagen?
Drei Jahr ist eine kurze Zeit,
Und, Gott! das Feld ist gar zu weit.
Wenn man **einen Fingerzeig nur hat,**

И здесь Вам лучше слышать только Одного
И верить лишь словам его.
А в целом – лишь держись за слово!
Надежней нет пути иного
Ко храму знания основ.

УЧЕНИК:

Должно же быть значение у слов.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ну пусть! К чему нам боязливые мученья.
Как раз же если нет значенья,
Со словом каждый вставиться готов.
Слова дают нам силу в споре,
Систему ль приготовить споро,
Словам же верить так охота,
У слова же нельзя отнять ни йоты.

УЧЕНИК:

Пардон, я задаю вопросов много
И все ж забыл спросить до счас
Еще о медицине Вас.
Могли б о ней сказать немного?
Три года ведь короткий срок,
Предмет же – Боже! – так широк.
Ведь, если **лишь указатель дать,**

Läßt sich's schon eher weiter fühlen.

MEPHISTOPHELES *für sich:*

Ich bin des trocknen Tons nun satt,
Muß wieder recht den Teufel spielen.

Laut.

Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen;
Ihr durchstudiert die groß, und kleine Welt,
Um es am Ende gehn zu lassen,
Wie's Gott gefällt.
Vergebens, daß Ihr ringsum wissenschaftlich schweift,
Ein jeder lernt nur, was er lernen kann;
Doch der den Augenblick ergreift,
Das ist der rechte Mann.
Ihr seid noch ziemlich wohl gebaut,
An Kühnheit wird's Euch auch nicht fehlen,
Und wenn Ihr Euch nur selbst vertraut,
Vertrauen Euch die andern Seelen.
Besonders lernt die Weiber führen;
Es ist ihr ewig Weh und Ach
So tausendfach
Aus einem Punkte zu kurieren,
Und wenn Ihr halbweg ehrbar tut,
Dann habt Ihr sie all unterm Hut.
Ein Titel muß sie erst vertraulich machen,
Daß Eure Kunst viel Künste übersteigt;

То ощутить все дальше можно.

МЕФИСТОФЕЛЬ *про себя*:

Уж скучно сухо мне болтать,

Играть я чёрта снова должен .

Вслух.

Дух медицины так легко представить.

Ты учишь мир большой и малый^{xvii} в срок,

Чтобы потом его оставить,

Как хочет Бог.

С наукой вашей зря вы носитесь вокруг,

Всяк учит лишь, подходит что ему.

Все ж тот, кто миг ухватит, вдруг,

Есть настоящий муж.

Бог крепко тело дал тебе,

И смелости вполне хватает,

Коль доверяешь сам себе,

Тебе другие доверяют.

Вести учись особо женщин,

Их вечные то ох, то ах

Так в тысячах

Из пункта одного уменьшить.

Коль сможешь здесь иметь успех,

То их иметь ты будешь всех.

Твой титул должен ей внушить доверье,

Что дар твой превышает дар других.

Zum Willkomm tappt Ihr dann nach allen Siebensachen,
Um die ein anderer viele Jahre streicht,
Versteht das Pülslein wohl zu drücken,
Und fasset sie, mit feurig schlauen Blicken,
Wohl um die schlanke Hüfte frei,
Zu sehn, wie fest geschnürt sie sei.

SCHÜLER:

Das sieht schon besser aus! Man sieht doch, wo und wie.

MEPHISTOPHELES:

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum.

SCHÜLER:

Ich schwör Euch zu, mir ist's als wie ein Traum.
Dürft ich Euch wohl ein andermal beschweren,
Von Eurer Weisheit auf den Grund zu hören?

MEPHISTOPHELES:

Was ich vermag, soll gern geschehn.

SCHÜLER:

Ich kann unmöglich wieder gehn,
Ich muß Euch noch mein Stammbuch überreichen,
Gönn Eure Gunst mir dieses Zeichen!

Желан тогда найти манатки ты за дверью,
Где кто другой годами ищет их.
Умей тогда ей пульс потрогать
И с жарким взором бедра тоже,
Чтоб знать, там туго или нет
Затянут у нее корсет.

УЧЕНИК:

Уж лучше смотрится! Тут видно, как и где.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Сера, мой друг, теория везде,
А древо жизни зелено.

УЧЕНИК:

Я как во сне, клянусь я Вам одно.
Позвольте ль Вы мне, в другой раз лучше
Основы Вашей мудрости послушать?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Чем я владею помогу.

УЧЕНИК:

Уйти так просто не могу.
Я должен Вам дневник^{xviii} мой дать на подпись,
Будьте добры оставить роспись!

MEPHISTOPHELES: Sehr wohl.

Er schreibt und gibt 's.

SCHÜLER *liest:*

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

Macht 's ehrerbietig zu und empfiehlt sich.

MEPHISTOPHELES:

Folg nur dem alten Spruch und meiner Muhme, **der Schlange**,

Dir wird gewiß einmal bei deiner Gottähnlichkeit bange!

Faust tritt auf.

FAUST:

Wohin soll es nun gehn?

MEPHISTOPHELES: Wohin es dir gefällt.

Wir sehn die kleine, dann die große Welt.

Mit welcher Freude, welchem Nutzen

Wirst du den Cursum durchschmarutzen!

FAUST:

Allein bei meinem langen Bart

Fehlt mir die leichte Lebensart.

Es wird mir der Versuch nicht glücken;

Ich wußte nie mich in die Welt zu schicken.

Vor andern fühl ich mich so klein;

МЕФИСТОФЕЛЬ: Охотно.

Он тишет и отдает.

УЧЕНИК *читает*:

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.^{xix}

Почтительно закрывает и откланивается.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Лишь следуй поговорке и змее, моей **тетке**,

Тебе еще бояться за подобье Богу, детка!

Входит Фауст.

ФАУСТ:

Куда теперь?

МЕФИСТОФЕЛЬ: Туда, где не был до поры.

Увидим малый и большой миры.

С великой радостью и пользой

Ты для себя сей курс используй!

ФАУСТ:

Уж из-за длинной бороды

Мне трудно жизнь взять под узды.

Попытка эта не удастся.

Я никогда не мог в тот мир податься.

Я пред другими слишком мал,

Ich werde stets verlegen sein.

MEPHISTOPHELES:

Mein guter Freund, das wird sich alles geben;
Sobald du dir vertraust, sobald weißt du zu leben.

FAUST:

Wie kommen wir denn aus dem Haus?
Wo hast du Pferde, Knecht und Wagen?

MEPHISTOPHELES:

Wir breiten nur den Mantel aus,
Der soll uns durch die Lüfte tragen.
Du nimmst bei diesem kühnen Schritt
Nur keinen großen Bündel mit.
Ein bißchen Feuerluft, die ich bereiten werde,
Hebt uns behend von dieser Erde.
Und sind wir leicht, so geht es schnell hinauf;
Ich gratuliere dir zum neuen Lebenslauf!

Всегда стесняться я устал.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мой добрый друг, ты скоро все получишь,
Поверишь коль в себя и жизнь познаешь лучше.

ФАУСТ:

Но как из дома выйдем мы?
Где кони, где карета, кучер?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Расправим плащ мой в лоно тьмы,
Он понесет нас через тучи.
Но как бы не был смел шаг сей,
Ты не бери больших вещей.
Немного пламени вмиг нас наверх подьмет,
Позволив нам покинуть землю.
Коль мы легки, пойдём мы на подъем.
Я поздравляю с новым жизненным путем!

AUERBACHS KELLER IN LEIPZIG

Zeche lustiger Gesellen.

FROSCH:

Will keiner trinken? keiner lachen?

Ich will euch lehren **Gesichter machen!**

Ihr seid ja heut wie nasses Stroh,

Und brennt sonst immer lichterloh.

BRANDER:

Das liegt an dir; du bringst ja nichts herbei,

Nicht eine Dummheit, keine Sauerei.

FROSCH *giesst ihm ein Glas Wein über den Kopf:*

Da hast du beides!

BRANDER: Doppelt Schwein!

FROSCH:

Ihr wollt es ja, man soll es sein!

SIEBEL:

Zur Tür hinaus, er sich entzweit!

Mit offner Brust singt Runda, sauft und schreit!

Auf! Holla! Ho!

ПОДВАЛ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ

Пирушка веселых забулдыг

ФРОШ:

Никто не хочет пить? Смеяться?

Я научу вас **лицом кривляться!**

Как мокрая солома вы,

Горим обычно ж ярко мы.

БРАНДЕР:

Твоя вина, ты нас не веселишь,

Ни глупости, ни свинства – пьянка лишь.

ФРОШ *льет ему на голову вино:*

Вот оба здесь!

БРАНДЕР: Двойной свинья!

ФРОШ:

Что вы хотели сделал я!

ЗИБЕЛЬ:

За двери вон, он отделен!

Круг наш поет, орет как упоен!

Пьем! Холла! Хо!

ALTMAYER:

Weh mir, ich bin verloren!

Baumwolle her! der Kerl sprengt mir die Ohren.

SIEBEL:

Wenn das Gewölbe widerschallt,

Fühlt man erst recht des Basses Grundgewalt.

FROSCH:

So recht, hinaus mit dem, der etwas übel nimmt!

A! tara lara da!

ALTMAYER: A! tara lara da!

FROSCH: Die Kehlen sind gestimmt.

Singt.

Das liebe Heil'ge Röm'sche Reich,

Wie hält's nur noch zusammen?

BRANDER:

Ein garstig Lied! Pfui! ein politisch Lied

Ein leidig Lied! Dankt Gott mit jedem Morgen,

Daß ihr nicht braucht fürs Röm'sche Reich zu sorgen!

Ich halt es wenigstens für reichlichen Gewinn,

Daß ich nicht Kaiser oder Kanzler bin.

Doch muß auch uns ein Oberhaupt nicht fehlen;

Wir wollen einen Papst erwählen.

Ihr wißt, welch eine Qualität

АЛЬТМАЙЕР:

Заткните пасть же хлопцу!

Иль дайте ваты, перепонки ж лопнут.

ЗИБЕЛЬ:

От сводов эхо, хошь не хошь,

Дает нам слышать полну баса мощь.

ФРОШ:

Воистину! Кто здесь чего-то против, вон!

А! Тра-ля-тра-ля-ля!

АЛЬТМАЙЕР: А! Тра-ля-тра-ля-ля!

ФРОШ: Настроен глотки тон.

Поет.

Святой любимый Римский Рейх^{xx},

Как ты не развалился?

БРАНДЕР:

Противна, политична песня! Тьфу!

Жалка! И Богу слава каждое утро,

Забот что нет у вас за императра!

Я рад, по крайней мере, оченно тому,

Ни кайзер что, ни канцлер в том дому.

Но главари и нам не должны выбыть.

Так что хотим мы Папу выбрать.

Известно, что за качество

Den Ausschlag gibt, den Mann erhöht.

FROSCH singt:

Schwing dich auf, Frau Nachtigall,
Grüß mir mein Liebchen zehntausendmal.

SIEBEL:

Dem Liebchen keinen Gruß! ich will davon nichts hören!

FROSCH:

Dem Liebchen Gruß und Kuß! du wirst mir's nicht verwehren!

Singt.

Riegel auf! in stiller Nacht.
Riegel auf! der Liebste wacht.
Riegel zu! des Morgens früh.

SIEBEL:

Ja, singe, singe nur und lob und rühme sie!
Ich will zu meiner Zeit schon lachen.
Sie hat mich angeführt, dir wird sie's auch so machen.
Zum Liebsten sei ein Kobold ihr beschert!
Der mag mit ihr auf einem Kreuzweg schäkern;
Ein alter Bock, wenn er vom Blocksberg kehrt,
Mag im Galopp noch gute Nacht ihr meckern!
Ein braver Kerl von echtem Fleisch und Blut
Ist für die Dirne viel zu gut.

Должно быть у Высочества.

ФРОШ *поет*:

Вверх взлети, мой соловей,
Привет стократный любочке моей.

ЗИБЕЛЬ:

Приветов ей не шли! Знать не хочу об этом!

ФРОШ:

Ты мне не запретишь! Ей поцелуй с приветом!

Поет.

Прочь запор! В ночи уж ждут.

Прочь запор! Любимый тут.

Вновь запор! Утра заря.

ЗИБЕЛЬ:

Пой, пой, хвали и прославляй ее лишь зря!

Я посмеюсь к своему часу.

Меня уж провела, тебе нет тоже счастья.

Любовник ей пусть будет домовой!

Чтоб флиртовал, идя страстной путь, с нею.

Коль с Блокберга козел придет домой,

В галоп ей может доброй ночи блять!

Кровь с молоком мужчина был бы здесь ,

Гулящей сей большая честь.

Ich will von keinem Gruße wissen,
Als ihr die Fenster eingeschmissen

BRANDER *auf den Tisch schlagend:*

Paßt auf! paßt auf! Gehorchet mir!
Ihr Herrn, gesteht, ich weiß zu leben.
Verliebte Leute sitzen hier,
Und diesen muß, nach Standsgebühr,
Zur guten Nacht ich was zum besten geben.
Gebt acht! Ein Lied vom neusten Schnitt!
Und singt den Rundreim kräftig mit!

Er singt.

**Es war eine Ratt im Kellernest,
Lebte nur von Fett und Butter,
Hatte sich ein Ränzlein angemäst't,**
Als wie der Doktor Luther.
Die Köchin hatt ihr Gift gestellt;
Da ward's so eng ihr in der Welt,
Als hätte sie **Lieb im Leibe.**

CHORUS *jauchzend:*

Als hätte sie **Lieb im Leibe.**

BRANDER:

Sie fuhr herum, sie fuhr heraus,
Und soff aus allen Pfützen,

Приветов не хочу ей слышать,
Я ей бы окна лучше вышиб!

БРАНДЕР, *ударяя по столу*:
Вниманье! Слушайте сюда!
Согласны вы, что жизнь я знаю.
Здесь есть влюбленная среда,
Влюбленным этим я тогда,
К хорошей ночи что-то предлагаю.
Вниманье песенке одной!
И пойте вы припев со мной!
Он поет.

**В доме крыса раз была-жила,
Жир и масло ела люто,
Брюшко так она тут нажрала,
Ну прям как доктор Лютер^{xxi}.
Кухарка ей поклала яд.
Ей тесно стало, говорят,
Ну как от любви в брюхе.**

РЕФРЕН *ликующе*:
Ну как от любви в брюхе.

БРАНДЕР:
Бежит она, бежит кругом
И пьет из каждой лужи.

Zernagt‘, zerkratzt, das ganze Haus,
Wollte nichts ihr Wüten nützen;
Sie tät gar manchen Ängstesprung,
Bald hatte **das arme Tier genung,**
Als hätt es Lieb im Leibe.

CHORUS:

Als hätt es Lieb im Leibe.

BRANDER:

Sie kam vor Angst am hellen Tag
Der Küche zugelaufen,
Fiel an den Herd und zuckt, und lag,
Und tät erbärmlich schnaufen.
Da lachte die Vergifterin **noch:**
Ha! sie pfeift auf dem letzten Loch,
Als hätte sie **Lieb im Leibe.**

CHORUS:

Als hätte sie **Lieb im Leibe.**

SIEBEL:

Wie sich die platten Bursche freuen!
Es ist mir eine rechte Kunst,
Den armen Ratten Gift zu streuen!

Изгрызла весь почти их дом,
Толку нет и ей все хуже.
Скакая вдоль и поперек,
Устал совсем **бедный наш зверек,**
Как от любви в брюхе.

РЕФРЕН:

Как от любви в брюхе.

БРАНДЕР:

Она со страха белым днем
На кухню забежала,
Упала у печи с огнем
И лапки вверх задрала.
Кухарка же смеется **вослух:**
Ха! Задрала ты лапки, вдруг,
Ну как от **любви в брюхе.**

РЕФРЕН:

Ну как от **любви в брюхе.**

ЗИБЕЛЬ:

Ах, как легко тупиц веселье!
Искусством не назвал бы я,
Беднягам крысам яд рассеять!

BRANDER:

Sie stehn wohl sehr in deiner Gunst?

ALTMAYER:

Der Schmerbauch mit der kahlen Platte!

Das Unglück macht ihn zahm und mild;

Er sieht in der geschwollnen Ratte

Sein ganz natürlich Ebenbild

Faust und Mephistopheles treten auf.

MEPHISTOPHELES:

Ich muß dich nun vor allen Dingen

In lustige Gesellschaft bringen,

Damit du siehst, wie leicht sich's leben läßt.

Dem Volke hier wird jeder Tag ein Fest.

Mit wenig Witz und viel Behagen

Dreht jeder sich im engen Zirkeltanz,

Wie junge Katzen mit dem Schwanz.

Wenn sie nicht über Kopfweh klagen,

So lang der Wirt nur weiter borgt,

Sind sie vergnügt und unbesorgt.

BRANDER:

Die kommen eben von der Reise,

Man sieht's an ihrer wunderlichen Weise;

БРАНДЕР:

В почете крысы у тебя?

АЛЬТМАЙЕР:

Толстяк пузатый, череп лысый!

Несчастьем крысы удручен

И видит в жирной, дохлой крысе

Свое лишь отраженье он.

Входят Фауст и Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Тебя я должен первым делом

Ввести в сей круг веселья спелый,

Чтоб увидал, легка как жизни сень.

Народу здесь ведь праздник каждый день.

Без шуток, но с большим весельем

Вращается кругами в танце всяк,

Котята за хвостами как.

Коль не болит башка с похмелья,

Пока кабатчик поит в долг,

Идет им беззаботность в толк.

БРАНДЕР:

Пришли, похоже, те со странствий,

Коль посмотреть на вид их странный.

Sie sind nicht eine Stunde hier.

FROSCH:

Wahrhaftig, du hast recht! Mein Leipzig lob ich mir!
Es ist ein klein Paris, und bildet seine Leute.

SIEBEL:

Für was siehst du die Fremden an?

FROSCH:

Laß mich nur gehn! Bei einem vollen Glase
Zieh ich, wie einen Kinderzahn,
Den Burschen leicht die Würmer aus der Nase.
Sie scheinen mir aus einem edlen Haus,
Sie sehen stolz und unzufrieden aus.

BRANDER:

Marktschreier sind's gewiß, ich wette!

ALTMAYER:

Vielleicht.

FROSCH: Gib acht, ich schraube sie!

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Den Teufel spürt das Völkchen nie,
Und wenn er sie beim Kragen hätte.

И часу нет как они здесь.

ФРОШ:

Так точно, прав ты! Лейпциг я хвалю мой весь!

Париж он малый есть и учит своих граждан.

ЗИБЕЛЬ:

Ты держишь за кого чужих?

ФРОШ:

Пусти меня! При полном я стакане,

Как детский зуб, изъям из них

Всю правду с легкостью и без обмана.

Кажись, из благородной те среды,

Уж очень недовольны и горды.

БРАНДЕР:

То зазывалы, я поспорю!

АЛЬТМАЙЕР:

Быть может.

ФРОШ: Я буравлю их!

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту*:

И черт народцу тут не лих,

Хоть он держал его б за ворот.

ALTMAYER *leise*:

Da hast du's! der versteht's!

SIEBEL: Ein pfiffiger Patron!

FROSCH:

Nun, warte nur, ich krieg ihn schon!

MEPHISTOPHELES:

Wenn ich nicht irrte, hörten wir
Geübte Stimmen Chorus singen?
Gewiß, Gesang muß trefflich hier
Von dieser Wölbung widerklingen!

FROSCH:

Seid Ihr wohrgar ein Virtuos?

MEPHISTOPHELES:

O nein! die Kraft ist schwach, allein die Lust ist groß.

ALTMAYER:

Gebt uns ein Lied!

MEPHISTOPHELES: Wenn ihr begehrt, die Menge.

SIEBEL:

Nur auch ein nagelneues Stück!

АЛЬТМАЙЕР *тихо*:

Что съел? Он понимает толк!

ЗИБЕЛЬ: Хитер патрон!

ФРОШ:

Погодь, я дам ему резон!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мы слышали, коль слух не врет,

Искуснных голосов здесь пенье?

Наверняка, кто здесь орет,

От сводов слышит отраженье!

ФРОШ:

Ты может даже виртуоз?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О нет! Желанья много, силы же до слез.

АЛЬТМАЙЕР:

Ну спой нам песню!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Коль угодно, кучу.

ЗИБЕЛЬ:

Я новой песне был бы рад!

MEPHISTOPHELES:

Wir kommen erst aus Spanien zurück,
Dem schönen Land des Weins und der Gesänge.

Singt.

Es war einmal ein König,

Der hatt einen großen Floh-

FROSCH:

Horcht! Einen Floh! Habt ihr das wohl gefaßt?

Ein Floh ist mir ein saubrer Gast.

MEPHISTOPHELES *singt:*

Es war einmal ein König

Der hatt einen großen Floh,

Den liebt, er gar nicht wenig,

Als wie seinen eignen Sohn.

Da rief er seinen Schneider,

Der Schneider kam heran:

Da, miß dem Junker Kleider

Und miß ihm Hosen an!

BRANDER:

Vergeßt nur nicht, dem Schneider einzuschärfen,

Daß er mir aufs genauste mißt,

Und daß, so lieb sein Kopf ihm ist,

Die Hosen keine Falten werfen!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мы только что с Испании назад,
Страны вина и голосов певучих.

Поет.

Жил-был король однажды
Он имел блоху большу –

ФРОШ:

Блоха! Такое слышать вам пришлось?
По мне, блоха так лучший гость.

МЕФИСТОФЕЛЬ *поет:*

Жил-был король однажды
Он имел блоху большу.

Любил ее он жадно,

Ну как дочку старый шут.

Позвал он раз портного,
Портной к нему стремится:
«Размер костюма нова
Для юнкерши сними!»

БРАНДЕР:

Но не забудь вдолбить портному только,
Размер что точный должен быть,
И, хочет коль башку носить,
Не должно складок быть нисколько!

MEPHISTOPHELES:

In Sammet und in Seide

War er nun angetan

Hatte Bänder auf dem Kleide,

Hatt auch ein Kreuz daran

Und war sogleich Minister,

Und hatt einen großen Stern.

Da wurden seine **Geschwister**

Bei Hof auch große Herrn.

Und Herrn und Fraun am Hofe,

Die waren sehr geplagt,

Die Königin **und die Zofe**

Gestochen und genagt,

Und durften sie nicht knicken,

Und weg sie jucken nicht.

Wir knicken und ersticken

Doch gleich, wenn einer sticht.

CHORUS *jauchzend:*

Wir knicken und ersticken

Doch gleich, wenn einer sticht.

FROSCH:

Bravo! Bravo! Das war schön!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Она теперь вся в бархат

Одета и в шелка,

В ленточках она епарха

И в орденах слегка.

Тут стала враз министром

Со звездой большой в дыре.

Ее все братья и сестры

В почете при дворе.

Все дамы, кавалеры

От них в большой беде,

Служанки и королева

Покусаны везде.

Нельзя им уклоняться,

Чесанием изгнать.

Все ж будет кто кусаться,

Придушим, так и знай.

РЕФРЕН *ликующе*:

Все ж будет кто кусаться,

Придушим, так и знай.

ФРОШ:

Браво! Браво! Весело!

SIEBEL:

So soll es jedem Floh ergehn!

BRANDER:

Spitzt die Finger und packt sie fein!

ALTMAYER:

Es lebe **die Freiheit!** Es lebe **der Wein!**

MEPHISTOPHELES:

Ich tränke gern ein Glas, die Freiheit hoch zu ehren,
Wenn eure Weine nur ein bißchen besser wären.

SIEBEL:

Wir mögen das nicht wieder hören!

MEPHISTOPHELES:

Ich fürchte nur, der Wirt beschweret sich;
Sonst gäb ich diesen werten Gästen
Aus unserm Keller was zum besten.

SIEBEL:

Nur immer her! ich nehm's auf mich.

FROSCH:

Schafft Ihr ein gutes Glas, so wollen wir Euch loben.

ЗИБЕЛЬ:

Блохе одетой поделом!

БРАНДЕР:

Хвать ее и вон за окно!

АЛЬТМАЙЕР:

Так здравствуй **свобода!** Так здравствуй **вино!**

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я выпил бы стаканчик за свободу, право,
Коль вина ваши были б лучше, чем отравя.

ЗИБЕЛЬ:

Так о вине судить не вправе^{xxii}!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Боюсь я лишь, кабатчик обвинит.
А то б гостям почетным дал я
Вино из нашего подвала.

ЗИБЕЛЬ:

Давай сюды! Пусть мне влетит.

ФРОШ:

За доброе вино вы похвалы достойны.

Nur gebt nicht gar zu kleine Proben;
Denn wenn ich judizieren soll,
Verlang ich auch das Maul recht voll.

ALTMAYER *leise*:

Sie sind vom Rheine, wie ich spüre.

MEPHISTOPHELES:

Schafft einen Bohrer an!

BRANDER: Was soll mit dem geschehn?
Ihr habt doch nicht die Fässer vor der Türe?

ALTMAYER:

Dahinten hat der Wirt ein Körbchen Werkzeug stehn.

MEPHISTOPHELES *nimmt den Bohrer. Zu Frosch*:

Nun sagt, was wünschet Ihr zu schmecken?

FROSCH:

Wie meint Ihr das? Habt Ihr so mancherlei?

MEPHISTOPHELES:

Ich stell es einem jeden frei.

ALTMAYER *zu Frosch*:

Aha! du fängst schon an, die Lippen abzulecken.

Лишь пробы будут пусть пристойны.

Коль я уж должен оценить,

То глотку полну должен лить.

АЛЬТМАЙЕР *тихо*:

Я чувствую, они что с Рейна.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Бурав мне дайте!

БРАНДЕР Это что за аргумент?

Стоят под дверью бочки там с портвейном?

АЛЬТМАЙЕР:

Хозяин сзади там свой держит инструмент.

МЕФИСТОФЕЛЬ *берет боров. К Фрошу*:

Скажи ж, угодно что тебе откусать?

ФРОШ:

Чего? Что всякое в запасе есть?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Свое б мог каждый предпочесть.

АЛЬТМАЙЕР *к Фрошу*:

Ага! Тебе уже от жажды губы сушит.

FROSCH:

Gut! wenn ich wählen soll, so will ich Rheinwein haben.
Das Vaterland verleiht die allerbesten Gaben.

MEPHISTOPHELES *indem er an dem Platz,
wo Frosch sitzt, ein Loch in den Tischrand bohrt:*

Verschafft ein wenig Wachs, die Pfropfen gleich zu machen!

ALTMAYER:

Ach, das sind Taschenspietersachen.

MEPHISTOPHELES *zu Brander:*

Und Ihr?

BRANDER: Ich will Champagner Wein
Und recht moussierend soll er sein!

MEPHISTOPHELES *bohrt; einer hat indessen die
Wachspfropfen gemacht und verstopft.*

Man kann nicht stets das Fremde meiden,
Das Gute liegt uns oft so fern.

Ein echter deutscher Mann mag keinen Franzen leiden,
Doch ihre Weine trinkt er gern.

SIEBEL *indem sich Mephistopheles
seinem Platze nähert:*

ФРОШ:

Так! Выбирать коль я могу, так дай мне рейнско.
Коль уж отечество дает нам дар свой райский.

МЕФИСТОФЕЛЬ *в то время, как он буравит край
стола на месте, где сидит Фрош:*

Достаньте воску малость, чтобы делать пробки!

АЛЬТМАЙЕР:

Ах! Такова игра в коробке.

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Брандеру:*

А ты?

БРАНДЕР: А мне шампанского,
Игристым я люблю его!

МЕФИСТОФЕЛЬ *буравит. Один тем временем сделал
восковые пробки и затыкает:*

Чужое трудно все ж отложить,

Коль доброе лежит вдали.

Германец истый Францев ведь терпеть не может,

Но пьет охотно вина их.

ЗИБЕЛЬ *в то время, как Мефистофель приближается
к его месту:*

Ich muß gestehn, den sauern mag ich nicht,
Gebt mir ein Glas vom echten süßen!

MEPHISTOPHELES *bohrt:*

Euch soll sogleich Tokayer fließen.

ALTMAYER:

Nein, Herren, seht mir ins Gesicht!

Ich seh es ein, ihr habt uns nur zum besten.

MEPHISTOPHELES:

Ei! Ei! Mit solchen edlen Gästen

Wär es ein bißchen viel gewagt.

Geschwind! Nur grad heraus gesagt!

Mit welchem Weine kann ich dienen?

ALTMAYER:

Mit jedem! Nur nicht lang gefragt.

Nachdem die Löcher alle gebohrt und verstopft sind.

MEPHISTOPHELES *mit seltsamen Gebärden:*

Trauben trägt der Weinstock!

Hörner der Ziegenbock;

Der Wein ist saftig, Holz die Reben,

Der hölzerne **Tisch kann Wein auch geben.**

Признаюсь, кислое я не люблю,
Так дай мне сладкого уж лучше!

МЕФИСТОФЕЛЬ *буравит*:
Токайское сей час получишь.

АЛЬТМАЙЕР:
Нет, господа, его словлю!
Смотри, он издевается над нами.

МЕФИСТОФЕЛЬ:
Ай! Над такими господами
Опасно было б так шутить.
Быстрее! Не надо воду лить!
Скажи, что за вино вам надо?

АЛЬТМАЙЕР:
Дурной вопрос, мне б только пить.

После того, как все дырки пробуравлены и заткнуты.

МЕФИСТОФЕЛЬ *со странными жестами*:

Виноград даст лоза!

Носит рога коза.

Лоза есть древо, так что сможет

Стол деревянный **вино дать тоже.**

Ein tiefer Blick in die Natur!
Hier ist ein Wunder, glaubet nur!
Nun zieht die Pfropfen und genießt!

*ALLE indem sie die Pfropfen ziehen und jedem
der verlangte Wein ins Glas läuft:*
O schöner Brunnen, der uns fließt!

MEPHISTOPHELES:
Nur hütet euch, daß ihr mir nichts vergießt!

Sie trinken wiederholt.

ALLE singen:
Uns ist ganz kannibalisch wohl,
Als wie fünfhundert Säuen!

MEPHISTOPHELES:
Das Volk ist frei, seht an, wie wohl's ihm geht!

FAUST:
Ich hätte Lust, nun abzufahren.

MEPHISTOPHELES:
Gib nur erst acht, die Bestialität
Wird sich gar herrlich offenbaren.

В природу лишь глубокий взгляд!

Лишь верить, чудеса царят!

Тяните пробки и вперед!

*ВСЕ вытаскивают при этом пробки и каждому течет
в бокал заказанное вино:*

Родник чудесен, что нам бьет!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Лишь берегитесь, коли кто прольет!

Они пьют повторно.

ВСЕ поют:

Нам каннибально хорошо,

Как свиньям пятистам всем!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Народ свободен, что за радость им!

ФАУСТ:

Пойдем, достаточно куража.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Вниманье только, бестий свойство их

Себя во всей красе покажет.

SIEBEL *trinkt unvorsichtig, der Wein fließt auf die Erde
und wird zur Flamme:*

Helft! Feuer! helft! Die Hölle brennt!

MEPHISTOPHELES *die Flamme besprechend:*

Sei ruhig, freundlich Element!

Zu den Gesellen.

Für diesmal war es nur ein Tropfen Fegefeuer.

SIEBEL:

Was soll das sein? Wart! Ihr bezahlt es teuer!

Es scheint, daß Ihr uns nicht kennt.

FROSCH:

Laß Er uns das zum zweiten Male bleiben!

ALTMAYER:

Ich dächt, wir hießen ihn ganz sachte seitwärts gehn.

SIEBEL:

Was, Herr? Er will sich unterstehn,

Und hier sein Hokusfokus treiben?

MEPHISTOPHELES:

Still, altes Weinhaß!

ЗИБЕЛЬ *пьет неосторожно, вино течет на землю и превращается в пламя:*

На помощь! Ад жжет мочи нет!

МЕФИСТОФЕЛЬ, *заговаривая пламя:*

Спокойно, дружный элемент!

К гулякам.

На сей раз часть была чистилища одна вам.

ЗИБЕЛЬ:

Что за дела? Заплатишь ты сполна нам!

Узнаешь нас же сей момент.

ФРОШ:

Он нас уже второй раз облапошил!

АЛЬТМАЙЕР:

Я б думал, дать ему тихонечко удрать.

ЗИБЕЛЬ:

Что? Вновь ему возможность дать,

Свой фокус-покус здесь ерошить?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Цыц, винна бочка!

SIEBEL: Besenstiel!
Du willst uns gar noch grob begegnen?

BRANDER:
Wart nur, es sollen Schläge regnen!

ALTMAYER *zieht einen Pfropf aus dem Tisch,
es springt ihm Feuer entgegen:*

Ich brenne! **ich brenne!**

SIEBEL: **Zauberei!**
Stoßt zu! der Kerl ist vogelfrei!

*Sie ziehen die Messer und gehen
auf Mephistopheles los.*

MEPHISTOPHELES *mit ernsthafter Gebärde:*
Falsch Gebild und Wort
Verändern Sinn und Ort!
Seid hier und dort!

Sie stehn erstaunt und sehn einander an.

ALTMAYER:
Wo bin ich? Welches schöne Land!

ЗИБЕЛЬ: Черенок!
Еще и грубым будешь с нами?

БРАНДЕР:
Погодь, накажем кулаками!

АЛЬТМАЙЕР *вытаскивает пробку из стола, оттуда
ему навстречу бьет огонь:*
Горю я! **Горю я!**

ЗИБЕЛЬ: **Колдовство!**
Коли! Зарежем мы его!

*Они выхватывают ножи и бросаются на
Мефистофеля.*

МЕФИСТОФЕЛЬ *с серьезными жестами:*
Вид и слово – ложь
Сменит смысл места тож!
Будь там, здесь нож!

Они стоят удивленно и осматривают друг друга.

АЛЬТМАЙЕР:
О где я! Чудная страна!

ФРОШ:

Здесь виноградник!

ЗИБЕЛЬ: Виноград прям в руки нам!

БРАНДЕР:

Тут под зелеными листьями,

Что за лоза растет кустами!

Он хватается Зибеля за нос. Другие делают то же между собой и поднимают ножи.

МЕФИСТОФЕЛЬ *как выше:*

Обман, снимите повязку с глаз!

Смотрите, черт над нами шутит.

Он исчезает с Фаустом, гуляки отпускают друг друга.

ЗИБЕЛЬ:

Что тут?

АЛЬТМАЙЕР: Кто, как?

ФРОШ: Кто нос мой крутит?

БРАНДЕР *к Зибелю:*

А мой в твоей руке как раз!

ALTMAYER:

Es war ein Schlag, der ging durch alle Glieder!
Schafft einen Stuhl, ich sinke nieder!

FROSCH:

Nein, sagt mir nur, was ist geschehn?

SIEBEL:

Wo ist der Kerl? Wenn ich ihn spüre,
Er soll mir nicht lebendig gehn!

ALTMAYER:

Ich hab ihn selbst hinaus zur Kellertüre-
Auf einem Fasse reiten sehn –
Es liegt mir bleischwer in den Füßen.
Sich nach dem Tische wendend.
Mein! Sollte wohl der Wein noch fließen?

SIEBEL:

Betrug war alles, Lug und Schein.

FROSCH:

Mir deuchte doch, als tränk ich Wein.

BRANDER:

Aber wie war es mit den Trauben?

ALTMAYER:

Nun sag mir eins, man soll kein Wunder glauben!

АЛЬТМАЙЕР:

То был удар, как будто бы я брежу!

Я падаю, я весь в огне же!

ФРОШ:

Скажите, что я пережил?

ЗИБЕЛЬ:

Где ж он? Коль я его поймаю,

Он больше не уйдет мне жив!

АЛЬТМАЙЕР:

Он путь наружу, как я вспоминаю,

Скача на бочке проложил –

Готовы ноги подкоситься.

Поворачиваясь к столу.

Пора, быть может, похмелиться?

ЗИБЕЛЬ:

Он обманул нас все равно.

ФРОШ:

Мне все ж казалось, пью вино.

БРАНДЕР:

Что же то было с виноградом?

АЛЬТМАЙЕР:

Теперь скажи мне, нет что чуда рядом!

HEXENKÜCHE

Auf einem niedrigen Herd steht ein großer Kessel über dem Feuer. In dem Dampfe, der davon in die Höhe steigt, zeigen sich verschiedene Gestalten. Eine Meerkatze sitzt bei dem Kessel und schäumt ihn und sorgt, daß er nicht überläuft. Der Meerkater mit den Jungen sitzt daneben und wärmt sich. Wände und Decke sind mit dem seltsamsten Hexenhausrat geschmückt.

Faust. Mephistopheles.

FAUST:

Mir widersteht das tolle Zauberwesen!
Versprichst du mir, ich soll genesen,
In diesem Wust von Raserei?
Verlang ich Rat von einem alten Weibe?
Und schafft die Sudelköcherei
Wohl dreißig Jahre mir vom Leibe?
Weh mir, wenn du nichts Bessers weißt!
Schon ist die Hoffnung mir verschwunden.
Hat die Natur und hat ein edler Geist
Nicht irgendeinen Balsam ausgefunden?

MEPHISTOPHELES:

Mein Freund, nun sprichst du wieder klug!

КУХНЯ ВЕДЬМЫ

На низкой печи стоит на огне котел. В пару, который подымается вверх, показываются разные образы. Макака сидит у котла, снимает пену и следит, чтобы варево не сбежало. Макак^{xxiii} с детенышами сидит рядом и греется. Стены и потолок украшены самыми редкостными причиндалами ведьмы.

Фауст, Мефистофель.

ФАУСТ:

Мне это ваше колдовство противно!

Ты обещаешь мне наивно

Леченье в месиве бурлящем?

Прошу совет я бабки престарелой?

Удастся дряни сей кипящей

Снять тридцать лет с моего тела?

Ты лучшего не знаешь сам!

Надежды у меня потухли.

Какой-нибудь не сделали ль бальзам

Сама природа, благородный дух ли?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ты снова говоришь умно!

Dich zu verjüngen, gibt's auch ein natürlich Mittel;
Allein es steht in einem andern Buch,
Und ist ein wunderlich Kapitel.

FAUST:

Ich will es wissen.

MEPHISTOPHELES: Gut! Ein Mittel, ohne Geld

Und Arzt und Zauberei zu haben:

Begib dich gleich hinaus aufs Feld,

Fang an zu hacken und zu graben,

Erhalte dich und deinen Sinn

In einem ganz beschränkten Kreise,

Ernähre dich mit ungemischter Speise,

Leb mit dem Vieh als Vieh, und acht es nicht für Raub,

Den Acker, den du erntest, selbst zu düngen;

Das ist das beste Mittel, glaub,

Auf achtzig Jahr dich zu verjüngen!

FAUST:

Das bin ich nicht gewöhnt, ich kann mich nicht bequemen,

Den Spaten in die Hand zu nehmen.

Das enge Leben steht mir gar nicht an.

MEPHISTOPHELES:

So muß denn doch die Hexe dran.

Омолодить тебя есть от природы средство.

Однако в книге то другой дано,

Но это для тебя лишь бред все.

ФАУСТ:

Я знать хочу.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Добро! Без денег средство то

Дает тебе враз излечение:

Работа на поле простом,

Познай пахать, копать мученье,

Себя и ум свой ограничь

В одном наипростейшем круге,

Питайся скромно на досуге,

Живи, как скот, и не считай при том потерь,

Свою сам пашню удобряй к приплоду.

То средство лучшее, поверь,

Омолодиться от природы!

ФАУСТ:

К такому не привык я, даже за ту плату

Я в руки не возьму лопату.

Простая жизнь мне вовсе не к лицу.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Тогда лишь ведьма молодцу.

FAUST:

Warum denn just das alte Weib!

Kannst du den Trank nicht selber brauen?

MEPHISTOPHELES:

Das wär ein schöner Zeitvertreib!

Ich wollt indes wohl tausend Brücken bauen.

Nicht Kunst und Wissenschaft allein,

Geduld will bei dem Werke sein.

Ein stiller Geist ist jahrelang geschäftig,

Die Zeit nur macht die feine Gärung kräftig.

Und alles, was dazu gehört,

Es sind gar wunderbare Sachen!

Der Teufel hat sie's zwar gelehrt;

Allein der Teufel kann's nicht machen.

Die Tiere erblickend.

Sieh, welch ein zierliches Geschlecht!

Das ist die Magd! das ist der Knecht!

Zu den Tieren.

Es scheint, die Frau ist nicht zu Hause?

DIE TIERE:

Beim Schmause,

Aus dem Haus

Zum Schornstein hinaus!

ФАУСТ:

Зачем же к бабке-то ходить,
Сварить напиток сам не можешь?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мне то, как время лишь убить!
Меж тем мостов я б тыщу лучше сложил.
Искусство и наука здесь
Не все, терпенье делу честь.
Годами уж здесь тихий дух в движенье,
Лишь время сильным делает брожение.
Все что принадлежит в него,
То удивительные вещи!
Черт, впрямь, учитель есть сего,
Но к «делать сам» запрет есть вечный.
Узря зверей.
Смотри на нежных сих зверей!
Вон та служанка, вон лакей!
К зверям.
Видать все ж нету дома клуши?

ЗВЕРИ:

Покушав,
Она тут ж'
В трубу и наруж'!

MEPHISTOPHELES:

Wie lange pflegt sie wohl zu schwärmen?

DIE TIERE:

So lange wir uns **die Pfoten wärmen.**

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Wie findest du die zarten Tiere?

FAUST:

So abgeschmackt, als ich nur jemand sah!

MEPHISTOPHELES:

Nein, ein Discours wie dieser da

Ist grade der, den ich am liebsten führe!

zu den Tieren.

So sagt mir doch, verfluchte Puppen,

Was quirlt ihr in dem Brei herum?

DIE TIERE:

Wir kochen breite Bettelsuppen.

MEPHISTOPHELES:

Da habt ihr ein groß Publikum.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Как долги у нее полеты?

ЗВЕРИ:

Так долго, лапы **пока согреты.**

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту:*

Ну как тебе тактичны звери?

ФАУСТ:

Абсурдны так, как редко я видал!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Нет, диспуту, что он задал,

Как раз я лучше, чем другому верю!

К зверям.

Скажители все ж, прокляты куклы!

Что варите за купорос,

ЗВЕРИ:

Для нищих варим этот суп мы.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

У вас большой тут будет спрос.

DER KATER *macht sich herbei und
schmeichelt dem Mephistopheles:*

O würfle nur gleich,

Und mache mich reich,

Und laß mich gewinnen!

Gar schlecht ist's bestellt,

Und wär ich bei Geld,

So wär ich bei Sinnen.

MEPHISTOPHELES:

Wie glücklich würde sich der Affe schätzen,

Könnt er nur auch ins Lotto setzen!

*Indessen haben die jungen Meerkätzchen mit einer
großen Kugel gespielt und rollen sie hervor.*

DER KATER:

Das ist die Welt;

Sie steigt und fällt

Und rollt beständig;

Sie klingt wie Glas –

Wie bald bricht das!

Ist hohl inwendig.

Hier glänzt sie sehr,

Und hier noch mehr:

„Ich bin lebendig!“

МАКАК *подкрадывается и
подлизывается к Мефистофелю:*

О кости кинь счас,
Богат чтоб стал враз,
Дай выиграть мне чисто!
Каб деньги имел,
Мозг был бы мой спел,
И думал бы быстро.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Счастливым мог бы как себя представить
Макак, в лото коль мог бы ставить!

Во время этого молодые макаки играли с большим шаром и выкатили его наперед.

МАКАК:

Мир, как каприз,
То вверх, то вниз
Всегда катиться,
Звучит стеклом –
В нутре пустом,
Чтоб там разбиться!
Тут он блестит,
Кругом всем льстит.
«Я жив!» - хвалится.

Mein lieber Sohn,
Halt dich davon!
Du mußt sterben!
Sie ist von Ton,
Es gibt Scherben.

MEPHISTOPHELES:

Was soll das Sieb?

DER KATER *holt es herunter:*

Wärst du ein Dieb,

Wollt ich dich gleich erkennen.

Er läuft zur Kätzin und läßt sie durchsehen.

Sieh durch das Sieb!

Erkennst du den Dieb,

Und darfst ihn nicht nennen?

MEPHISTOPHELES *sich dem Feuer nähernd:*

Und dieser Topf?

KATER UND KÄTZIN:

Der alberne Tropf!

Er kennt nicht den Topf,

Er kennt nicht den Kessel!

Сын дорогой,
Будь же другой!
Смерть без толку!
Он с глины той,
Есть осколки.

МЕФИСТОФЕЛЬ:
Что сито то?

МАКАК *снимает его вниз:*
Был бы ты вор,
Тебя узнал я б скоро.
Он бежит к макаке и дает ей посмотреть через сито.
Зри в сито сквозь!
Ты видишь где вор,
Нельзя ль дать нам вора?

МЕФИСТОФЕЛЬ *приближаясь к огню:*
А тот горшок?

МАКАК И МАКАКА:
Дурной ты вершок!
Не знает горшок.
Котел неизвестен!

MEPHISTOPHELES:

Unhöfliches Tier!

DER KATER:

Den Wedel nimm hier,

Und setz dich in Sessel!

Er nötigt den Mephistopheles zu sitzen.

FAUST *welcher diese Zeit über vor einem Spiegel gestanden, sich ihm bald genähert, bald sich von ihm entfernt hat:*

Was seh ich? Welch ein himmlisch Bild

Zeigt sich in diesem Zauberspiegel!

O Liebe, leihe mir den schnellsten deiner Flügel,

Und führe mich in ihr Gefild!

Ach wenn ich nicht auf dieser Stelle bleibe,

Wenn ich es wage, nah zu gehn,

Kann ich sie nur als wie im Nebel sehn! –

Das schönste Bild von einem Weibe!

Ist's möglich, ist das Weib so schön?

Muß ich an diesem hingestreckten Leibe

Den Inbegriff von allen Himmeln sehn?

So etwas findet sich auf Erden?

MEPHISTOPHELES:

Natürlich, wenn ein Gott sich erst sechs Tage plagt,

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Нахальный ты зверь!

МАКАК:

Метлу ту теперь,

Возьми и сядь в кресло!

Он принуждает Мефистофеля сесть.

ФАУСТ, *который все это время смотрел в зеркало,
то приближаясь к нему, то отдаляясь:*

Что вижу я? Небесный вид

Пред мной в сем зеркале волшебном!

Любовь, твои мне быстрые крыла потребны,

Ее коснуться дай ланит!

Ах, коль я не стою на этом месте,

Чем ближе я пытаюсь к ней,

Её туман скрывает тем сильней! –

Прекрасный вид одной невесты!

Возможно ль так прекрасной быть?

Иль должен я в сем распростертом теле

Одно небес всех воплощенье зрить?

Бывает это на земле ли?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Конечно, если Бог так мучился шесть дней,

Und selbst am Ende Bravo sagt,
Da muß es was Gescheites werden.
Für diesmal sieh dich immer satt;
Ich weiß dir so ein Schätzchen auszuspiiren,
Und selig, wer das gute Schicksal hat,
Als Bräutigam sie heim zu führen!
*Faust sieht immerfort in den Spiegel. Mephistopheles,
sich in dem Sessel dehnend und mit dem Wedel spielend,
fährt fort zu sprechen.*
Hier sitz ich wie der König auf dem Throne,
Den Zepter halt ich hier, es fehlt nur noch die Krone.

*DIE TIERE welche bisher allerlei wunderliche
Bewegungen durcheinander gemacht haben, bringen dem
Mephistopheles eine Krone mit großem Geschrei:*

O sei doch so gut,

Mit Schweiß und mit Blut

Die Krone zu leimen!

*Sie gehn ungeschickt mit der Krone um und zerbrechen
sie in zwei Stücke, mit welchen sie herumspringen.*

Nun ist es geschehn!

Wir reden und sehn,

Wir hören und reimen –

FAUST gegen den Spiegel:

Weh mir! ich werde schier verrückt.

В конце ж сам восхитился ей,
То есть здесь путне в самом деле.
Сей раз ты вдоволь посмотри.
Любимую я б мог найти подобну.
Благословен, кому судьба дарит,
Ее назвать хозяйкой дома!

Фауст смотрит попрежнему в зеркало.

*Мефистофель, вытянувшись в кресле и играя помелом,
продолжает говорить.*

Сижу я здесь как сам король на троне,
Жезл даже есть и не хватает лишь короны.

*ЗВЕРИ, которые до этого делали всевозможные
чудные, беспорядочные движения, приносят
Мефистофелю с дикими воплями корону:*

Ну будь так хорош,

Пот, кровь, что ты хошь,

Корону склей снова!

*Они неуклюже обходятся с короной и разбивают ее на
две части, с которыми они прыгают кругом.*

Хотел что, то есть!

Мы зрим, ведем речь,

Рифмуем пословно —

ФАУСТ перед зеркалом:

О горе! Я схожу с ума.

MEPHISTOPHELES *auf die Tiere deutend:*

Nun fängt mir an fast selbst der Kopf zu schwanken.

DIE TIERE:

Und wenn es uns glückt,

Und wenn es sich schickt,

So sind es Gedanken!

FAUST *wie oben:*

Mein Busen fängt mir an zu brennen!

Entfernen wir uns nur geschwind!

MEPHISTOPHELES *in obiger Stellung:*

Nun, wenigstens muß man bekennen,

Daß es aufrichtige Poeten sind.

Der Kessel, welchen die Katzin bisher außer acht gelassen, fängt an überzulaufen, es entsteht eine große Flamme, welche zum Schornstein hinaus schlägt. Die Hexe kommt durch die Flamme mit entsetzlichem Geschrei herunter gefahren.

DIE HEXE:

Au! Au! Au! Au!

Verdammtes Tier! verfluchte Sau!

МЕФИСТОФЕЛЬ, *указывая на зверей:*

Эт' все мне самому уж сносит крышу.

ЗВЕРИ:

И если обман

Развеет туман,

То мысли мы слышим!

ФАУСТ, *как вверху:*

Моя душа почти пылает!

Пошли из кухни этой вон!

МЕФИСТОФЕЛЬ *в позе, как выше:*

Признать нам все же полагает,

У них есть быть поэтами резон. (!!!)

*Котел, который макака оставила перед тем
без присмотра, начинает кипеть через край,
возникает большое пламя, которое бьет в
трубу. Ведьма с ужасными воплями слетает сквозь
пламя вниз.*

ВЕДЬМА:

Ой-ё-ёй-йа!

Проклятый зверь! Что за свинья!

Versäumst den Kessel, **versengst die Frau!**

Verfluchtes Tier!

Faust und Mephistopheles erblickend.

Was ist das hier?

Wer seid ihr hier?

Was wollt ihr da?

Wer schlich sich ein?

Die Feuerpein

Euch ins Gebein!

Sie fährt mit dem Schaumlöffel in den Kessel und spritzt

Flammen nach Faust, Mephistopheles und den Tieren.

Die Tiere winseln.

MEPHISTOPHELES, *welcher den Wedel, den er*

in der Hand hält, umkehrt und unter die Gläser und

Töpfe schlägt:

Entzwei! entzwei!

Da liegt der Brei!

Da liegt das Glas!

Es ist nur Spaß,

Der Takt, du Aas,

Zu deiner Melodei.

Indem die Hexe voll Grimm und

Entsetzen zurücktritt.

Erkennst du mich? Gerippe! Scheusal du!

Котел проспал и спалил меня!

Чертовский зверь!

Увидев Фауста и Мефистофеля.

Здесь что теперь?

Здесь кто теперь?

Что хочет кто?

Кто влез сюда?

Боль и беда

Вам навсегда!

Она лезет ложкой для снятия пены в котел и брызгает пламенем на Фауста, Мефистофеля и зверей. Звери визжат.

МЕФИСТОФЕЛЬ, *который переворачивает помело, что у него в руке, и бьет им стаканы и горшки:*

Бей, разбивай!

Всем каши дай!

Стекло вот тут!

Так шутки прут,

Старуха-плут,

К твоей же мелодай.

В то время, как ведьма полная ярости и ужаса отступает назад.

Скелет! Уже не знаешь, изверг, ты,

Erkennst du deinen Herrn und Meister?
Was hält mich ab, so schlag ich zu,
Zerschmettre dich und deine Katzengeister!
Hast du vorm roten nicht mehr **Respekt**?
Kannst du die Hahnenfeder nicht erkennen?
Hab ich dies Angesicht versteckt?
Soll ich mich etwa selber nennen?

DIE HEXE:

O Herr, verzeiht den rohen Gruß!
Seh ich doch keinen Pferdefuß.
Wo sind denn Eure beiden Raben?

MEPHISTOPHELES:

Für diesmal kommst du so davon;
Denn freilich ist es eine Weile schon,
Daß wir uns nicht gesehen haben.
Auch die Kultur, die alle Welt beleckt,
Hat auf den Teufel sich erstreckt;
Das nordische Phantom ist nun nicht mehr zu schauen;
Wo siehst du Hörner, Schweif und Klauen?
Und was den Fuß betrifft, den ich nicht missen kann,
Der würde mir bei Leuten schaden;
Darum bedien ich mich, wie mancher junge Mann,
Seit vielen Jahren falscher Waden.

Кто господин тебе и мастер?
Меня узнаете, скоты,
Всех вас тут разнести в моей есть власти!
Плюешь уже на красный камзол?
Не узнаешь ты петушинных перьев?
Мой облик вам не очень зол?
Развеять должен я неверье?

ВЕДЬМА:

Прости мне грубый мой привет!
Но ведь копытьев тоже нет.
А где твои вороны обе?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

На этот раз сойдет тебе.
Давненько уж, признаюсь я себе,
Я не видал твою особу.
Культура, что весь белый лижет Свет,
Уже и чёрта достает.
Явленья северного больше не найдешь ты,
Где видишь ты рога, хвосты иль когти?
Мои копыта, что имею хошь не хошь,
Среди людей мне лишь помеха.
Так что я пользуюсь, как наша молодежь,
Иными икрами для смеха.

DIE HEXE, *tanzend*:

Sinn und Verstand verlier ich schier,
Seh ich den Junker Satan wieder hier!

MEPHISTOPHELES:

Den Namen, Weib, verbitt ich mir!

DIE HEXE:

Warum? Was hat er Euch getan?

MEPHISTOPHELES:

Er ist schon lang ins Fabelbuch geschrieben;
Allein die Menschen sind nichts besser dran,
Den Bösen sind sie los, die Bösen sind geblieben.
Du nennst mich Herr Baron, so ist die Sache gut;
Ich bin ein Kavalier, wie andre Kavalier.
Du zweifelst nicht an meinem edlen Blut;
Sieh her, das ist das Wappen, das ich führe!

Er macht eine unanständige Gebärde.

DIE HEXE *lacht unmäßig*:

Ha! Ha! Das ist in Eurer Art!

Ihr seid ein Schelm, wie Ihr nur immer wart!

ВЕДЬМА, *танцуя*:

Событья, что с ума свихнут,
Я вижу Сатану со мной вновь тут!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я зол, коль так меня зовут!

ВЕДЬМА:

Чего ж? То имя плохо чем?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Оно давно все книги пропитало,
Лишь люди в них, чем он, не лучше все,
Изгнали Злого хоть, но злые все остались.
Зови меня Барон и все в порядке вновь.
Я кавалер при том не хуже, чем другие.
Сомнений нет, я – голубая кровь.
Глянь, здесь мой герб и символы благие!

Он делает похабный жест.

ВЕДЬМА *смеется безмерно*:

Ха! Ха! Все тот же старый пыл!
Все та же шельма, кем всегда ты был!

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Mein Freund, das lerne wohl verstehn!

Dies ist die Art, mit Hexen umzugehn.

DIE HEXE:

Nun sagt, ihr Herren, was ihr schafft.

MEPHISTOPHELES:

Ein gutes Glas von dem bekannten Saft!

Doch muß ich Euch ums ältste bitten;

Die Jahre doppeln seine Kraft.

DIE HEXE:

Gar gern! Hier hab ich eine Flasche,

Aus der ich selbst zuweilen nasche,

Die auch nicht mehr im mindesten stinkt;

Ich will euch gern ein Gläschen geben.

Leise.

Doch wenn es dieser Mann unvorbereitet trinkt,

So kann er, wißt Ihr wohl, nicht eine Stunde leben.

MEPHISTOPHELES:

Es ist ein guter Freund, dem es gedeihen soll;

Ich gönne ihm gern das Beste deiner Küche.

Zieh deinen Kreis, sprich deine Sprüche,

Und gib ihm eine Tasse voll!

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту*:

Мой друг, урок тебе есть в том,
Как обходиться с ведьмами потом!

ВЕДЬМА:

Скажите ж, что вас принесло.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Нам нужен твой давно известный сок!
Старейшего прошу однако.
Ему дает же силу срок.

ВЕДЬМА:

Охотно! Вот одна бутылка,
Из коей я сама пью пылко.
И не воняет уж нисколько,
Налить могу вам стопку счас я.

Тихо.

Но только, выпьет он не подготовлен коль,
Как ты сам знаешь, то не проживет и часу.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Он добрый друг, ему пойти должно то впрок.
Ему твои все лучшее созданья.
Черти свой круг, пой заклинанья,
Пришел для чаши полной срок!

Die Hexe, mit seltsamen Gebärden, zieht einen Kreis und stellt wunderbare Sachen hinein; indessen fangen die Gläser an zu klingen, die Kessel zu tönen, und machen Musik. Zuletzt bringt sie ein großes Buch, stellt die Meerkatzen in den Kreis, die ihr zum Pult dienen und die Fackel halten müssen. Sie winkt Fausten, zu ihr zu treten.

FAUST *zu Mephistopheles:*

Nein, sage mir, was soll das werden?
Das tolle Zeug, die rasenden Gebärden,
Der abgeschmackteste Betrug,
Sind mir bekannt, verhaßt genug.

MEPHISTOPHELES:

Ei Possen! Das ist nur zum Lachen;
Sei nur nicht ein so strenger Mann!
Sie muß als Arzt ein Hokuspokus machen,
Damit der Saft dir wohl gedeihen kann.

Er nötigt Fausten, in den Kreis zu treten.

DIE HEXE *mit großer Emphase fängt an, aus dem Buche zu deklamieren:*

Du mußt verstehn!
Aus Eins mach Zehn,

Ведьма с редкостными жестами чертит круг и ставит в него удивительные предметы. В это время стаканы начинают звенеть, котел звучать, возникает музыка. Сначала она приносит большую книгу, ставит макак в круг, они должны служить ей пюпитром и держать факела. Она машет Фаусту, чтобы он подошел к ней.

ФАУСТ *к Мефистофелю:*

Скажи, к чему все это место?

Весь реквизит и сумасбродны жесты,

Обман пошлейший мне знаком

И ненавидим мной при том.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Прodelки только! Все для смеха,

Не будь же с нею ты так строг!

Она как врач должна убрать помеху,

Чтоб мог ты с пользой полной выпить сок.

Он заставляет Фауста вступить в круг

ВЕДЬМА *начинает с большим возбуждением*

декламировать из книги:

Один пойми!

Десять возьми,

Und Zwei laß gehn,
Und Drei mach gleich,
So bist du reich.
Verlier die Vier!
Aus Fünf und Sechs,
So sagt die Hex,
Mach Sieben und Acht,
So ist's vollbracht:
Und Neun ist Eins,
Und Zehn ist keins.
Das ist das Hexen-Einmaleins!

FAUST:

Mich dünkt, die Alte spricht im Fieber.

MEPHISTOPHELES:

Das ist noch lange nicht vorüber,
Ich kenn es wohl, so klingt das ganze Buch;
Ich habe manche Zeit damit verloren,
Denn ein vollkommner Widerspruch
Bleibt gleich geheimnisvoll für Kluge wie für Toren.
Mein Freund, die Kunst ist alt und neu.
Es war die Art zu allen Zeiten,
Durch Drei und Eins, und Eins und Drei
Irrtum statt Wahrheit zu verbreiten.
So schwätzt und lehrt man ungestört;

А два снимми,
Три уравниал,
Богатым стал.
Четыре прочь!
Из пяти шесть,
Так ведьме честь,
Взять восемь и семь,
Готов совсем:
И девять – раз,
И десять счас.
Единыждыедин для нас!

ФАУСТ:

Старуха бредит, мне сдается.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

К концу все вместе тут сойдется,
Я знаю, так звучит что книга вся.
Потратил сам на то иных лет шумных,
Ведь чудо, без сомнения,
Таинственно как для дурных, так и для умных.
Искусство ново и старо.
Всегда так было и так будет,
Чрез триединость так остро
Ложь вместо правды словоблудить.
Болтать так легче и учить.

Wer will sich mit den Narrn befassen?
Gewöhnlich glaubt der Mensch, wenn er nur Worte hört,
Es müsse sich dabei doch auch was denken lassen.

DIE HEXE fährt fort:

Die hohe Kraft
Der Wissenschaft,
Der ganzen Welt verborgen!
Und wer nicht denkt,
Dem wird sie geschenkt,
Er hat sie ohne Sorgen.

FAUST:

Was sagt sie uns für Unsinn vor?
Es wird mir gleich der Kopf zerbrechen.
Mich dünkt, ich hör ein ganzes Chor
Von hunderttausend Narren sprechen.

MEPHISTOPHELES:

Genug, genug, o treffliche Sibylle!
Gib deinen Trank herbei, und fülle
Die Schale rasch bis an den Rand hinan;
Denn meinem Freund wird dieser Trunk nicht schaden:
Er ist ein Mann von vielen Graden,
Der manchen guten Schluck getan.

Кто ж хочет путаться с шутами?
Ведь верит всяк, как только слово зазвучит,
Хотя при этом думаться должно б местами.

ВЕДЬМА *продолжает:*

Мощь силы сей
Науки всей
Закрыта миру в целом!
Без мозга кто,
В дар получит то,
Чтоб без забот владел он.

ФАУСТ:

Что же за чушь она несет?
Уж голова опухнет скоро.
Как будто кто-то здесь поет
Шутов тыщеголосым хором.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Довольно уж, отменная Сибилла^{xxiv}!
Сюда дай твой напиток сильный
Ну ж быстро лей, бокал чтоб полным стал,
Не в вред напиток другу, лишь в подмогу.
Кто степеней имеет много,
Частенько тот уже глотал.

Die Hexe, mit vielen Zeremonien, schenkt den Trank in eine Schale, wie sie Faust an den Mund bringt, entsteht eine leichte Flamme.

Nur frisch hinunter! Immer zu!

Es wird dir gleich das Herz erfreuen.

Bist mit dem Teufel du und du,

Und willst dich vor der Flamme scheuen?

Die Hexe löst den Kreis. Faust tritt heraus.

Nun frisch hinaus! Du darfst nicht ruhn.

DIE HEXE:

Mög Euch das Schlückchen wohl behagen!

MEPHISTOPHELES *zur Hexe:*

Und kann ich dir was zu Gefallen tun,

So darfst du mir's nur auf Walpurgis sagen.

DIE HEXE:

Hier ist ein Lied! wenn Ihr's zuweilen singt,

So werdet Ihr besondere Wirkung spüren.

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Komm nur geschwind und laß dich führen;

Du mußt notwendig transpirieren,

Damit die Kraft durch Inn- und Äußres dringt.

Den edlen Müßiggang lehr ich hernach dich schätzen,

Ведьма со многими церемониями наливает напиток в чашу, как только она подносит ее ко рту Фауста, возникает легкое пламя.

Ну ж опрокинь, пока свеж пей!

Ты сердце тотчас им согреешь.

Стань с чертом ты на ты скорей,

Зачем пред пламенем робеешь?

Ведьма стирает круг. Фауст выступает наружу.

Теперь в дорогу! Прочь покой.

ВЕДЬМА:

Глоток пусть даст вам много ражу!

МЕФИСТОФЕЛЬ *ведьме*:

Услугой коль смогу помочь какой,

Так то ты в Вальпургийву ночь мне скажешь.

ВЕДЬМА:

Вот песнь! Коль будете ее вы петь,

Почуете особое влиянье.

МЕФИСТОФЕЛЬ *Фаусту*:

Пойдем скорее на свиданье.

Потеть ты должен в ожиданье,

Чтоб силой и внутри, и вне гореть.

Ценить благое будешь времяпровожденье,

Und bald empfindest du mit innigem Ergetzen,
Wie sich Cupido regt und hin und wider springt.

FAUST:

Laß mich nur schnell noch in den Spiegel schauen!
Das Frauenbild war gar zu schön!

MEPHISTOPHELES:

Nein! Nein! Du sollst das Muster aller Frauen
Nun bald leibhaftig vor dir sehn.

Leise.

Du siehst, mit diesem Trank im Leibe,
Bald Helenen in jedem Weibe.

Уж скоро сможешь ты с интимным наслажденье,
Восторг и возбужденье Купидона зреть.

ФАУСТ:

Дай в зеркало еще раз взгляд хоть бросить!
Лик лучше там мечты любой!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Нет! Девушек живых ты должен просто
Увидеть вскоре пред собой.

Тихо.

Тебе с таким напитком в теле
Венерами все бабы в деле.

STRAßE

Faust. Margarete vorübergehend.

FAUST:

Mein schönes Fräulein, darf ich wagen,
Meinen Arm und Geleit Ihr anzutragen?

MARGARETE:

Bin weder Fräulein, weder schön,
Kann ungeleitet **nach Hause gehn.**

Sie macht sich los und ab.

FAUST:

Beim Himmel, dieses Kind ist schön!
So etwas hab ich nie gesehn.
Sie ist so sitt- und tugendreich,
Und etwas schnippisch doch zugleich.
Der Lippe Rot, der Wange Licht,
Die Tage der Welt vergeß ich's nicht!
Wie sie die Augen niederschlägt,
Hat tief sich in mein Herz geprägt;
Wie sie kurz angebunden war,
Das ist nun zum Entzücken gar!

УЛИЦА

Фауст. Проходящая мимо Маргарета.

ФАУСТ:

Прекрасна дева, как виденье,

Руку дать Вам в сопровожденье?

МАРГАРИТА:

Нет ни прекрасных здесь, ни дев,

Одна домой хожу **каждый день**.

Она высвобождается и уходит.

ФАУСТ:

О Бог! Прекрасное дитя!

Такой еще не видел я.

Порядочна, прилична как,

И в то же время как дерзка.

Губ алость и румянец щек,

Я не забуду ее вовек!

А как потуплены глаза,

Ворвалась в сердце, как гроза.

Так лаконична и пряма ,

Ну просто благодать сама!

Mephistopheles tritt auf.

FAUST:

Hör, du mußt mir die Dirne schaffen!

MEPHISTOPHELES:

Nun, welche?

FAUST: Sie ging just vorbei.

MEPHISTOPHELES:

Da die? Sie kam von ihrem Pfaffen,
Der sprach sie aller Sünden frei;
Ich schlich mich hart am Stuhl vorbei,
Es ist ein gar unschuldig Ding,
Das eben **für nichts zur Beichte ging;**
Über die hab ich keine **Gewalt!**

FAUST:

Ist über vierzehn Jahr doch alt.

MEPHISTOPHELES:

Du sprichst ja wie Hans Liederlich,
Der begehrt jede liebe Blum für sich,
Und dünkelt ihm, es wär kein Ehr
Und Gunst, die nicht zu pflücken wär;
Geht aber doch nicht immer an.

Появляется Мефистофель.

ФАУСТ:

Мне дать ты должен ту девицу!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Какую?

ФАУСТ: Мимо пропустил.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Вон та? Из церкви, как мне мнится,

Поп все грехи ей отпустил.

Как раз я мимо проходил,

Она невинна, как агнец,

Святой девы у нее венец,

У меня над нею власти нет!

ФАУСТ:

Ей больше ж, чем тринадцать лет.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ты ж баишь, как Фривольный Ганс,

Кто впадал от каждой в любовный транс,

Он мнит, то было бы не честь

Фрукт не сорвать и тут же съесть.

Но не всегда он рвет их сам.

FAUST:

Mein Herr Magister Lobesan,

Laß Er mich mit dem Gesetz in Frieden!

Und das sag ich Ihm kurz und gut:

Wenn nicht das süße junge Blut

Heut Nacht in meinen Armen ruht,

So sind wir um **Mitternacht geschieden.**

MEPHISTOPHELES:

Bedenkt, was gehn und stehen mag!

Ich brauche wenigstens **vierzehn Tag,**

Nur die Gelegenheit **auszuspüren.**

FAUST:

Hätt ich nur sieben Stunden Ruh,

Brauchte den Teufel nicht dazu,

So ein Geschöpfchen zu verführen.

MEPHISTOPHELES:

Ihr sprecht schon fast wie ein Franzos;

Doch bitt ich, laßt's Euch nicht verdrießen:

Was hilft's, nur grade zu genießen?

Die Freud ist lange nicht so groß,

Als wenn Ihr erst herauf, herum,

Durch allerlei Brimborium,

Das Püppchen **geknetet** und zugericht't,

ФАУСТ:

Мой господин Магистр Лобсам,
С правом Он оставь меня в покое!
Скажу Ему я ясно вновь:
Коль эта юнна, сладка кровь
В ночь эту мне не даст любовь,
То тут же наш договор расстроен.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Подумай, сколько тут чего!
Недели две **надо ж для того,**
Чтоб случаю **дать лишь освещенье.**

ФАУСТ:

Имел я б семь часов покой,
Зачем мне был бы черт такой
Для той девчонки совращенья.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ты говоришь уж, как француз.
Прошу, не дай себя расстроить.
Что толку сразу все освоить?
У радости не тот же вкус,
Как коль ты б окло да вокруг,
С порока средствами, мой друг,
Настроил ту **куколку,** приручил,

Wie's lehret manche welsche **Geschicht**.

FAUST:

Hab Appetit auch ohne das.

MEPHISTOPHELES:

Jetzt ohne Schimpf und ohne Spaß:

Ich sag Euch, mit dem schönen Kind

Geht's ein für allemal nicht **geschwind**.

Mit Sturm ist da nichts einzunehmen;

Wir müssen uns zur List bequemen.

FAUST:

Schaff mir etwas vom Engelsschatz!

Führ mich an ihren Ruheplatz!

Schaff mir ein Halstuch **von ihrer Brust**,

Ein Strumpfband meiner Liebeslust!

MEPHISTOPHELES:

Damit Ihr seht, daß ich **Eurer Pein**

Will förderlich und dienstlich sein,

Wollen wir keinen Augenblick verlieren,

Will Euch noch heut in ihr **Zimmer führen**.

FAUST:

Und soll sie sehn? sie haben?

Урок как римский нас **научил**.

ФАУСТ:

Мой аппетит и так готов.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Скажу тебе без дураков:

С дитем, хоть даже и на спор,

Не можешь быть ты **никогда скор**.

Взять крепость в штурм здесь невозможно,

Тут к хитрости прибегнуть должно.

ФАУСТ:

Дай мне что-то от милой той!

Введи меня в ее покой!

Дай мне с груди у **неё платок**,

Подвязку хоть иль сам чулок!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Чтоб видел, что твоей **боли я**

Служить готов все более,

Мы ни мига теперь терять не смеем,

Сведу сегодня ж **тебя я с нею**.

ФАУСТ:

Смогу ее я видеть?

MEPHISTOPHELES: Nein!

Sie wird bei einer Nachbarin **sein**.

Indessen könnt Ihr ganz allein

FAUST:

Können wir hin?

MEPHISTOPHELES: Es ist noch **zu früh**.

FAUST:

Sorg du mir für ein **Geschenk für sie!**

Ab.

MEPHISTOPHELES:

Gleich schenken? Das ist brav! Da wird er reüssieren!

Ich kenne manchen schönen Platz

Und manchen altvergrabnen Schatz;

Ich muß ein bißchen revidieren.

Ab.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Нет!

Она к соседке **как раз пойдет.**

Ты ж в это время тет-а-тет

С ее там духом и вещами

Упитья сможешь мечт страстями.

ФАУСТ:

Можем идти?

МЕФИСТОФЕЛЬ: Да, но чуть **позже**.

ФАУСТ:

Добудешь ты **мне подарок ей!**

Уходит.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Подарки враз? Исход победный обеспечен!

Я знаю чудный адресат,

Где был зарыт когда-то клад.

Проверю там еще до встречи.

Уходит.

ABEND

Ein kleines reinliches Zimmer

MARGARETTE *ihre Zöpfe flechtend und aufbindend:*

Ich gäb was drum, wenn ich nur wüßt,
Wer heut der Herr gewesen ist!
Er sah gewiß recht wacker aus
Und ist aus einem edlen Haus;
Das konnt ich ihm an **der Stirne lesen** -
Er wär auch sonst nicht **so keck gewesen**.
Ab.

Mefistofeles, Faust.

MEPHISTOPHELES:

Herein, ganz leise, nur herein!

FAUST *nach einigem Stillschweigen:*

Ich bitte dich, laß mich allein!

MEPHISTOPHELES *herumspürend:*

Nicht jedes Mädchen hält so rein.

Ab.

ВЕЧЕР

Маленькая, чисто прибранная комната

МАРГАРИТА, заплетая и связывающая ее косы:

Все отдала бы, чтобы знать,
Ктой-то хотел ко мне пристать!
Он смел и славной красоты,
К тому же, он не из простых.
То по лицу же видеть **могла я** –
Иначе ж так со мной не **наглел бы**.
Уходит.

Мефистофель, Фауст.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Входи, но тихим быть изволь!

ФАУСТ *после некоторого молчания:*

Мне одному побыть позволь!

МЕФИСТОФЕЛЬ, *осматривающийся вокруг:*

Не всяка аккуратна столь.

Уходит.

FAUST *rings aufschauend:*

Willkommen, süßer Dämmerchein,
Der du dies Heiligtum durchwebst!
Ergreif mein Herz, du süße Liebespein,
Die du vom Tau der Hoffnung schmachtend lebst!
Wie atmet rings Gefühl der Stille,
Der Ordnung, der Zufriedenheit!

In dieser Armut welche Fülle!

In diesem Kerker welche Seligkeit!

Er wirft sich auf den ledernen Sessel am Bette.

O nimm mich auf, der du die Vorwelt schon
Bei Freud und Schmerz im offenen Arm empfangen!

Wie oft, ach! hat an diesem Väterthron

Schon eine Schar von Kindern rings gehangen!

Vielleicht hat, dankbar für den heil'gen Christ

Mein Liebchen hier, mit vollen Kinderwangen,

Dem Ahnherrn fromm die welke Hand geküßt.

Ich fühl o Mädchen, deinen Geist

Der Füll und Ordnung um mich säuseln,

Der mütterlich dich täglich unterweist

Den Teppich auf den Tisch dich reinlich breiten heiß,

Sogar den Sand zu deinen Füßen kräuseln.

O liebe Hand! so göttergleich!

Die Hütte wird durch dich ein Himmelreich.

Und hier!

Er hebt einen Bettvorhang auf.

ФАУСТ, *осматриваясь кругом:*
Вечерний сумрак этот что ль,
Здесь все так делает святым!
Сожми мне сердце ты, любви боль,
Чтоб грустной я надеждой был томим!
Как дышит все кругом покоем,
Порядком и довольством в тьме!
Здесь бедность дышит полнотою!
Блаженства сколько в девичьей тюрьме!
Он бросается в кожаное кресло у кровати.
Прими меня, как предков ты уже
В беде и в радости в себе объяло!
Как на тебе, отцовский трон блажен,
Резвились зачастую дети малы!
Как здесь, благодаря за Рождество,
Любимая вновь предка обнимаала,
Ему целуя руку за родство.
Я чую дух меня вкруг твой
Достатком и порядком веет,
Тебе что день за днем, как мать порой,
Велит: «Скатеркой чистою свой стол покрой»,
К ногам твоим песок кружа, он млеет.
Богopodobная рука!
Ты в рай лачугу даже облекла.
А здесь!
Он подымает занавесь кровати.

Was faßt mich für ein Wonnegraus!
Hier möcht ich volle Stunden säumen.
Natur, hier bildetest in leichten Träumen
Den eingebornen Engel aus!
Hier lag das Kind! mit warmem Leben
Den zarten Busen angefüllt,
Und hier mit heilig reinem Weben
Entwirkte sich das Götterbild!
Und du! Was hat dich hergeführt?
Wie innig fühl ich mich gerührt!
Was willst du hier? Was wird das Herz dir schwer?
Armsel'ger Faust! ich kenne dich nicht mehr.
Umgibt mich hier ein Zauberduft?
Mich drang's, so grade zu genießen,
Und fühle mich in Liebestraum zerfließen!
Sind wir ein Spiel von jedem Druck der Luft?
Und träte sie den Augenblick herein,
Wie würdest du für deinen Frevel büßen!
Der große Hans, ach wie so klein!
Läg, hingeschmolzen, ihr zu Füßen.

MEPHISTOPHELES *kommt*:

Geschwind! ich seh sie unten kommen.

FAUST:

Fort! Fort! Ich kehre nimmermehr!

Что за томленья чувство, вдруг!
Здесь коротал бы я мгновенья.
Природа, ангельское ты творенье
Здесь создала, любимый дух!
Дитя здесь был! Душою нежной
Ее наполнилась здесь грудь,
Здесь тканьем создана прилежным
Картины божьей чиста суть!
А ты? Что привело тебя?
Как тронут я в душе, любя!
Что хочешь здесь? Болит что сердце сильно так?
Убогий Фауст! Ты изменился как.
Окутан волшебством я здесь?
Мне хочется лишь наслаждаться,
В мечтах любовных диких растворяться!
Играет нами пагубная спесь?
А коль она вошла б сюда в сей миг,
Как каяться ты стал бы за фривольство!
Ах, Ганс большой, совсем бы сник!
Лег бы к ногам ее в довольстве.

МЕФИСТОФЕЛЬ *входит*:

Скорей! Она внизу, я вижу.

ФАУСТ:

Не возвращусь я больше! Прочь!

MEPHISTOPHELES:

Hier ist ein Kästchen leidlich schwer,
Ich hab's wo anders hergenommen.
Stellt's hier nur immer in den Schrein,
Ich schwör Euch, ihr vergehn die Sinnen;
Ich tat Euch Sächelchen hinein,
Um eine andre zu gewinnen.
Zwar Kind ist Kind, und Spiel ist Spiel.

FAUST:

Ich weiß nicht, soll ich?

MEPHISTOPHELES: Fragt Ihr viel?

Meint Ihr vielleicht den Schatz zu wahren?

Dann rat ich Eurer Lüsterheit,

Die liebe schöne Tageszeit

Und mir die weitre Müh zu sparen.

Ich hoff nicht, daß Ihr geizig seid!

Ich kratz den Kopf, reib an den Händen –

*Er stellt das Kästchen in den Schrein und drückt
das Schloß wieder zu.*

Nur fort! geschwind!

Um Euch das süße junge Kind

Nach Herzens Wunsch und Will zu wenden;

Und Ihr seht drein

Als solltet Ihr in den **Hörsaal** hinein,

Als stünden grau leibhaftig vor Euch da

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Тяжел здесь ларчик, уж невмочь,
Я взял его, где было ближе.
Его ты спрячешь в этот стол,
Клянусь, она ума лишится.
Одну вещицу я нашел,
Другую чтобы получить нам.
Дитя – дитем, игра – игрой.

ФАУСТ:

А надо ли?

МЕФИСТОФЕЛЬ: Вопрос дурной?

Иль хочешь клад себе оставить?

Тогда распутству дам совет,
Дневной беречь в дальнейшем свет,
И тож меня от мук избавить.
Надеюсь, ты не жадный, нет!
Чешу в затылке я, тру руки –
*Он ставит ларчик в комод и снова
закрывает замок.*

Скорей вперед!

Для вас с дитем, что уж идет,
Лишь сердца зов чтоб был порукой.
И внутрь смотри,
Как ты б **должен был** в аудиторию,
Как будто б воплотились пред тобой

Physik und Metaphysika!

Nur fort!

Ab.

MARGARETE *mit einer Lampe:*

Es ist so schwül, so dumpfig hie

– *sie macht das Fenster auf* –

Und ist doch eben **so warm nicht drauß.**

Es wird mir so, ich weiß nicht wie-

Ich wollt, die Mutter käm nach Haus.

Mir läuft ein Schauer übern ganzen Leib –

Bin doch ein töricht furchtsam Weib!

Sie fängt an zu singen, indem sie sich auszieht.

Es war ein König in Thule

Gar treu bis an das Grab,

Dem sterbend seine Buhle

Einen goldnen Becher gab.

Es ging ihm nichts darüber,

Er leert ihn jeden Schmaus;

Die Augen gingen **ihm über,**

Sooft er trank daraus.

Und als er kam zu sterben,

Zählt er seine Städt im Reich,

Gönnt alles seinem Erben,

Den Becher nicht zugleich.

Физика с метафизикой!

Вперед!

Уходит.

МАРГАРИТА *с лампой:*

Тут душно, застояло так,

– *она открывает окно* –

Хотя не жарко **так на дворе.**

А мне же так, не знаю как –

Уж хоть бы мать пришла скорей.

Мое все тело охватил озноб–

Глупа я, не бояться чтоб!

Она начинает петь, раздеваясь при этом.

Жил-был король тогда в Туле

И верность соблюдал,

При смерти его Люле

Свой ему дала бокал.

Он стал всего дороже,

Он пьет с него всегда,

Синела вся почти **рожа,**

С него он пил когда.

Пришел как день последний,

В царстве все он подсчитал –

Получит все наследник,

Но только не бокал.

Er saß beim Königsmahle,
Die Ritter um ihn her,
Auf hohem Vätersaale,
Dort auf dem Schloß am Meer.

Dort stand der alte Zecher,
Trank letzte Lebensglut
Und warf den heiligen **Becher**
Hinunter in die Flut.

Er sah ihn stürzen, trinken
Und sinken tief ins Meer,
Die Augen täten **ihm sinken,**
Trank nie einen Tropfen mehr.

*Sie eröffnet den Schrein, ihre Kleider einzuräumen, und
erblickt das Schmuckkästchen.*

Wie kommt das schöne Kästchen hier herein?

Ich schloß doch ganz gewiß den Schrein.

Es ist doch wunderbar! Was mag wohl drinne sein?

Vielleicht bracht's jemand als ein Pfand,

Und meine Mutter lieb darauf.

Da hängt ein Schlüsselchen am Band

Ich denke wohl, ich mach es auf!

Was ist das? Gott im Himmel! Schau,

So was hab ich mein Tage nicht gesehn!

Ein Schmuck! Mit dem könnt eine Edelfrau

Am höchsten Feiertage gehn.

Он на дворцовом пире,
Все рыцари в кругу,
Сидел в отцовском мире
У моря на берегу.
Там встал гуляка старый,
Последний взяв глоток,
Он бросил **бокал-подарок**
В бушующий поток.
Смотрел, как тот вниз падал,
Пропал на дне морском,
Глаза его тут **запали,**
Больше он не пил потом.
*Она открывает комод, убирая свои одежды, и
замечает шкатулку.*
Сюда попал как ларчик чудный тот?
Закрит был точно же комод.
Как чудно! Любопытство, что ж внутри, берет!
Быть может кто принес заклад,
И там его взяла мне мать.
Тут ключ на ленте так впопад,
Его должна я открывать!
Что это! Боже! Посмотри,
Такого в жизни видеть не пришлось!
Такие украшения внутри
Взял бы на праздник всякий гость.

Wie sollte mir die Kette stehn?
Wem mag die Herrlichkeit gehören?
Sie putzt sich damit auf und tritt vor den Spiegel.
Wenn nur die Ohrring meine wären!
Man sieht doch gleich ganz anders drein.
Was hilft euch Schönheit, junges Blut?
Das ist wohl alles schön und gut,
Allein man läßt's auch alles sein;
Man lobt euch halb **mit Erbarmen**.
Nach Golde drängt,
Am Golde hängt
Doch alles. Ach wir Armen!

Мне подойдут они авось.
Чья может быть такая прелесть?
Она надевает украшение и подходит к зеркалу.
Мне уж сережки пригляделись!
Всяк выглядит иначе в них.
Что там краса и юность дев?
Все это глупый лишь припев,
Лишь одиночество ждет их.
Нас хвалят из **состраданья**.
Злата хотят,
На нем висят
Все. Бедные созданья!

SPAZIERGANG

*Faust in Gedanken auf und ab gehend.
Zu ihm Mephistopheles.*

MEPHISTOPHELES:

Bei aller **verschmähten Liebe!** Beim höllischen **Elemente!**
Ich wollt, ich wüßte **was Ärgers, daß ich's fluchen könnte!**

FAUST:

Was hast? was kneipt dich denn so sehr?
So kein Gesicht sah ich in meinem Leben!

MEPHISTOPHELES:

Ich möcht mich gleich dem Teufel übergeben,
Wenn ich nur selbst kein Teufel wär!

FAUST:

Hat sich dir was im Kopf verschoben?
Dich kleidet's wie ein Rasender zu toben!

MEPHISTOPHELES:

Denkt nur, den Schmuck, für Gretchen angeschafft,
Den hat ein Pfaff hinweggerafft!
Die Mutter kriegt das Ding zu schauen
Gleich fängt's ihr heimlich an zu grauen,

ПРОГУЛКА

Фауст ходит, задумавшись, туда-сюда.

Мефистофель к нему.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

При всей той **отвергнутой любви!** При элементе ада!

Хотел бы знать беду, что мне **проклинать бы надо!**

ФАУСТ:

Ты что? Что тужит сильно так?

Лица такого не видал я в жизни!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я был бы уж готов на черта тризну,

Каб не был сам я из чертяк!

ФАУСТ:

Что у тебя снесло уж крышу?

Яришься ты, как проклят кем-то свыше!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Сам посмотри, клад, что ты Гретхен дал,

Священник уж к рукам прибрал!

Его увидела мать сразу,

И заподозрила проказу,

Die Frau hat gar **einen feinen** Geruch,
Schnuffelt immer im Gebetbuch
Und riecht's **einem jeden Möbel an,**
Ob das Ding heilig ist **oder** profan;
Und an dem Schmuck da spürt, sie's klar,
Daß **dabei** nicht viel Segen war.
„Mein Kind“, rief sie, „**ungerechtes Gut**
Befängt die Seele, zehrt **auf das Blut.**
Wollen's der Mutter Gottes weihen,
Wird uns mit Himmelsmanna **erfreuen!**“
Margretlein zog ein schiefes Maul,
Ist halt, dacht sie, **ein geschenkter Gaul,**
Und wahrlich! gottlos ist nicht der,
Der ihn so fein gebracht hierher.
Die Mutter ließ **einen Pfaffen kommen;**
Der hatte kaum den Spaß vernommen,
Ließ sich den Anblick wohl behagen.
Er sprach: „So ist man recht gesinnt!
Wer überwindet, der gewinnt.
Die Kirche hat **einen guten Magen,**
Hat ganze Länder aufgefressen
Und doch noch nie sich übergessen;
Die Kirch allein, **meine lieben Frauen,**
Kann ungerechtes Gut verdauen.“

К тому **баба тонкий** имеет нюх,
Ищет в библии она дух
И нюхает **даже в мебели,**
Иль святая она, мирская ли.
И в украшениях чует враз,
Что тут **святости** нет как раз.
«Дитя», кричит, **«грешное добро»**
Нам портит душу, **приносит Зло.**
Божьей коль матери подарим,
Небесной манной **она одарит!»**
Маргритка, голову склоня,
Узрела **дареного коня,**
Решила, не безбожник тот,
Кто ларчик спрятал ей в комод.
Мамаша тут же **попа позвала,**
Вначале понял поп тут мало,
Узря ж клад с радостью подспудной.
Сказал «Намеренье благо!
Вам воздержанье от того.
У церкви **хороший же желудок,**
Уж целы страны проглотила,
Еще ж ни раз не подавилась,
Одна лишь церковь, **вам для покоя,**
Переварит несправедное.»

FAUST:

Das ist ein allgemeiner Brauch,
Ein Jud und König kann es auch.

MEPHISTOPHELES:

Strich drauf ein Spange, Kett und Ring‘,
Als wären‘s eben Pfifferling‘,
Dankt‘ nicht weniger und nicht mehr,
Als ob‘s ein Korb voll Nüsse wär,
Versprach **ihnen allen himmlischen** Lohn –
Und sie waren sehr erbaut davon.

FAUST:

Und Gretchen?

MEPHISTOPHELES: Sitzt nun unruhvoll,
Weiß weder, was sie will noch soll,
Denkt ans Geschmeide Tag und Nacht,
Noch mehr an den, der‘s ihr gebracht.

FAUST:

Des Liebchens Kummer tut mir leid.
Schaff du ihr gleich ein neu Geschmeid!
Am ersten war ja so nicht viel.

MEPHISTOPHELES:

O ja, dem Herrn ist alles Kinderspiel!

ФАУСТ:

Обычай, что с другими схож,
Жид и король то могут тож.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Черпал он кольца и браслет',
Как бы ему и дела нет,
Больше их не благодарил,
Как то б лишь корб орехов был,
Наобещал **им небесных всех** благ
Их облегчил и верой напряг.

ФАУСТ:

А Гретхен?

МЕФИСТОФЕЛЬ: Паники полна,
Не знает, думать что должна,
По украшениям полна слез
И по тому, кто их принес.

ФАУСТ:

Любимой горе – мне удар.
Достань ей тут же новый дар!
Не много было там добра.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О да! Тебе все детская игра!

FAUST:

Und mach, und richt's nach meinem Sinn,
Häng dich an ihre Nachbarin!
Sei, Teufel, doch nur nicht wie Brei,
Und schaff **einen neuen Schmuck herbei!**

MEPHISTOPHELES:

Ja, gnäd'ger Herr, von Herzen gerne.

Faust ab.

So ein verliebter Tor verpufft
Euch Sonne, Mond und alle Sterne
Zum Zeitvertreib dem Liebchen in die Luft.
Ab.

ФАУСТ:

И сделай все, поторопись,
К ее соседке прицепись!
Будь чертом, а не размазней,
Жду вновь с украшеньем предо мной!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Да, сударь, сделаю с поклонцем.
Фауст уходит.
Влюбленный шут отдаст сей час
Все звезды и луну, и солнце,
Любимую забавить чтоб хоть час.
Уходит.

DER NACHBARIN HAUS

MARTHE *allein*:

Gott verzeih's meinem lieben Mann,
Er hat an mir nicht wohl getan!
Geht da stracks in die Welt hinein
Und läßt mich auf dem Stroh allein.
Tät ihn doch wahrlich nicht betrüben,
Tät ihn, weiß Gott, recht herzlich lieben.

Sie weint.

Vielleicht ist er gar tot!- O Pein!-
Hätt ich nur einen Totenschein!

Margarete kommt.

MARGARETE:

Frau Marthe!

MARTHE: Gretelchen, **was soll**'s?

MARGARETE:

Fast sinken mir die Kniee nieder!
Da find ich so ein Kästchen wieder
In meinem Schrein, von Ebenholz,
Und Sachen herrlich ganz und gar,
Weit reicher, als das erste war.

ДОМ СОСЕДКИ

МАРТА *одна:*

Боже, моего мужа прости,
Добра не дал он мне почти!
Ушел он за копейкой в мир,
Оставив мне лишь кучу дыр.
Его бы я не удручила,
Его б я, Боже, так любила.

Она плачет.

Он может даже мертв! – О гром! –
Была б хоть справка мне о том!

Приходит Маргарита.

МАРГАРИТА:

Фрау Марта!

МАРТА: Гретхен, **так что ж?**

МАРГАРИТА:

Почти упав от изумленья,
Нашла я новые даренья,
Ларец из палисандра тож,
И вещи в нем прекрасней тех
Вещей, что были в первом, всех.

MARTHE:

Das muß Sie nicht der Mutter sagen;
Tät's wieder gleich zur Beichte tragen.

MARGARETE:

Ach seh Sie nur! ach schau Sie nur!

MARTHE *putzt sie auf*:

O du glücksel'ge Kreatur!

MARGARETE:

Darf mich, leider, nicht auf der Gassen
Noch in der Kirche **mit sehen lassen**.

MARTHE:

Komm du nur oft zu mir herüber,
Und leg den Schmuck hier heimlich an;
Spazier ein Stündchen lang dem Spiegelglas vorüber,
Wir haben unsre Freude dran;
Und dann gibt's einen Anlaß, gibt's ein Fest,
Wo man's so nach und nach den Leuten sehen läßt.
Ein Kettchen erst, die Perle dann ins Ohr;
Die Mutter sieht's wohl nicht, man macht ihr auch was vor.

MARGARETE:

Wer konnte nur die beiden Kästchen bringen?

МАРТА:

О них же матери ни слова,
Не то снесет к попу их снова.

МАРГАРИТА:

Ах, посмотри их только ты!

МАРТА *примеряет их*:

О ты, счастливица мечты!

МАРГАРИТА:

Только жаль, что для их примерки,
Их не одеть ни дома, **ни в церковь.**

МАРТА:

Так приходи ко мне почаще
И одевай их здесь крадьком.
Пред зеркалом красуйся часом подходящим,
Обеим радость нам при том,
А там, глядишь, и праздник будет раз,
Что потихоньку повод показаться даст.
С цепочкой, с жемчугом в ушах потом.
Коль мать не видит, так забот ей нет о том.

МАРГАРИТА:

Кто оба ларчика принести мог только?

Es geht nicht zu mit rechten Dingen!

Es klopft.

Ach Gott! **mag das meine Mutter sein?**

MARTHE *durchs Vorhängel guckend:*

Es ist ein fremder Herr – Herein!

Mephistopheles tritt auf.

MEPHISTOPHELES:

Bin so frei, grad hereinzutreten,

Muß bei den Frauen **Verzeihn erbeten.**

Tritt ehrerbietig vor Margareten zurück.

Wollte nach Frau Marthe Schwerdtlein fragen!

MARTHE:

Ich bin's, was hat der Herr zu sagen?

MEPHISTOPHELES *leise zu ihr:*

Ich kenne Sie jetzt, mir ist das genug;

Sie hat da gar **vornehmen Besuch.**

Verzeiht die Freiheit, **die ich genommen,**

Will Nachmittage wiederkommen.

MARTHE *lacht:*

Denk, Kind, um alles in der Welt!

Не объяснимо это толком!

Стучат.

О Боже! **Моя то мать поди?**

МАРТА *смотрит сквозь занавеску:*

Нет, кто-то тут чужой – Войди!

Входит Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Зайти чтоб, был как раз свободен,

Простить прошу Вас **меня при входе.**

Почтительно отступает перед Маргаритой.

Марту Швердтляйн я ищу на деле!

МАРТА:

Я здесь, что Вы сказать хотели?

МЕФИСТОФЕЛЬ *тихо к ней:*

Я знаю Вас теперь, то хватит мне.

У Вас тут гость **знатный же вполне.**

Простите ж, что свободу **себе дал,**

Зайду я вновь после обеда.

МАРТА *смеется:*

Тебя, дитя, слышь, что за сон!

Der Herr dich für ein Fräulein hält.

MARGARETE:

Ich bin ein armes junges Blut;
Ach Gott! der Herr ist gar zu gut:
Schmuck und Geschmeide sind nicht mein.

MEPHISTOPHELES:

Ach, es ist nicht der Schmuck allein;
Sie hat ein Wesen, einen Blick so scharf!
Wie freut mich's, daß ich bleiben darf.

MARTHE:

Was bringt Er denn? Verlange sehr –

MEPHISTOPHELES:

Ich wollt, ich hätt **eine frohere Mär!** –
Ich hoffe, Sie läßt mich's **drum nicht büßen:**
Ihr Mann ist tot und läßt Sie grüßen.

MARTHE:

Ist tot? das treue Herz! O weh!
Mein Mann ist tot! Ach ich vergeh!

MARGARETE:

Ach! liebe Frau, verzweifelt nicht!

За барышню содержит он.

МАРГАРИТА:

Младая кровь я до поры.

Вы слишком уж ко мне добры:

Все украшенья не мои.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Да дело ж ведь не только в них.

Вся Ваша суть и этот острый взгляд!

Остаться здесь я очень рад.

МАРТА:

С чем Вы пришли, сказать прошу –

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мне жаль, **новость худую** приношу! –

Надеюсь **мне кары нет** за это:

Почил Ваш муж, шлет Вам приветы.

МАРТА:

Мертв? Сердце верное! Беда!

Муж мертв! Хоть мне умри тогда!

МАРГАРИТА:

Ах! Не отчаивайся ж враз!

MEPHISTOPHELES:

So hört die traurige Geschichte!

MARGARETE:

Ich möchte drum mein 'Tag' nicht lieben,
Würde mich Verlust zu Tode betrüben.

MEPHISTOPHELES:

Freud muß Leid, Leid muß Freude haben.

MARTHE:

Erzählt mir seines Lebens Schluß!

MEPHISTOPHELES:

Er liegt in Padua begraben
Beim heiligen Antonius,
An einer wohlgeweihten Stätte
Zum ewig kühlen Ruhebette.

MARTHE:

Habt Ihr sonst nichts an mich zu bringen?

MEPHISTOPHELES:

Ja, eine Bitte, groß und schwer:
Laß Sie doch ja für ihn dreihundert Messen singen!
Im übrigen sind meine Taschen leer.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мой грустный слушайте ж рассказ!

МАРГАРИТА:

Я б жизни вовсе не любила,
Коль потеря эта меня б убила.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В радости боль, а в боли радость.

МАРТА:

Скажи мне, жизнь как кончил он!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Лежит он похоронен в Падуи
В том месте, где святой Антон,
На кладбище, что освященно,
В могиле вечно охлажденной.

МАРТА:

У Вас ко мне нет передачи?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Одна лишь просьба с его уст:
Чтоб заказала триста панихид впридачу!
А в остальном карман мой пуст.

MARTHE:

Was! nicht ein Schaustück? kein Geschmeid?
Was jeder Handwerksbursch im Grund des Säckels spart,
Zum Angedenken aufbewahrt,
Und lieber hungert, lieber bittelt!

MEPHISTOPHELES:

Madam, es tut mir herzlich leid;
Allein er hat sein Geld wahrhaftig nicht verzettelt.
Auch er bereute seine Fehler sehr,
Ja, und bejammerte sein Unglück noch viel mehr.

MARGARETE:

Ach! daß die Menschen so unglücklich sind!
Gewiß, ich will für ihn manch Requiem noch beten.

MEPHISTOPHELES:

Ihr wäret wert, gleich in die Eh zu treten:
Ihr seid ein lebenswürdig Kind.

MARGARETE:

Ach nein, das geht jetzt noch nicht an.

MEPHISTOPHELES:

Ist's nicht ein Mann, sei's derweil ein Galan.
's ist eine der größten Himmelsgaben,

МАРТА:

Ни украшенья, ни монет?

Что всяк ремесленник на дне казны хранит,
На память чтобы подарить,
Он будет голодать скорее!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мадам, мне жаль, сомнений нет,
Один он свои деньги, точно, не рассеял.
И об ошибке сам жалел,
Он жаловался на несчастье, между дел.

МАРГАРИТА:

Несчастливы люди с детства, жизнь спустя!
Хотела б я за упокой его молиться.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

На Вас бы можно хоть сейчас жениться:
Такое милое дитя.

МАРГАРИТА:

О том и речи еще нет.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Коль между делом кавалер придет.
То ж слывет ведь высшей благодатью,

So ein lieb Ding im Arm zu haben.

MARGARETE:

Das ist des Landes nicht der Brauch.

MEPHISTOPHELES:

Brauch oder nicht! Es gibt sich auch.

MARTHE:

Erzählt mir doch!

MEPHISTOPHELES: Ich stand an seinem Sterbebette,

Es war was besser als von Mist,

Von halbgefautem Stroh; allein er starb als Christ

Und fand, daß er weit mehr noch auf der Zeche hätte.

„Wie“, rief er, „muß ich mich von Grund aus hassen,

So mein Gewerb, mein Weib so zu verlassen!

Ach, die Erinnerung tötet mich.

Vergäb sie mir nur noch in diesem Leben!“

MARTHE *weinend*:

Der gute Mann! ich hab ihm längst vergeben.

MEPHISTOPHELES:

„Allein, weiß Gott! sie war mehr schuld als ich.“

Держать любимую в объятьях.

МАРГАРИТА:

В провинце это не обряд.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И все ж случается подряд.

МАРТА:

Продолж рассказ!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Стоял у смертного я ложа

С соломы, как почти навоз,

Но умер он как истинный христианин все ж

Считал, что больший счет ему еще положен,

Кричал: «Себя я должен ненавидеть,

Так ремесло, жену мою обидеть!

Тот грех один убьет меня.

Грехи б она теперь мне отпустила!»

МАРТА, *плача*:

Мой добрый муж! Давно его простила.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

«И все ж, Бог знает, все ее вина.»

MARTHE:

Das lügt er! Was! am Rand des Grabs zu lügen!

MEPHISTOPHELES:

Er fabelte gewiß in letzten Zügen,
Wenn ich nur halb ein Kenner bin.
„Ich hatte“, sprach er, „nicht zum Zeitvertreib zu gaffen,
Erst Kinder, und dann Brot für sie zu schaffen,
Und Brot im allerweitsten Sinn,
Und konnte nicht einmal mein Teil in Frieden essen.“

MARTHE:

Hat er so aller Treu, so aller Lieb vergessen,
Der Plackerei bei Tag und Nacht!

MEPHISTOPHELES:

Nicht doch, er hat Euch herzlich dran gedacht.
Er sprach: „Als ich nun weg von Malta ging,
Da betet ich für Frau und Kinder brünstig;
Uns war denn auch der Himmel günstig,
Daß unser Schiff ein türkisch Fahrzeug fing,
Das einen Schatz des großen Sultans führte.
Da ward der Tapferkeit ihr Lohn,
Und ich empfang denn auch, wie sich's gebührte,
Mein wohlgemeßnes Teil davon.“

МАРТА:

Он врет! Как! Даже на краю могилы!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Он бредил, очевидно, уж без силы,

Хоть я в том не большой знаток.

«Я должен был», сказал он, «жить не для забавы,

Детей плодить, потом кормить ораву,

И в этом понимал я толк,

Свою ж еду не мог при том я есть спокойно.»

МАРТА:

Забыл мою любовь всю, верность всю покойник

В той тяжелой доле день и ночь!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О нет, он смог все это превозмочь.

Сказал: «Когда я с Мальты уходил,

Молился за жену, детей преклонно.

К нам небо было благосклонно,

И наш корабль турецкий враз словил,

Что вез сокровища все их султана.

Тут было мужеству наград!

Я тоже получил свое по плану,

И своей доле был я рад.»

MARTHE:

Ei wie? Ei wo? Hat er's vielleicht vergraben?

MEPHISTOPHELES:

Wer weiß, wo nun es die vier Winde haben.

Ein schönes Fräulein nahm sich seiner an,

Als er in Napel fremd umherspazierte;

Sie hat an ihm viel Liebs und Treus getan,

Daß er's bis an sein selig Ende spürte.

MARTHE:

Der Schelm! der Dieb an seinen Kindern!

Auch alles Elend, alle Not

Konnt nicht sein schändlich Leben hindern!

MEPHISTOPHELES:

Ja seht! dafür ist er nun tot.

Wär ich nun jetzt an Eurem Platze,

Betraurt ich ihn ein züchtig Jahr,

Visierte dann **unterweil nach einem neuen Schatze.**

MARTHE:

Ach Gott! wie doch mein erster war,

Find ich nicht leicht auf dieser Welt den andern!

Es konnte kaum ein herziger **Närrchen sein.**

Er liebte nur das allzuviele Wandern;

МАРТА:

Эй как? Эй где? Ее что, закопал он?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Кто знает, все куда потом пропало.

Одна красавица взяла его,

Как занесли его в Неаполь черти.

Любовью наградила тут всего,

«Награду» не забыл он ту до смерти.

МАРТА:

Каналья! Вор своим же детям!

И даж нуждой и нищетой

Его срамна жизнь не задета!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Смотри! Теперь он мертв зато.

Коль был бы я на вашем месте,

Я б горевал о нем лишь год,

Потом бы стал **новому сокровищу невестой**.

МАРТА:

О Бог! Как первый мой урод,

Такого ж нелегко найти иного!

Сердечнее шута **больше не дано**.

Любил лишь ездить он вот слишком много.

Und fremde Weiber **und fremden Wein**,
Und das verfluchte Würfelspiel.

MEPHISTOPHELES:

Nun, nun, so konnt es gehn und stehen,
Wenn er Euch ungefähr so viel
Von seiner Seite nachgesehen.
Ich schwör Euch zu, mit dem Beding
Wechselt ich selbst mit Euch den Ring!

MARTHE:

O es beliebt dem Herrn zu scherzen!

MEPHISTOPHELES *für sich*:

Nun mach ich mich beizeiten fort!
Die hielte wohl den Teufel selbst beim Wort.
Zu Gretchen.
Wie steht es denn mit Ihrem Herzen?

MARGARETE:

Was meint der Herr damit?

MEPHISTOPHELES *für sich*:

Du guts, unschuldigs Kind!
Laut.
Lebt wohl, ihr Fraun!

И баб чужих, и **чужо вино**,
И в кости клятую игру.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ну-ну! В то б можно было верить,
Коль он бы Вас хоть чуть в миру
Хвалил разок в такой же мере.
Клянусь, с условием я при том,
Что сам бы Вас связал кольцом!

МАРТА:

О, сударь, Вам шутить тут воля!

МЕФИСТОФЕЛЬ *про себя*:

Пора, пожалуй, я пойду!
На слове черта словит баба тут.

К Гретхен:

А Ваша как сердечна доля?

МАРГАРИТА:

Что от меня хотят?

МЕФИСТОФЕЛЬ *про себя*:

Невинное дитя!

Вслух.

Прощаюсь я!

MARGARETE: Lebt wohl!

MARTHE: O sagt mir doch geschwind!

Ich möchte gern ein Zeugnis haben,

Wo, wie und wann mein Schatz gestorben und begraben.

Ich bin von je der Ordnung Freund gewesen,

Möcht, ihn auch tot im Wochenblättchen lesen.

MEPHISTOPHELES:

Ja, gute Frau, durch zweier Zeugen Mund

Wird allerwegs die Wahrheit kund;

Habe noch gar einen feinen Gesellen,

Den will ich Euch **vor den Richter stellen.**

Ich bring ihn her.

MARTHE: O tut das ja!

MEPHISTOPHELES:

Und hier die Jungfrau ist auch da?

Ein braver Knab! ist viel gereist,

Fräuleins alle Höflichkeit erweist.

MARGARETE:

Müßte vor dem Herren schamrot werden.

MEPHISTOPHELES:

Vor keinem Könige der Erden.

МАРГАРИТА: Прощай!

МАРТА: Скажите ж не шутя!

Я бы свидетельство хотела,
Как умер муж и похоронено где тело.
Всегда еще как друг порядка слыла,
Некролог я б в газете поместила .

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Всегда свидетеля второго рот,
Надежну правду донесет,
Знаю даже одного подмастерье,
Кто пред судьей **вызвал бы доверье.**
Придет он.

МАРТА: Должен он придти!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И эту деву здесь найти!
Он брав и много повидал,
Дамам все манеры б показал.

МАРГАРИТА:

Мне пред господином будет стыдно.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ни пред каким владыкой-быдлом.

MARTHE:

Da hinterm Haus in meinem Garten

Wollen wir der Herren heut abend warten.

МАРТА:

В моем саду, у дома рядом

Будем я и Гретхен господам рады.

STRAÙE (II)

Faust. Mephistopheles.

FAUST:

Wie ist's? Will's fördern? Will's bald gehn?

MEPHISTOPHELES:

Ah bravo! Find ich Euch in Feuer?

In kurzer Zeit ist Gretchen Euer.

Heut abend sollt Ihr sie bei Nachbar' Marthen sehn:

Das ist ein Weib wie auserlesen

Zum Kuppler- und Zigeunerwesen!

FAUST:

So recht!

MEPHISTOPHELES:

Doch wird auch was von uns begehrt.

FAUST:

Ein Dienst ist wohl des andern wert.

MEPHISTOPHELES:

Wir legen nur ein gültig Zeugnis nieder,

Daß ihres Ehherrn ausgereckte Glieder

In Padua an heil'ger Stätte ruhn.

УЛИЦА (II)

Фауст, Мефистофель.

ФАУСТ:

Ну как? Вперед? Пора ль идти?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я рад! Сжирает тебя пламя?

Еще чуть-чуть и Гретхен с нами.

Мы у соседки в вечер сможем их найти.

Та Марта, кто сведет сегодня,

Цыганка чистая и сводня!

ФАУСТ:

Итак!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Но ждут чего-то и от нас.

ФАУСТ:

Услуги той цена как раз.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мы засвидетельствуем непременно,

Ее супруг, его останки бренны,

В земле священной Падуи лежит.

FAUST:

Sehr klug! Wir werden erst die Reise machen müssen!

MEPHISTOPHELES:

Sancta Simplicitas! darum ist's nicht zu tun;

Bezeugt nur, ohne viel zu wissen.

FAUST:

Wenn Er nichts Bessers hat, so ist der Plan zerrissen.

MEPHISTOPHELES:

O heil'ger Mann! Da wärt Ihr's nun!

Ist es das erstemal in eurem Leben,

Daß Ihr falsch Zeugnis abgelegt?

Habt Ihr von Gott, der Welt und was sich drin bewegt,

Vom Menschen, was sich ihm **in den Kopf und Herzen regt,**

Definitionen nicht mit großer Kraft gegeben?

Mit frecher Stirne, kühner Brust?

Und wollt Ihr recht ins Innre gehen,

Habt Ihr davon, Ihr müßt es grad gestehen,

So viel als von Herrn Schwerdtleins Tod gewußt!

FAUST:

Du bist und bleibst ein Lügner, ein Sophiste.

ФАУСТ:

Умно! Туда нам надо ехать на свиданье!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Святая простота! Об этом не тужи.

Не требует то дело знания.

ФАУСТ:

Коль лучше нет, даю я плану отрицанье.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

О, муж святой! Ведь это жизнь!

В твоей ли жизни это впрямь впервые,

Ложь как свидетельство давать?

Иль Богу, миру ты, всему, что не объять,

И людям может что **мозг и душу возбуждать,**

Не давал определенья сильные, живые?

Душою дерзкой и умом?

Хотя внутри тебе известно,

Что ты о том о всем, признайся честно,

Знал столько же, как о Швердтляйне том!

ФАУСТ:

Софист и лгун ты был и пребываешь.

MEPHISTOPHELES:

Ja, wenn man's nicht ein bißchen tiefer wüßte.
Denn morgen wirst, in allen Ehren,
Das arme Gretchen nicht betören
Und alle Seelenlieb ihr schwören?

FAUST:

Und zwar von Herzen.

MEPHISTOPHELES: Gut und schön!
Dann wird von ewiger **Treu und Liebe**,
Von einzig überallmächt'gem **Triebe** –
Wird das auch so von Herzen gehn?

FAUST:

Laß das! Es wird! – Wenn ich empfinde,
Für das Gefühl, für das Gewühl
Nach Namen suche, keinen finde,
Dann durch die Welt mit allen Sinnen schweife,
Nach allen höchsten Worten greife,
Und diese Glut, von der ich brenne,
Unendlich, ewig, ewig nenne,
Ist das ein teuflisch Lügenspiel?

MEPHISTOPHELES:

Ich hab doch recht!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Да, если уж тут глубже все не знаешь.

Не ты ли будешь завтра с честью
Лапошить Гретхен, полный лести,
И о любви душевной несть ей?

ФАУСТ:

От всей души.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Хорош месье!

О вечной верности **и любви**,
О всемогущем **так зове крови** –
От всей души ли это все?

ФАУСТ:

Оставь! И да! – Когда я с ними –
Во мне все чувства, их сумбур –
Ищу, но не найду им имя,
Над миром всеми чувствами летаю
И высшие слова хватаю,
И жар тот, я горю которым,
С безмерным вечным, вечным спорит,
Тогда, как черт, я тоже вру?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я прав!

FAUST: Hör! merk dir dies –
Ich bitte dich, und schon meine Lunge –:
Wer recht behalten will und hat nur eine Zunge,
Behält's gewiß.
Und komm, ich hab des Schwätzens Überdruß,
Denn du hast recht, vorzüglich weil ich muß.

ФАУСТ: Заметь не для забав –
Прошу тебя, и ты поймешь, надеюсь –:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот будет прав.
Пойдем, мне болтовня не по плечу,
Ты прав уж потому, что я хочу.

GARTEN

*Margarete an Faustens Arm, Marthe mit
Mephistopheles auf und ab spazierend.*

MARGARETE:

Ich fühl es wohl, daß mich der Herr nur schont,
Herab sich läßt, mich zu beschämen.
Ein Reisender ist so gewohnt,
Aus Gütigkeit fürliebzunehmen;
Ich weiß zu gut, daß solch erfahrenen Mann
Mein arm Gespräch nicht unterhalten kann.

FAUST:

Ein Blick von dir, ein Wort mehr unterhält
Als alle Weisheit dieser Welt.

Er küßt ihre Hand.

MARGARETE:

Inkommodiert Euch nicht! Wie könnt Ihr sie nur küssen?
Sie ist so garstig, ist so rauh!
Was hab ich nicht schon alles schaffen müssen!
Die Mutter ist gar zu genau.

Gehn vorüber.

САД

Маргарита под руку с Фаустом, Марта с Мефистофелем прогуливаются туда-сюда.

МАРГАРИТА:

Я знаю, сударь бережет меня,
Снисходит лишь меня позорить,
Хоть я Вам вовсе не ровня,
По доброте и с глупой спорить.
Вас, умный муж, я знаю с давних пор,
Не развлечет простой мой разговор.

ФАУСТ:

Один твой взгляд меня уж развлечет,
Быстрее, чем весь премудрый Свет.

Он целует ее руку.

МАРГАРИТА:

Не мучтесь Вы! Как можно целовать мне руку?
Она груба ведь и проста!
Ведь я в работе столь терпела муки!
Мамаша аккуратна так.

Проходят мимо.

MARTHE:

Und Ihr, mein Herr, Ihr reist so immer fort?

MEPHISTOPHELES:

Ach, daß Gewerb und Pflicht uns dazu treiben!
Mit wieviel Schmerz verläßt man manchen Ort
Und darf doch nun einmal nicht bleiben!

MARTHE:

In raschen Jahren geht's wohl an
So um und um frei durch die Welt zu streifen;
Doch kömmt die böse Zeit heran,
Und sich als Hagestolz allein zum Grab zu schleifen,
Das hat noch keinem wohlgetan.

MEPHISTOPHELES:

Mit Grausen seh ich das von weiten.

MARTHE:

Drum, werter Herr, beratet Euch in Zeiten.

Gehn vorüber.

MARGARETE:

Ja, aus den Augen, aus dem Sinn!
Die Höflichkeit ist Euch geläufig;

МАРТА:

А Вы, мой сударь, что ж всегда в пути?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ах, промысел и долг к тому тревожат!

Хотя так больно иногда уйти,

Но и остаться все ж не можешь!

МАРТА:

Да, в юности нам все ничто

Свободно вокруг по свету волочиться,

Но все ж приходит время то,

Где к гробу старый холостяк один тащится,

Конец для всех тот не простой.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мне страшно это уж с далёка.

МАРТА:

Подумайте ж, не пропустите срока.

Проходят мимо.

МАРГАРИТА:

Да, с глаз долой – из сердца вон!

Вам вежливость совсем не чужда.

Und meine Mutter ist in allen Stücken
So akkurat!
Nicht daß sie just so sehr sich einzuschränken hat;
Wir könnten uns weit eh‘r als andre regen:
Mein Vater hinterließ ein hübsch Vermögen,
Ein Häuschen und ein Gärtchen vor der Stadt.
Doch hab ich jetzt so ziemlich stille Tage:
Mein Bruder ist Soldat,
Mein Schwesterchen ist tot.
Ich hatte mit dem Kind wohl meine liebe Not;
Doch übernahm ich gern noch einmal alle Plage,
So lieb war mir das Kind.
FAUST: Ein Engel, wenn dir‘s glich.

MARGARETE:
Ich zog es auf, und herzlich liebt es mich.
Es war nach meines Vaters Tod geboren.
Die Mutter gaben wir verloren,
So elend wie sie damals lag,
Und sie erholte sich sehr langsam, nach und nach.
Da konnte sie nun nicht dran denken,
Das arme Würmchen selbst zu tränken,
Und so erzog ich‘s ganz allein,
Mit Milch und Wasser, so ward‘s mein.
Auf meinem Arm, in meinem Schoß
War‘s freundlich, zappelte, ward groß.

Ведь мать во всех ее стараньях,
Порядочна!
Она не то чтоб экономить так должна.
Могли б мы больше многих тратить средства:
Отец оставил милое наследство,
Сад в пригороде, домик заодно.
Сейчас все ж тихо у меня до скуки:
Мой брат солдат давно,
Сестричка умерла.
С дитем сим горя много я перенесла.
И все же вновь бы счас переняла те муки,
Так был ребенок мил.
ФАУСТ: Коль ангел, как ты, был.

МАРГАРИТА:
Я нянчила и он меня любил.
Он был рожден после отца кончины.
И мать тогда почти почил,
Такая слабая была,
Но потихоньку шаг за шагом отошла.
Поэтому ей было б трудно,
Кормить самой ребенка грудью,
Одна так взростила его
Я, как ребенка своего.
Он на моих руках без слез
Играл, резвился и возрос.

FAUST:

Du hast gewiß das reinste Glück empfunden.

MARGARETE:

Doch auch gewiß gar manche schwere Stunden.
Des Kleinen Wiege stand zu Nacht
An meinem Bett; es durfte kaum sich regen,
War ich erwacht;
Bald muß ich's tränken, bald es zu mir legen
Bald, wenn's nicht schwieg, vom Bett aufstehn
Und tänzelnd in der Kammer auf und nieder gehn,
Und früh am Tage schon am Waschtrog stehn;
Dann auf dem Markt und an dem Herde sorgen,
Und immer fort wie heut so morgen.
Da geht's, mein Herr, nicht immer mutig zu;
Doch schmeckt dafür das Essen, schmeckt die Ruh.

Gehn vorüber.

MARTHE:

Die armen Weiber sind doch übel dran:
Ein Hagestolz ist schwerlich zu bekehren.

MEPHISTOPHELES:

Es käme nur auf Euresgleichen an,
Mich eines Bessern zu belehren.

ФАУСТ:

Тебе наградой было ж много счастья.

МАРГАРИТА:

С ним были все же и часы ненастья.

К себе в ночь зыбку до утра

Под бок брала. При каждом его звуке

Была бодра.

Должна была поить иль брать на руки,

Коль не хотел он затихать,

И с ним по комнате кругами танцевать,

А утром у корыта уж стирать.

На рынке, у печи о всех забота,

С утра до вечера работа.

Тут, сударь, не всегда в ладу с собой.

Зато вкусна еда, покой любой.

Проходят мимо.

МАРТА:

Тяжка судьба у бедных женщин так:

Холостяка же обратить не просто.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Такой, как ты, то был бы лишь пустяк,

Меня к другому сделать острым.

MARTHE:

Sagt grad, mein Herr, habt Ihr noch nichts gefunden?
Hat sich das Herz nicht irgendwo gebunden?

MEPHISTOPHELES:

Das Sprichwort sagt: Ein eigener Herd,
Ein braves Weib sind Gold und Perlen wert.

MARTHE:

Ich meine: ob Ihr niemals Lust bekommen?

MEPHISTOPHELES:

Man hat mich überall recht höflich aufgenommen.

MARTHE:

Ich wollte sagen: ward's nie Ernst in Eurem Herzen?

MEPHISTOPHELES:

Mit Frauen soll man sich nie unterstehn zu scherzen.

MARTHE:

Ach, Ihr versteht mich nicht!

MEPHISTOPHELES: Das tut mir herzlich leid!

Doch ich versteh – daß Ihr sehr gütig seid.

Gehn vorüber.

МАРТА:

Иль Вы кого нашли, мне не сказали?
С другою Ваше сердце ль не связали?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Как говорят: добра жена
И свой очаг дороже злата нам.

МАРТА:

Вопрос мой был: имели ль Вы желанье?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мне вежливое всюду было привечанье.

МАРТА:

А в сердце никогда Вам не было серьезно?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Шутить бы было с женщиной не осторожно.

МАРТА:

Не понимаете!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Сердечно жаль мне то!

Все ж знаю я – добра ты, как никто.

Проходят мимо.

FAUST:

Du kanntest mich, o kleiner Engel, wieder,
Gleich als ich in den Garten kam?

MARGARETE:

Saht Ihr es nicht, ich schlug die Augen nieder.

FAUST:

Und du verzeihst die Freiheit, die ich nahm?
Was sich die Frechheit unterfangen,
Als du jüngst aus dem Dom gegangen?

MARGARETE:

Ich war bestürzt, mir war das nie geschehn;
Es konnte niemand von mir Übels sagen.
Ach, dacht ich, hat er in deinem Betragen
Was Freches, Unanständiges gesehn?
Es schien ihn gleich nur anzuwandeln,
Mit dieser Dirne gradehin zu handeln.
Gesteh ich's doch! Ich wußte nicht, was sich
Zu Eurem Vorteil hier zu regen gleich begonnte;
Allein gewiß, ich war recht böse auf mich,
Daß ich auf Euch nicht böser werden konnte.

FAUST:

Süß Liebchen!

ФАУСТ:

Меня узнала ль ты, мой ангел, впрочем,
Когда вошел я в этот сад?

МАРГАРИТА:

Вы ж видели, я опустила очи.

ФАУСТ:

И ты прощаешь то мне? Я так рад!
Что как нахальство проявилось,
Когда ты с церкви появилась?

МАРГАРИТА:

Кошмар! О мне не мог сказать кто зло.
Еще со мной такого не случилось.
Я думала, ему что показалось
Во мне, что пошлый повод дать могло?
Он, видно, мог легко решаться
С девчонкой этой прямо торговаться.
Признаюсь все ж! Тогда не знала я,
Что к Вам привязанность могла, вдруг, появиться.
Вот только на себя была я зла,
За то, что не могла на Вас сердиться.

ФАУСТ:

Ты прелесть!

MARGARETE: Laßt einmal!

*Sie pflückt eine Sternblume und zupft die Blätter ab,
eins nach dem andern.*

FAUST: Was soll das? Einen Strauß?

MARGARETE:

Nein, es soll nur ein Spiel.

FAUST: Wie?

MARGARETE: Geht! Ihr lacht mich aus.

Sie rupft und murmelt.

FAUST:

Was murmelst du?

MARGARETE *halblaut*: Er liebt mich – liebt mich nicht.

FAUST:

Du holdes Himmelsangesicht!

MARGARETE *fährt fort*:

Liebt mich- nicht- liebt mich- nicht-

Das letzte Blatt ausrufend, mit holder Freude.

Er liebt mich!

FAUST:

Ja, mein Kind! Laß dieses Blumenwort

Dir Götterauspruch sein. Er liebt dich!

Verstehst du, was das heißt? Er liebt dich!

Er faßt ihre beiden Hände.

MARGARETE:

Mich überläuft's!

FAUST:

O schaudre nicht! Laß diesen Blick,

Laß diesen Händedruck dir sagen,

Was unaussprechlich ist:

Sich hinzugeben ganz und eine Wonne

Zu fühlen, **die ewig sein muß!**

Ewig! – Ihr Ende würde **Verzweiflung sein**

Nein, kein Ende! Kein Ende!

Margarete drückt ihm die Hände, macht sich los und läuft weg. Er steht einen Augenblick in Gedanken, dann folgt er ihr.

MARTHE *kommend*:

Die Nacht bricht an.

MEPHISTOPHELES: Ja, und wir wollen fort.

MARTHE:

Ich bät Euch, länger hier zu bleiben,

Allein es ist ein gar zu böser Ort.

Ты веришь ли? Тебя он любит!

Он берет обе ее руки.

МАРГАРИТА:

Меня трясет!

ФАУСТ:

О не дрожи! Тебе мой взгляд,

Рукопожатые пусть расскажут,

Невыразимо что:

Отдаться полностью сему блаженству,

Что вечным для нас должно быть!

Вечно! – Конец где отчаяньем бы был

Без конца! Бесконечно!

*Мargarита сжимает его руки, высвобождается
и бежит прочь. Он стоит мгновение, погруженный в
мысли, потом следует ей.*

МАРТА *приходящая*:

Уж ночь близка.

МЕФИСТОФЕЛЬ: Пора и нам домой.

МАРТА:

Я б вас просила быть здесь дольше,

Вот только город наш уж очень злой.

Es ist, als hätte niemand nichts zu treiben
Und nichts zu schaffen,
Als auf des Nachbarn Schritt und Tritt zu gaffen,
Und man kommt ins Gered, wie man sich immer stellt.
Und unser Pärchen?

MEPHISTOPHELES: Ist den Gang dort aufgefliegen.
Mutwill'ge Sommervögel!

MARTHE: Er scheint ihr gewogen.

MEPHISTOPHELES:
Und sie ihm auch. Das ist der Lauf der Welt.

Ein Gartenhäuschen

*Margarete springt herein, steckt sich hinter die Tür,
hält die Fingerspitze an die Lippen und guckt
durch die Ritze.*

MARGARETE:

Er kommt!

FAUST *kommt:*

Ach, Schelm, so neckst du mich! **Treff ich dich!**

Er küßt sie.

MARGARETE *ihn fassend und den Kuß zurückgebend:*

Besten Mann! von Herzen lieb ich dich!

Mephistopheles klopft an.

FAUST *stampfend:*

Wer da?

MEPHISTOPHELES:

Gut Freund!

FAUST: Ein Tier!

MEPHISTOPHELES: Es ist wohl Zeit zu scheiden.

MARTHE *kommt:*

Ja, es ist spät, mein Herr.

FAUST: Darf ich Euch nicht geleiten?

MARGARETE:

Die Mutter würde mich – Lebt wohl!

FAUST: Muß ich denn gehn?

Lebt wohl!

MARTHE: Ade!

MARGARETE: Auf baldig Wiedersehn!

Faust und Mephistopheles ab.

МАРГАРИТА, *касаясь его и отвечая на поцелуй*:

Милый! Сердцем я люблю тебя!

Мефистофель стучится.

ФАУСТ, *топая*:

Кто там?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Друг добрый!

ФАУСТ: Зверь!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Нам время расходиться.

МАРТА *входит*:

Да, поздно сударь уж.

ФАУСТ: Нельзя ли проводить вас?

МАРГАРИТА:

Ах, матушка была б – Прощай!

ФАУСТ: Прощай, любовь?

Прощай!

МАРТА: Адье!

МАРГАРИТА: И до свиданья вновь!

Фауст и Мефистофель уходят.

MARGARETE:

Du lieber Gott! was so ein Mann
Nicht alles, alles denken kann!
Beschämt nur steh ich vor ihm da
Und sag zu allen Sachen ja.
Bin doch ein arm unwissend Kind,
Begreife nicht, was er **an mir findt**.
Ab.

МАРГАРИТА:

Как этот муж, любимый Бог,

Так умно думать только мог!

Стою пред ним я, как балда,

И повторяю только «да».

Я все же глупое дитя,

За что он все ж **меня любит так.**

Уходит.

WALD UND HÖHLE

FAUST *allein:* (*purere fünfhebiger Jambus ohne Reim*)

Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles,
Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst
Dein Angesicht im Feuer zugewendet.
Gabst mir die herrliche Natur zum Königreich,
Kraft, sie zu fühlen, zu genießen. Nicht
Kalt staunenden Besuch erlaubst du nur,
Vergönnest mir, in ihre tiefe Brust
Wie in den Busen eines Friends zu schauen.
Du führst die Reihe der Lebendigen
Vor mir vorbei und lehrst mich meine Brüder
Im stillen Busch, in Luft und Wasser kennen.
Und wenn der Sturm im Walde braust und knarrt,
Die Riesenfichte stürzend Nachbaräste
Und Nachbarstämme quetschend niederstreift
Und ihrem Fall dumpf hohl der Hügel donnert,
Dann führst du mich zur sichern Höhle, zeigst
Mich dann mir selbst, und meiner eignen Brust
Geheime tiefe Wunder öffnen sich.
Und steigt vor meinem Blick der reine Mond
Besänftigend herüber, schweben mir
Von Felsenwänden, aus dem feuchten Busch
Der Vorwelt silberne Gestalten auf
Und lindern der Betrachtung strenge Lust.

ЛЕС И ПЕЩЕРА

ФАУСТ *один:* (чистый пятистопный ямб без рифмы)

О Дух возвышенный, ты дал, все дал мне,

О чем просил я. И не зря ко мне

Твое чело во пламе обратил ты.

Природу чудную мне в королевство дал

И силу наслаждаться ей, ее

Не хладно лицезреть ты разрешил,

Дозволил в душу ей проникнуть ты,

Как в душу друга моего заглянуть.

Ты представляешь мне живущих в ряд

Пред мной, уча меня моих всех братьев

Познать в тиши лесов и струях водных.

И коли буря буйствует в лесу,

Гигантска ель ломает вкруг в паденье

Соседни ветви и крушит стволы,

Гул их паденья холм воспримет глухо,

Тогда сведешь меня к пещере ты,

Меня чтоб показать моей душе

И мне, открыв глубоки чудеса.

Пред бликом чистая луна взойдет

Навстречу мне, слетят ко мне со стен

Пещерных, скальных, из густых кустов

Серебряны виденья древности,

Утешив к наблюденью тягу мне.

O daß dem Menschen nichts Vollkommnes wird,
Empfind ich nun. Du gabst zu dieser Wonne,
Die mich den Göttern nah und näher bringt,
Mir den Gefährten, den ich schon nicht mehr
Entbehren kann, wenn er gleich, kalt und frech,
Mich vor mir selbst erniedrigt und zu Nichts,
Mit einem Worthauch, deine Gaben wandelt.
Er facht in meiner Brust ein wildes Feuer
Nach jenem schönen Bild geschäftig an.
So tauml ich von Begierde zu Genuß,
Und im Genuß verschmacht ich nach Begierde.

Mephistopheles tritt auf.

MEPHISTOPHELES:

Habt Ihr nun bald das Leben gnug geführt?
Wie kann's Euch in die Länge freuen?
Es ist wohl gut, daß man's einmal probiert
Dann aber wieder zu was Neuen!

FAUST:

Ich wollt, du hättest mehr zu tun,
Als mich am guten Tag zu plagen.

MEPHISTOPHELES:

Nun, nun! ich laß dich gerne ruhn,

Что человеку совершенства нет,
Познал я. Ты к сему дал наслажденью,
К богам меня что ближе все несет,
Мне спутника, я без которого
Быть не могу, хоть он дерзит со мной
То унижает, то одним словцом
В ничто твои дары он обращает.
В душе он раздувает дикий пламень
Желаний оной чудной красоты.
От вожделенья я к усладе гнусь
А от услады снова к вожделенью.

Входит Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ну что ж, достаточно ты жизнь познал?
И как ее длине мы рады?
Все ж лучше, коль ее раз испытал,
Чтоб новизны потом жить ради!

ФАУСТ:

Ты б лучше занят больше был,
Чтоб в добрый день меня не мучить.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В покое остуди ж свой пыл,

Du darfst mir's nicht im Ernste sagen.
An dir Gesellen, unhold, barsch und toll,
Ist wahrlich wenig zu verlieren.
Den ganzen Tag hat man die Hände voll!
Was ihm gefällt und was man lassen soll,
Kann man dem Herrn nie an der Nase spüren.

FAUST:

Das ist so just der rechte Ton!
Er will noch Dank, daß er mich ennuyiert.

MEPHISTOPHELES:

Wie hättest du, armer Erdensohn,
Dein Leben ohne mich geführt?
Vom Kribskrabs der Imagination
Hab ich dich doch auf Zeiten lang kuriert;
Und wär ich nicht, so wärst du schon
Von diesem Erdball abspaziert.
Was hast du da in Höhlen, Felsenritzen
Dich wie ein Schuhu zu versitzen?
Was schlurfst aus dumpfem Moos und triefendem Gestein
Wie eine Kröte Nahrung ein?
Ein schöner, süßer Zeitvertreib!
Dir steckt der Doktor noch im Leib.

Чтоб так всерьез не молвить лучше.
В тебе, противный, грубый идиот,
Потеря, вправду, не большая.
Весь день мне дел твоих невпроворот!
Что по душе, а что наоборот
Тебе, не мог узнать ведь никогда я.

ФАУСТ:

И тут же правый тон, хвалю!
Спасибо ждет за скуку он его.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

А как ты, бедный сын земли,
Жил без меня жизнь до того?
Лечил тебя я долго, умный муж,
От кавардака дум твоих мозгов.
Коли б не я, то ты бы уж
Землю оставил без торгов.
Что хочешь ты в щелях скалы, пещерах
Найти, как филин, за химеру?
Хлебаешь что из гнили мха, сырых камней
Жаб пищу для души своей?
Так сладко время проводить!
Тот доктор все в тебе сидит.

FAUST:

Verstehst du, was für neue Lebenskraft
Mir dieser Wandel in der Öde schafft?
Ja, würdest du es ahnen können,
Du wärest Teufel genug, mein Glück mir nicht zu gönnen.

MEPHISTOPHELES:

Ein überirdisches Vergnügen.
In Nacht und Tau auf den Gebirgen liegen
Und Erd und Himmel wonniglich umfassen,
Zu einer Gottheit sich aufschwellen lassen,
Der Erde Mark mit Ahnungsdrang durchwühlen,
Alle sechs Tagewerk im Busen fühlen,
In stolzer Kraft ich weiß nicht was genießen,
Bald liebewonniglich in alles überfließen,
Verschwunden ganz der Erdensohn,
Und dann die hohe Intuition –
mit einer Gebärde
Ich darf nicht sagen wie – zu schließen.

FAUST:

Pfui über dich!

MEPHISTOPHELES: Das will Euch nicht behagen;
Ihr habt das Recht, gesittet pfui zu sagen.
Man darf das nicht vor keuschen Ohren nennen,
Was keusche Herzen nicht entbehren können.

ФАУСТ:

Поймешь ли, что за новой жизни взлет,
Бродить по сей пустыне мне дает?
Коль было б это в твоей власти,
То ты, как истый черт, не пожелал мне б счастья.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Должна быть вземная радость.
В горах в ночи лежать, росы пить сладость,
Землю и небо с благом обнимая
И сам до божества уж распухая,
Земли суть открывать познаний жаждой,
Душой вкушать творения день каждый,
Не знаю чем, так сильно наслаждаться,
В любви блаженный миг во все вокруг растекаться,
Исчезнул сын земли совсем
И высшу интуицию затем –
с жестом
Как не скажу – закрыть и сдаться.

ФАУСТ:

Тьфу на тебя!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Тебе желаю радость.

Вещать ты вправе, по обычью, гадость.

Но праведным то не должно назваться,

В чем праведны не в силах отказаться.

Und kurz und gut, ich gönne ihm das Vergnügen,
Gelegentlich sich etwas vorzulügen;
Doch lange hält er das nicht aus.
Du bist schon wieder abgetrieben
Und, währt es länger, aufgerieben
In Tollheit oder Angst und Graus.
Genug damit! Dein Liebchen sitzt dadrinne,
Und alles wird ihr eng und trüb.
Du kommst ihr gar nicht aus dem Sinne,
Sie hat dich übermächtig lieb.
Erst kam deine Liebeswut übergeflossen,
Wie vom geschmolzenen Schnee ein Bächlein übersteigt;
Du hast sie ihr ins Herz gegossen,
Nun ist dein Bächlein wieder seicht.
Mich dünkt, anstatt in Wäldern **zu thronen,**
Ließ' es dem großen Herren gut,
Das arme affenjunge Blut
Für seine Liebe zu belohnen.
Die Zeit wird ihr erbärmlich lang;
Sie steht am Fenster, sieht die Wolken ziehn
Über die alte Stadtmauer hin.
„Wenn ich ein Vöglein wär!“ so geht **ihr Gesang**
Tage lang, halbe Nächte lang.
Einmal ist sie munter, meist betrübt,
Einmal recht ausgeweint,
Dann wieder ruhig, wie's **scheint,**

Но хорошо, Ему даю я право,
Сам иногда себе врать для забавы,
Но долго то не сдюжит Он.
Ты весь уж снова развалился
И, длись то дольше, растворился б
В безумье, ужасом сражон.
Но пусть, твоя любовь сидит внутри там,
И все ей мрачно и тесно.
Забыть тебя не может Грета
И ты ей люб уже давно.
Ты, сначала весь любовью переполнен,
Ручей весной как талым снегом наводнен,
Любовью сердце ей наполнил,
Теперь ручей твой истощен.
Мне кажется, в лесах бродить **вместо,**
Тебе бы было так легко
Бедняжке, кровь что с молоком,
Воздать за ту любовь прелестну.
Мученье долго время ей,
Она в окно все зрит на облака,
Плывущие над ней издалека.
«Коль пташкой я б была!» - **песнь ее речей**
Днями, мгновеньями ночей.
Раз бодра, а чаще пасмурна,
Или заплакана,
А то спокойна **она,**

Und immer **verliebt**.

FAUST:

Schlange! Schlange!

MEPHISTOPHELES *für sich*:

Gelt! daß ich dich fange!

FAUST:

Verruchter! hebe dich von hinnen,
Und nenne nicht das schöne Weib!
Bring die Begier zu ihrem süßen Leib
Nicht wieder vor die halb verrückten Sinnen!

MEPHISTOPHELES:

Was soll es denn? Sie meint, du seist entflohn,
Und halb und halb bist du es schon.

FAUST:

Ich bin ihr nah, und wär ich noch so fern,
Ich kann sie nie vergessen, nie verlieren;
Ja, ich beneide schon den Leib des Herrn,
Wenn ihre Lippen ihn indes berühren.

MEPHISTOPHELES:

Gar wohl, mein Freund! Ich hab Euch oft beneidet

Всегда **влюблена**.

ФАУСТ:

Змей змеею!

МЕФИСТОФЕЛЬ *про себя*:

Прав! Тебя поймаю!

ФАУСТ:

Презренный! Удались отсюда,

Любимую не поминай!

И тягу к ней во мне не возбуждай

Ни в полоумных чувствах, ни в сосудах!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В чем дело? Мнит она, что ты сбежал,

Часть правды есть в том, как ни жаль.

ФАУСТ:

Я близок ей, был бы далек, тогда

Мне потерять ее была бы гибель.

Завидую я телу Господа,

Когда его ее коснутся губы.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Тебе, мой друг, завидовал я часто

Ums Zwillingspaar, das unter Rosen weidet.

FAUST:

Entfliehe, Kuppler!

MEPHISTOPHELES:

Schön! Ihr schimpft, und ich muß lachen.

Der Gott, der Bub' und Mädchen schuf,

Erkannte gleich den edelsten Beruf,

Auch selbst Gelegenheit zu machen.

Nur fort, es ist ein großer Jammer!

Ihr sollt in Eures Liebchens Kammer,

Nicht etwa in den Tod.

FAUST:

Was ist die Himmelsfreud in ihren Armen?

Laß mich an ihrer Brust erwärmen!

Fühl ich nicht immer ihre Not?

Bin ich der Flüchtling nicht? der Unbehauste?

Der Unmensch ohne Zweck und Ruh,

Der wie ein Wassersturz von Fels zu Felsen brauste,

Begierig wütend nach dem Abgrund zu?

Und seitwärts sie, mit kindlich dumpfen Sinnen,

Im Hüttchen auf dem kleinen Alpenfeld,

Und all ihr häusliches Beginnen

Umfangen in der kleinen Welt.

Und ich, der Gottverhaßte,

Из-за двойняшек, что ей в чреве паства.

ФАУСТ:

Прочь, сводник!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ругани твоей могу смеяться.

Два пола Бог тогда создал,
Призвание тут же чудное признал,
Как сводник сам при том вмешаться.
Вперед же, хватит тут безделья!
Ты должен лишь к любимой в келью,
А вовсе не на смерть.

ФАУСТ:

В ее руках что за небесна радость?
Дай на груди ее отраду!
Зачем мне эта круговерть?
Не беженец ли я? Иль пес бездомный?
Без цели нелюдь и без сна,
Как водопад, ревущий что меж скал огромных,
Безумно жаждет пропасти без дна?
А в стороне она, с ребенка чувством,
В избушке на альпическом лугу,
Ее с домашним всем искусством
Поймал мир малый как слугу.
А я, проклятый Богом,

Hatte nicht genug,

Daß ich die Felsen faßte

Und sie zu Trümmern schlug!

Sie, ihren Frieden mußst ich untergraben!

Du, Hölle, mußtdest dieses Opfer haben.

Hilf, Teufel, mir die Zeit der Angst verkürzen.

Was muß geschehn, mag's gleich geschehn!

Mag ihr Geschick auf mich zusammenstürzen

Und sie mit mir zugrunde gehn!

MEPHISTOPHELES:

Wie's wieder siedet, wieder glüht!

Geh ein und tröste sie, du Tor!

Wo so ein Köpfchen keinen Ausgang sieht,

Stellt er sich gleich das Ende vor.

Es lebe, wer sich tapfer hält!

Du bist doch sonst so ziemlich eingeteufelt.

Nichts Abgeschmackters find ich auf der Welt

Als einen Teufel, der verzweifelt.

Мне ль не хватит то,
Что горные отроги
Я брал и бил в ничто!
Ее, ее покой сгубить был должен!
Ты, Ад, тебе я жертву эту сложу.
Черт, помоги прогнать мне время страха.
Что быть должно, тому быть счас!
Ее уменью я паду пусть прахом,
Пусть оба сгинем в тот же час!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Кипит как снова и горит!
Входи, утешь ее, глупец!
Где голова уж выхода не зрит,
Ему там видится конец.
Да здравствует, кто храбрый есть!
Обычно ж ты достаточно чертяка.
Смешнейший есть на белый свет на весь
Объят отчаяньем черт всякий.

GRETCHEN STUBE

GRETCHEN *am Spinnrad, allein:*

Meine Ruh ist hin,

Mein Herz ist schwer;

Ich finde sie nimmer

und nimmermehr.

Wo ich ihn nicht hab,

Ist mir das Grab,

Die ganze Welt

Ist mir vergällt.

Mein armer Kopf

Ist mir verrückt,

Meiner armer Sinn

Ist mir zerstückt.

Meine Ruh ist hin,

Mein Herz ist schwer,

Ich finde sie nimmer

und nimmermehr.

Nach ihm nur schau ich

Zum Fenster hinaus,

Nach ihm nur geh ich

Aus dem Haus.

Sein hoher Gang,

Sein edle Gestalt,

Seines Mundes Lächeln,

ГОСТИНАЯ ГРЕТХЕН

ГРЕТХЕН *за прялкой, одна:*

Мой пропал покой,

В душе беда,

Я их не найду уж,

уж никогда.

Там его где нет,

Моя там смерть,

Тогда весь мир

Уж мне не мил.

И в голове

Мне тьма, не свет,

Ум же бедный мой

Распался весь.

Мой пропал покой,

В душе беда,

Я их не найду уж,

уж никогда.

Ища его я,

Гляжу из окна,

Иду за ним я

В дом одна..

Его хотьба,

Благой его стан,

Губ его улыбка,

Seiner Augen Gewalt,
Und seiner Rede
Zauberfluß,
Sein Händedruck,
Und ach! sein Kuß!
Meine Ruh ist hin,
Mein Herz ist schwer,
Ich finde sie nimmer
und nimmermehr.
Mein Busen drängt
Sich nach ihm hin,
Ach dürft ich fassen
Und halten ihn,
Und küssen ihn,
So wie ich wollt,
An seinen Küssen
Vergehen sollt!

Сила глаз, как у ста,

Его же речи

Волшебство,

Пожатье рук,

И поцелуи!

Мой пропал покой,

В душе беда,

Я их не найду уж,

уж никогда.

Горит душа

К нему взлетать,

Обнять хочу я,

Держать его,

Лобзать его,

Как я хочу,

От поцелуев

Я пропаду!

MARTHENS GARTEN

Margarete. Faust.

MARGARETE:

Versprich mir, Heinrich!

FAUST: Was ich kann!

MARGARETE:

Nun sag, wie hast du's mit der Religion?

Du bist ein herzlich guter Mann,

Allein ich glaub, du hältst nicht viel davon.

FAUST:

Laß das, mein Kind! Du fühlst, ich bin dir gut;

Für meine Lieben ließ' ich Leib und Blut,

Will niemand sein Gefühl und seine Kirche rauben.

MARGARETE:

Das ist nicht recht, man muß dran glauben.

FAUST:

Muß man?

MARGARETE: **Ach! wenn ich** etwas auf dich konnte!

Du ehrst auch nicht die heil'gen Sakramente.

МАРТИН САД

Маргарита. Фауст.

МАРГАРИТА:

Клянись мне, Хайнрих!

ФАУСТ: Все что хошь!

МАРГАРИТА:

Скажи, как у тебя с религией?

Как человек ты ведь хорош,

Но только, кажется, не дружен с ней.

ФАУСТ:

Оставь, дитя! Я для тебя хорош.

Любимым все отдам, последний грош,

И не хочу красть никому ни чувств, ни веры.

МАРГАРИТА:

Тут ты не прав, в то надо верить.

ФАУСТ:

Надо?

МАРГАРИТА: **Ах! Влиять** коль могла б я! Ты ведь

Не уважаешь таинства святыя.

FAUST:

Ich ehre sie.

MARGARETE: Doch ohne **Verlangen**.

Zur Messe, **zur Beichte bist du lange nicht gegangen**.

Glaubst du an Gott?

FAUST:

Mein Liebchen, wer darf sagen: **Ich glaub an Gott?**

Magst Priester oder Weise fragen,

Und ihre Antwort scheint nur Spott

Über den Frager **zu sein**.

MARGARETE: **So glaubst du nicht?**

FAUST:

Mißhör mich nicht, du holdes Angesicht!

Wer darf ihn nennen?

Und wer bekennen:

„Ich glaub ihn!“?

Wer empfinden,

Und sich unterwinden

Zu sagen: „Ich glaub ihn nicht!“?

Der Allumfasser,

Der Allerhalter,

Faßt und erhält er nicht

Dich, mich, sich selbst?

Wölbt sich der Himmel nicht da droben?

ФАУСТ:

Их уважаю.

МАРГАРИТА: Но без желанья.

Ты долго ни к службе не ходил, ни к покаянью.

Ты веришь в Бога?

ФАУСТ:

Сказать кто может: „Я верую в Бога“?

Спроси попа ли, мудреца ли,

Поймешь ты их ответ убогой

Издвкой лишь над тобой,

МАРГАРИТА: Не веришь ты?

ФАУСТ:

Пойми ж меня ты, ангел красоты!

Его кто знает?

И кто признает:

«Я верю»

Усомниться,

При том кто решится

Сказать «Я не верую»?

Всеохватитель,

Всепредержатель,

Оохватил, держит ли

Себя ли, нас?

Не сводом небо ли над нами?

Liegt die Erde nicht hier unten fest?

Und steigen freundlich blickend

Ewige Sterne nicht herauf?

Schau ich nicht Aug in Auge dir,

Und drängt nicht alles

Nach Haupt und Herzen dir,

Und webt in ewigem Geheimnis

Unsichtbar sichtbar neben dir?

Erfüll davon dein Herz, so groß es ist,

Und wenn du ganz in dem Gefühle selig bist,

Nenn es dann, wie du willst,

Nenn's Glück! Herz! Liebe! Gott!

Ich habe keinen Namen

Dafür! Gefühl ist alles;

Name ist Schall und Rauch,

Umnebelnd Himmelsglut.

MARGARETE:

Das ist alles recht schön und gut;

Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,

Nur mit ein bißchen andern Worten.

FAUST:

Es sagen's allerorten

Alle Herzen unter dem himmlischen Tage,

Jedes in seiner Sprache;

Не тверда под нами ли земля?
Вечны не всходят звезды,
Над нами дружески светя?
Не зрю ли я в глаза тебе,
Теснит не все ли
В душу и ум тебе,
Не ткет вокруг в вечном ли секрете
Незримо зримое тебе?
Коль сердце тем твое проникнуто
И коль блаженна в этом чувстве ты за то,
Зови то, как ты хошь,
Любовь! Дух! Счастье! Бог!
Я имя то не знаю,
Зато! Мне чувство всё есть.
Имя – лишь звук и дым,
Сокрывший жар небес.

МАРГАРИТА:

Это все правильно в тебе.
Поп почти твердит все, как и ты,
Слова чуть-чуть лишь не совместны.

ФАУСТ:

То молвят повсеместно
Все сердца в сем поднебесном нашем мире,
Всяк на своей же речи.

Warum nicht ich **in der meinen?**

MARGARETE:

Wenn man's so hört, möcht's leidlich scheinen,
Steht aber doch **immer schief darum;**
Denn du hast kein **Christentum.**

FAUST:

Liebs Kind!

MARGARETE: Es tut mir lange **schon weh,**
Daß ich dich in der **Gesellschaft seh.**

FAUST:

Wieso?

MARGARETE: Der Mensch, den du da bei dir hast,
Ist mir in tiefer innerer Seele **verhaßt;**
Es hat mir in meinem Leben
So nichts einen Stich ins Herz gegeben
Als des Menschen widrig Gesicht.

FAUST:

Liebe Puppe, fürcht ihn nicht!

MARGARETE:

Seine Gegenwart bewegt mir das Blut.
Ich bin sonst allen Menschen gut;

А мой язык **что ж тут косный?**

МАРГАРИТА:

Коль слышишь так, то смысл в том сносный,
Но у тебя **искажённо с ним,**
Поскольку не **христьянин.**

ФАУСТ:

Дитя!

МАРГАРИТА: Мне жаль уже **то давно,**
Тебя что зрю в **обществе одном.**

ФАУСТ:

Каком?

МАРГАРИТА: Того, что вижу я с тобой,
Его я ненавижу всею **душой.**
В жизни мне так не бывало,
Сердце так ничто не убивало,
Как лицо противно того.

ФАУСТ:

Гретхен, не бойсь его!

МАРГАРИТА:

Вид его кипеть заставит мне кровь,
Хоть у меня ко всем **любовь.**

Aber wie ich mich sehne, dich zu schauen,
Hab ich vor dem Menschen ein heimlich Grauen,
Und halt ihn für einen Schelm dazu!
Gott verzeih mir's, wenn ich ihm unrecht tu!

FAUST:

Es muß auch solche Käuze geben.

MARGARETE:

Wollte nicht mit seinesgleichen leben!

Kommt er einmal zur Tür herein,

Sieht er immer so spöttisch drein

Und halb ergrimmt;

Man sieht, daß er an nichts **keinen Anteil nimmt**;

Es steht ihm an der Stirn geschrieben,

Daß er nicht mag **eine Seele lieben**.

Mir wird's so wohl in deinem Arm,

So frei, so hingegeben warm,

Und seine Gegenwart schnürt mir das Innre zu.

FAUST:

Du ahnungsvoller Engel du!

MARGARETE:

Das übermannt mich **so sehr**,

Daß, wo er nur mag zu uns treten,

Но коль тебя видать хочу в смиренье,
От него мне тут же как омерзенье,
Он каналья для меня к тому ж!
Бог, прости мне, коль неправда к нему!

ФАУСТ:

Таким должно ж быть тоже место.

МАРГАРИТА:

Мне он был бы всюду неуместным!

Как только в дверь войдет сюда,

Смотрит он с издевкой всегда

Почти что зло,

К всему так безучастно **его чело.**

Написано ему на лбу ведь,

Что ни одной души **он не любит.**

Мне чудно так в твоих руках,

Свободно так, тепло, но страх

В его присутствие сжимает все внутри.

ФАУСТ:

Ты, вещий ангел, говори!

МАРГАРИТА:

Объята **настолько сим,**

Что, к нам сюда коль он ввалится,

Mein ich sogar, ich liebte dich nicht mehr.
Auch, wenn er da ist, könnt ich nimmer beten,
Und das frißt mir ins Herz hinein;
Dir, Heinrich, muß es auch so sein.

FAUST:

Du hast nun die Antipathie!

MARGARETE:

Ich muß nun fort.

FAUST: Ach kann ich nie
Ein Stündchen ruhig dir am Busen hängen
Und Brust an Brust und Seel in Seele drängen?

MARGARETE:

Ach wenn ich nur alleine schlief!
Ich ließ dir gern heut nacht den Riegel offen;
Doch meine Mutter schläft nicht tief,
Und würden wir von ihr betroffen,
Ich wär gleich auf der Stelle tot!

FAUST:

Du Engel, das hat keine Not.
Hier ist ein Fläschchen! Drei **Tropfen nur**
In ihren Trank umhüllen
Mit tiefem Schlaf gefällig die Natur.

Любимый, ты б мне стал невыносим.
Еще, при нем я не могу молиться
И это гложет сердце мне.
Тебе он должен тож быть гнет.

ФАУСТ:

То антипатия твоя!

МАРГАРИТА:

Пора мне.

ФАУСТ: Не могу ли я
Часок хоть на груди твоей поникнуть
И грудь к груди, душой к душе проникнуть?

МАРГАРИТА:

Ах, если б я спала одна!
Дала б тебе я от двери отмычку.
Но чуткого моя мать сна
Поймай она нас тут с поличным,
Мне б больше не было беды!

ФАУСТ:

Мой ангел, в этом нет нужды.
Флакончик вот! Всего **капли три**
В питье ее укроют
Глубоким сном естественным внутри.

Sie denken: duckt er da, folgt er uns eben auch.

FAUST:

Du Ungeheuer siehst nicht ein,
Wie diese treue liebe Seele
Von ihrem Glauben voll,
Der ganz allein
Ihr seligmachend ist, sich heilig quäle,
Daß sie den liebsten Mann verloren halten soll.

MEPHISTOPHELES:

Du übersinnlicher **sinnlicher** Freier,
Ein Mägdelein nasführet dich.

FAUST:

Du Spottgeburt von Dreck und Feuer!

MEPHISTOPHELES:

Und die Physiognomie versteht sie meisterlich:
In meiner Gegenwart wird's ihr, sie weiß nicht wie,
Mein Mäskchen da weissagt verborgnen Sinn;
Sie fühlt, daß ich ganz sicher ein Genie,
Vielleicht wohl gar der Teufel bin.
Nun, heute nacht – ?

FAUST: Was geht dich's an?

По ним: коль да, пойдет за нами тоже вслед.

ФАУСТ:

Чудовище, иль ты не зришь,
Как верная душонка эта
Лишь верою полна,
Одна что лишь
Ее счастливит, свято мучит где-то,
Что с милого потерей в мире быть должна.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Сверхчувственный любовник, **меня** слушай,
Девчонка водит вас за нос.

ФАУСТ:

Продукт ты грязи и бездушья!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И чтение по лицу ей вовсе не вопрос:
В моем присутствии, она не знает как,
Моя ей маска скажет скрытый смысл.
Известно ей, я гений – не простак,
А может даже черта мысль.
Сегодня в ночь – ?

ФАУСТ: А ты причем?

MEPHISTOPHELES:

Hab ich doch meine Freude dran!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Но мне же тоже радость в том!

AM BRUNNEN

Gretchen und Lieschen mit Krügen.

LIESCHEN:

Hast nichts von Bärbelchen gehört?

GRETCHEN:

Kein Wort. Ich komm gar wenig unter Leute.

LIESCHEN:

Gewiß, Sibylle sagt‘ mir‘s heute:

Die hat sich endlich auch betört.

Das ist das Vornehmtun!

GRETCHEN: Wieso?

LIESCHEN: Es stinkt!

Sie füttert zwei, wenn sie nun ißt und trinkt.

GRETCHEN:

Ach!

LIESCHEN: So ist‘s ihr **endlich recht ergangen.**

Wie lange hat sie an dem Kerl gehangen!

Das war ein Spazieren,

Auf Dorf und Tanzplatz Führen,

Mußt überall die Erste sein,

Kurtesiert ihr immer mit Pastetchen und Wein;

У КОЛОДЦА

Гретхен и Лизхен с кувинами.

ЛИЗХЕН:

Тебя достиг о Бербель слух?

ГРЕТХЕН:

Ни слова. Выхожу я редко в люди.

ЛИЗХЕН:

Зибилла выдала на блюде:

Что та попалась тоже, вдруг.

Лишь показуха все!

ГРЕТХЕН Как так?

ЛИЗХЕН: Все врет!

Кормит двоих она, коль ест и пьет.

ГРЕТХЕН:

Ах!

ЛИЗХЕН: Получила **она по делу**.

На парне долго том она висела!

С ним гулять ходила,

В село плясать водила,

Хотела первой быть при том,

Ублажал ее паштетом он и вином.

Bildet sich was auf ihre Schönheit ein,
War doch so ehrlos, sich **nicht zu schämen,**
Geschenke von ihm anzunehmen.
War ein Gekos' und ein Geschleck;
Da ist denn auch das Blümchen weg!

GRETCHEN:

Das arme Ding!

LIESCHEN: Bedauerst sie noch gar!

Wenn unsereins am Spinnen war,
Uns nachts die Mutter nicht hinunterließ,
Stand sie bei ihrem Buhlen süß;

Auf der Türbank und im dunkeln Gang

Ward ihnen keine Stunde **zu lang.**

Da mag sie denn sich ducken nun,
Im Sünderhemdchen Kirchbuß tun!

GRETCHEN:

Er nimmt sie **gewiß zu seiner Frau.**

LIESCHEN:

Er wär ein Narr! Ein flinker Jung
Hat anderwärts noch Luft genung.
Er ist auch fort.

GRETCHEN: Das ist nicht schön!

Крыла красоты себя венком,
Бессовестна была, **не стесняться**
В его подарки одеваться.
Ласкунью и лизунью взял.
Теперь цветочек вот завял!

ГРЕТХЕН:

Бедняжка та!

ЛИЗХЕН: Жалеешь ты ее!

Где мы сидели за шитьем,
Где ночью вниз нас не пускала мать,
С бычком она могла стоять.

На пороге или на крыльце

Был каждый час им миг лишь **в конце.**

Теперь грехи ж ее ведут
Во вретище, в церковный суд!

ГРЕТХЕН:

Возьмет ее **верно он женой.**

ЛИЗХЕН:

Он был бы шут! Ведь парень юн

Найдет везде другой он вьюн.

Он уж исчез.

ГРЕТХЕН: Не хорошо!

LIESCHEN:

Kriegt sie ihn, soll's ihr übel gehn,
Das Kränzel reißen **die Buben ihr**,
Und Häckerling **streuen wir** vor die Tür!
Ab.

GRETCHEN, *nach Hause gehend:*

Wie konnt ich sonst so tapfer schmälen,
Wenn tät ein armes Mägdlein fehlen!
Wie konnt ich über andrer Sünden
Nicht Worte gnug der Zunge finden!
Wie schien mir's schwarz, und schwärzt's noch gar,
Mir's immer doch nicht schwarz gnug war,
Und segnet mich und tat so groß,
Und bin nun selbst der Sünde bloß!
Doch- alles, was dazu mich trieb,
Gott! war so gut! ach, war so lieb!

ЛИЗХЕН:

Не хуже, коль возьмет ещё,
Фату парни украдут вмиг ей,
Мы ж припасем деготь ей для дверей!
Уходит.

ГРЕТХЕН, *идя домой:*

Как упрекать могла я смело,
Коль бедный кто ошибку сделал!
Как было мне к грехам другого
Не жалко возмущенья слова!
Как грязен был мне с юных пор
Всегда везде чужой позор,
Благословляла я себя,
Теперь мой дух грехом объят!
Но все, что к этому вело,
Так – Боже! – мило и светло!

ZWINGER

*In der Mauerhöhle ein Andachtsbild der
Mater dolorosa, Blumenkrüge davor.*

GRETCHEN *steckt frische Blumen in die Krüge:*

Ach neige,
Du Schmerzenreiche,
Dein Antlitz gnädig meiner Not!

Das Schwert im Herzen,
Mit tausend Schmerzen
Blickst auf zu deines Sohnes Tod.

Zum Vater blickst du,
Und Seufzer schickst du
Hinauf um sein' und deine Not.

Wer fühlet,
Wie wühlet
Der Schmerz mir im Gebein?
Was mein armes Herz hier banget,
Was es zittert, was verlanget,
Weißt nur du, nur du allein!

Wohin ich immer gehe,

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

*В стенной нише картина
мадонны. Перед ней цветочные горшки.*

ГРЕТХЕН *садит свежие цветы в горшки:*

Прошу я,
Страдающая
Склони лик милостный к нужде!

Меч в сердце сына,
С невыносимой
Взираешь болью к смерти где.

К отцу глядишь ты,
И вздохи шлешь ты
Вверх о его, твоей нужде.

Кто чует,
Бушует
Как боль в моей душе?
Сердце что мое боится,
Как дрожит, к чему стремится,
Знаешь ты одна еще!

Куда б не шла невольно,

Wie weh, wie weh, wie wehe
Wird mir im Busen hier!
Ich bin, ach! kaum alleine,
Ich wein, ich wein, ich weine,
Das Herz zerbricht in mir.

Die Scherben **vor meinem Fenster**
Betaut ich **mit Tränen, ach!**
Als ich am frühen Morgen
Dir diese Blumen brach.

Schien hell in meine Kammer
Die Sonne früh herauf,
Saß ich in allem Jammer
In meinem Bett schon auf.

Hilf! rette mich von Schmach und Tod!
Ach neige,
Du Schmerzenreiche,
Dein Antlitz gnädig meiner Not!

Как боль, как боль, как больно
Мне здесь в моей душе!
Лишь я одна, впридачу,
Я плач, я плач, я плачу,
И сердце рвет уже.

Осколки пред мною прямо
Впитают слез, как росу,
Когда я утром рано
Тебе цветы несу.

Светил в мою каморку
Свет солнечных лучей,
Страдала без умолку
Я, не щадя очей.

Спаси от смерти во вражде!
Прошу я,
Страдающая
Склони лик милостный к нужде!

NACHT (II)

Straße vor Gretchens Türe.

VALENTIN, *Soldat, Gretchens Bruder.*

Wenn ich so saß bei einem **Gelag**,
Wo mancher sich berühren mag,
Und die Gesellen mir den Flor
Der Mägdlein laut gepriesen vor,
Mit vollem Glas das Lob verschwemmt,
Den Ellenbogen aufgestemmt,
Saß ich in meiner sichern Ruh,
Hört all dem Schwadronieren zu
Und streiche lächelnd meinen Bart
Und kriege das **volle Glas zur Hand**
Und sage: „Alles nach **seiner Art!**
Aber ist eine **im ganzen Land**,
Die meiner trauten Gretel gleicht,
Die meiner Schwester **das Wasser reicht?**“
Topp! Topp! Kling! Klang! das ging herum;
Die einen schrieen: „Er hat recht,
Sie ist die Zier vom ganzen **Geschlecht.**“
Da saßen alle **die Lober stumm.**
Und nun!- um‘s Haar sich auszuraufen
Und an den Wänden **hinaufzulaufen!**-
Mit Stichelreden, Naserümpfen

НОЧЬ (II)

Улица перед дверью Гретхен.

ВАЛЕНТИН, *солдат, брат Гретхен:*

Коль на гулянке я **сизивал**,
Иной себя где прославлял,
Средь собутыльников, кто флёр
Девчонок восхваляли в хор,
Хвалебно тост крича за то,
В бок отставляя локоток,
Сидел в покое там я сам,
Внимая этим похвалам,
С улыбкой бороду ласкал
И, полный свой **получив бокал**,
«На свой манер все!» – **я им сказал** –
«Но кто-то в этой земле **видал**,
Ту, равна Гретель кто моей,
Иль даж сравнима **была бы с ней?**»
«Так! Так! Дзинь! Дзинь!» – звучало вокруг.
«Ты прав!» – кричал в ответ народ –,
«Она украсит весь **женский род.**»
Сидел тут молча **хвалящих круг**.
И вот! – Хоть волос рви на теме
Или бросайся хоть **ты на стены!**
С насмешками, носы наморщив,

Soll jeder Schurke mich beschimpfen!
Soll wie ein böser Schuldner sitzen
Bei jedem Zufallswörtchen schwitzen!
Und möcht ich sie zusammenschmeißen
Könnt ich sie doch nicht Lügner heißen.

Was kommt heran? Was schleicht herbei?
Irr ich nicht, es sind ihrer zwei.
Ist er's, gleich pack ich ihn beim Felle,
Soll nicht lebendig von der Stelle!

Faust. Mephistopheles.

FAUST:

Wie von dem Fenster dort der Sakristei
Aufwärts der Schein des Ew'gen Lämpchens flämmert
Und schwach und schwächer seitwärts dämmert,
Und Finsternis drängt ringsum bei!
So sieht's in meinem Busen nächtig.

MEPHISTOPHELES:

Und mir ist's wie dem Kätzlein schmächtig,
Das an den Feuerleitern schleicht,
Sich leis dann um die Mauern streicht;
Mir ist's ganz tugendlich dabei,
Ein bißchen Diebsgelüst, ein bißchen Rammelei.

Позорить может каждый мощно!
Я, как должник, сидеть тут должен
При каждом слове пот на коже!
Хоть наказать ее охота,
Она все ж врунья ни на йоту.

Что близится? Крадется кто?
Двое те ее, правдаль то.
Коль он, схвачу его за шкуру,
Жив не уйдет он от придирки!

Фауст, Мефистофель.

ФАУСТ:

Как от окошка ризницы вон там
Вверх свет лампадки вечной проникает
И в сторону вновь затухает,
И вокруг царит вновь темнота!
Так и в душе мне по-ночному.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

А мне, котенку как тощому,
Что вверх крадется, упоен,
Потом там шляется вокруг стен.
Обычны чувства мне при том,
Немного вором быть и похотным котом.

So spukt mir schon durch alle Glieder
Die herrliche Walpurgisnacht.
Die kommt uns übermorgen wieder,
Da weiß man doch, warum man wacht.

FAUST:

Rückt wohl der Schatz indessen in die Höh,
Den ich dort hinten flimmern seh?

MEPHISTOPHELES:

Du kannst die Freude bald erleben,
Das Kesselchen herauszuheben.
Ich schielte neulich so hinein,
Sind herrliche **Löwentaler drein**.

FAUST:

Nicht ein Geschmeide, nicht ein Ring,
Meine liebe Buhle damit zu zieren?

MEPHISTOPHELES:

Ich sah dabei wohl so ein Ding,
Als wie eine Art von Perlenschnüren.

FAUST:

So ist es recht! Mir tut es weh,
Wenn ich **ohne** Geschenke zu ihr geh.

Так чуыствую в моих уж членах
Вальпургиеву славну ночь.
В два дня придет что вновь из плена,
Чтоб сон прогнать наш снова прочь.

ФАУСТ:

При этом будет клад высок не зря,
Что там я за мерцаньем зрю?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В тебе уж радость заклоочет,
Наверх поднять тот котелочек.
Я подсмотрел в него надысь,
В нем талеров **львинных – завались.**

ФАУСТ:

Ни украшенья, ни кольца,
Чтобы ими украсить Маргритку?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Что-то видал на дне ларца,
На жемчужную похоже нитку.

ФАУСТ:

Добро! Идти мне стыдно к ней,
Коль я **появлюсь** без подарков ей.

MEPHISTOPHELES:

Es sollt Euch eben nicht verdrießen,
Umsonst auch etwas zu genießen.
Jetzt, da der Himmel voller Sterne glüht,
Sollt Ihr ein wahres Kunststück hören:
Ich sing ihr ein moralisch Lied,
Um sie gewisser zu betören.

Singt zur Zither.

Was machst du mir
Vor Liebchens Tür,
Kathrinchen, hier
Bei frühem Tagesblicke?
Laß, laß es sein!
Er läßt dich ein
Als Mädchen ein,
Als Mädchen nicht zurücke.
Nehmt euch in acht!
Ist es vollbracht,
Dann gute Nacht.
Ihr armen, armen Dinger!
Habt ihr euch lieb,
Tut keinem Dieb
Nur nichts zulieb
Als mit dem Ring am Finger.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Не должно быть вам удрученьем
Брать и за так то наслажденье.
Сейчас, где небо звездами горит,
Искусством чистым вас согрею:
Моральна песнь пусть говорит,
Чтобы влюбить ее сильнее.

Поет под гитару.

Что вертишь мной
У двери той,
Катёк родной,
Ты в темноте заката?
Брось, прекрати!
Войдешь смотри,
Девственной ты,
Но только без возврата.
Не будь простой!
Случится то,
То все прошло.
Ты – бедная страдальца!
Будь так добра,
Тебя ворам
Взять со двора
Дай лишь с кольцом на пальце.

VALENTIN *tritt vor:*

Wen lockst du hier? beim Element!

Vermaledeiter Rattenfänger!

Zum Teufel erst das Instrument!

Zum Teufel hinterdrein den Sänger!

MEPHISTOPHELES:

Die Zither ist entzwei! an der ist nichts zu halten.

VALENTIN:

Nun soll es an ein Schädelspalten!

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Herr Doktor, nicht gewichen! Frisch!

Hart an mich an, wie ich Euch führe.

Heraus mit Eurem Flederwisch!

Nur zugestoßen! ich pariere.

VALENTIN:

Pariere den!

MEPHISTOPHELES: Warum denn nicht?

VALENTIN:

Auch den!

MEPHISTOPHELES: Gewiß!

VALENTIN: Ich glaub, der Teufel ficht!

ВАЛЕНТИН *выступает вперед*:

Кого ты манишь, элемент?

Ты, крысолов, проклятый богом!

Сначала к черту инструмент!

За ним певцов тут у порога!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Гитара сломана! С неё нет больше толку.

ВАЛЕНТИН:

Теперь твой череп на осколки!

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту*:

Эй, доктор, что стоишь, как глух!

Плотней ко мне, мне доверяя.

Выхватывай свою метлу!

Вперед, коли, я отражаю.

ВАЛЕНТИН:

Тут отражай!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Чему же нет?

ВАЛЕНТИН:

А здесь!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Пустяк!

ВАЛЕНТИН: По-мне, фехтует черт!

Was ist denn das? Schon wird die Hand mir lahm.

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Stoß zu!

VALENTIN *fällt:* O weh!

MEPHISTOPHELES: Nun ist der Lämmel zahm!

Nun aber fort! Wir müssen gleich verschwinden,

Denn schon entsteht ein mörderlich Geschrei.

Ich weiß mich trefflich mit der Polizei,

Doch mit dem Blutbann schlecht mich abzufinden.

MARTHE *am Fenster:*

Heraus! Heraus!

GRETCHEN *am Fenster:* Herbei ein Licht!

MARTHE *wie oben:*

Man schilt und rauft, man schreit und ficht.

VOLK:

Da liegt schon einer tot!

MARTHE *heraustretend:*

Die Mörder, sind sie denn entflohn?

GRETCHEN *heraustretend:*

Wer liegt hier?

Что за дела? Уж локоть онемел.

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту*:

Коли!

ВАЛЕНТИН *падает*: О боль!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Что, олух, усмирел!

Теперь лишь прочь! Должны мы быстро смыться,
Убийственная тут кондиция.

Я знаю хорошо полицию,
Но за убийство не хочу садиться.

МАРТА *у окна*:

Наружу! Вон!

ГРЕТХЕН *у окна*: Скорей свет, ах!

МАРТА, *как вверху*:

Здесь ругань, драка, бой и крах.

НАРОД:

Один убит, сюда!

МАРТА, *высовываясь*:

Убийца что, сбежал скорей?

ГРЕТХЕН, *высовываясь*:

Убит кто?

VOLK: Deiner Mutter Sohn.

GRETCHEN:

Allmächtiger! **welche Not!**

VALENTIN:

Ich sterbe! das ist bald gesagt

Und bälde noch getan.

Was steht ihr Weiber, heult und klagt?

Kommt her und hört mich an!

Alle treten um ihn.

Mein Gretchen, sieh! du bist noch jung,

Bist gar noch nicht gescheit genung,

Machst deine Sachen schlecht.

Ich sag dir's im Vertrauen nur:

Du bist doch nun einmal **eine Hur**,

So sei's auch eben recht!

GRETCHEN:

Mein Bruder! Gott! Was soll mir das?

VALENTIN:

Laß unsern Herrgott aus dem Spaß!

Geschehn ist leider nun geschehn

Und wie es gehn kann, so wird's gehn.

Du fingst mit einem heimlich an

НАРОД: Мамы сын твоей.

ГРЕТХЕН:

О Боже! Что за **нужда!**

ВАЛЕНТИН:

О смерть! Как быстро то сказать,

Убить еще быстрее.

Что бабы воют не подстать?

Слушать сюда скорей!

Все собираются вокруг него.

Еще ты, Гретхен, молода

И не умна, вот что беда,

Плоха в твоих делах.

Лишь доверительно скажу,

Тебя что шлюхой я **нахожу,**

Сама ты так сочла!

ГРЕТХЕН:

Мой брат! О Боже! Ты о чем?

ВАЛЕНТИН:

Оставь, наш Бог тут не при чем!

Случилось что, тому и быть,

Как может быть, так будешь жить.

Начав тайком с одним из них,

Bald kommen ihrer mehre dran,
Und wenn dich erst ein Dutzend hat,
So hat dich auch die ganze Stadt.
Wenn erst die Schande wird geboren,
Wird sie heimlich zur Welt gebracht,
Und man zieht den Schleier der Nacht
Ihr über Kopf und Ohren;
Ja, man möchte sie gern ermorden.
Wächst sie aber und macht sich groß,
Dann geht sie auch bei Tage bloß
Und ist doch nicht schöner geworden.
Je häßlicher wird ihr Gesicht,
Je mehr sucht sie des Tages Licht.

Ich seh wahrhaftig schon die Zeit,
Daß alle brave Bürgersleut,
Wie von einer angesteckten Leichen,
Von dir, du Metze! seitab weichen.
Dir soll das Herz im Leib verzagen,
Wenn sie dir in die Augen sehn!
Sollst keine goldne Kette **mehr tragen!**
In der Kirche nicht mehr am Altar stehn!
In einem schönen Spitzenkragen
Dich nicht beim Tanze wohlbehagen!
In eine finstre Jammerecken
Unter Bettler und Krüppel dich verstecken

Получишь скоро много их
И, если дюжина пройдет,
Тебя имеет весь народ.
Коль срам рожден уж среди ночи,
Тайно в мир все ж проникнет он,
Кроет всяк завесой при том
Его главу и очи,
Да, его бы убить запретом,
Но все далее он растет,
Уже и днем нагой идет,
Красивей не стал он при этом.
Чем безобразней его лик,
Тем больше он притянет блик.

Я вижу время уже вявь,
Где граждан бравая семья,
Шлюху, как заразный труп на конке,
Тебя обходит тут сторонкой,
Охвачена должна быть страхом,
Коль на тебя кто кинет взор!
Носить не можешь **златую пряху!**
В церкви пред алтарь ступить позорно!
Твоим красивым одеяньем
Не наслаждаться в танцеванье!
И в темный угол ты забившись,
В кучу калек и нищих лишь укрывшись,

Und, wenn dir dann auch Gott verzeiht,
Auf Erden sein vermaledeit!

MARTHE:

Befehlt **Eure Seele Gott zu Gnaden!**
Wollt Ihr noch Lästrung auf Euch laden?

VALENTIN:

Könnt ich dir nur **an den dürren Leib,**
Du schändlich kupplerisches Weib!
Da hofft ich aller meiner Sünden
Vergebung reiche Maß zu finden.

GRETCHEN:

Mein Bruder! Welche Höllenpein!

VALENTIN:

Ich sage, laß die Tränen sein!
Da du dich sprachst der Ehre los,
Gabst mir den schwersten Herzensstoß.
Ich gehe durch den Todesschlaf
Zu Gott ein als Soldat und brav.
Stirbt.

Пусть даже Богом прощена,
Навек ты будешь прокляна!

МАРТА:

Дай Богу ты душу для спасенья!
Иль хочешь кончить ты в хуленье.

ВАЛЕНТИН:

Коль я тебя мог бы лишь достать,
Срамная сводня, супостат!
Тогда бы я и без моленья
Нашел грехов всех отпущенье.

ГРЕТХЕН:

Мой брат! Какая боль, невмочь!

ВАЛЕНТИН:

Оставь ты свои слезы прочь!
Когда ты потеряла честь,
Не смог удар я этот снести.
Я умираю как солдат
И встречи с Богом даже рад.
Умирает.

DOM

*Amt, Orgel und Gesang. Gretchen unter vielem Volke.
Böser Geist hinter Gretchen.*

BÖSER GEIST:

Wie anders, Gretchen, war dir's,
Als du noch voll Unschuld
Hier zum Altar tratst
Aus dem vergriffnen Büchelchen
Gebete lalltest,
Halb Kinderspiele,
Halb Gott im Herzen!

Gretchen!

Wo steht dein Kopf?

In deinem Herzen

Welche Missetat?

Betst du für deiner Mutter Seele, die
Durch dich zur langen, langen Pein hinüberschlief?
Auf deiner Schwelle wessen Blut?
– Und unter deinem Herzen
Regt sich's nicht quillend schon
Und ängstet dich und sich
Mit ahnungsvoller Gegenwart?

СОБОР

*Служба, орган, пение. Гретхен среди народа.
Злой дух позади Гретхен.*

ЗЛОЙ ДУХ:

Иначе, Гретхен, было,
Коль ты, лик чистоты,
Здесь к алтарю шла
И из книжонки вечной сей
Молитвы слала,
С душой, где игры,
И с Богом в сердце!

Гретхен!

Что с головой?

А твое сердце

Прячет что за грех?

Иль молишь ты за душу матери,
Из-за тебя кто к долгим мукам в сон ушла?
Чья пред порогом твоим кровь?
— А под твоим что сердцем
Уж не шевелится
И не страшит тебя
Предчувством настоящего?

GRETCHEN:

Weh! Weh!

Wär ich der Gedanken los,

Die mir herüber und hinüber gehen

Wider mich!

CHOR:

Dies irae, dies illa

Solvat saeculum in favilla.

Orgelton.

BÖSER GEIST:

Grimm faßt dich!

Die Posaune tönt!

Die Gräber beben!

Und dein Herz,

Aus Aschenruh

Zu Flammenqualen

Wieder aufgeschaffen,

Bebt auf!

GRETCHEN:

Wär ich hier weg!

Mir ist, als ob die Orgel mir

Den Atem versetzte,

ГРЕТХЕН:

Боль! Боль!

Не прогнать мне мысли те,

Что мечутся в душе туда-сюда мне

Против мя!

ХОР

Dies irae, dies illa

Solvat saeculum in favilla.

Звук органа.

ЗЛОЙ ДУХ:

Гнев пронзит!

Уж звучит труба!

Гробы трясутся!

Сердце же,

Из праха уж

Ко муке Ада

Снова воссоздано,

Дрожит!

ГРЕТХЕН:

Куда б мне прочь!

Мне так, как будто бы орган

Дыханье убавил,

Gesang mein Herz
Im Tiefsten löste.

CHOR:

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

GRETCHEN:

Mir wird so eng!
Die Mauernpfeiler
Befangen mich!

Das Gewölbe

Drängt mich! – Luft!

BÖSER GEIST:

Verbirg dich! Sünd und Schande
Bleibt nicht verborgen.
Luft? Licht?

Weh dir!

CHOR:

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

А сердца песнь
Исчезла в глуби.

ХОР:

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

ГРЕТХЕН:

Мне тесно так!
Пилястры эти
Теснят меня!
Этот купол
Давит! – Вдох!

ЗЛОЙ ДУХ:

Ты спрячься! Грех же срама
Нигде не спрячешь
Вдох! Свет!
Боль лишь!

ХОР:

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

BÖSER GEIST:

Ihr Antlitz wenden

Verklärte von dir ab.

Die Hände dir zu reichen,

Schauert's den Reinen.

Weh!

CHOR:

Quid sum miser tunc dicturus?

GRETCHEN:

Nachbarin! Euer Fläschchen!

Sie fällt in Ohnmacht.

ЗЛОЙ ДУХ:

Их лик отвергнут

Святые от тебя.

Тебе подать их руки

Устрашит чистых.

Боль!

ХОР:

Quid sum miser tunc dicturus?

ГРЕТХЕН:

Соседка! Нашатырь мне!

Она падает в обморок.

WALPURGISNACHT

Harzgebirg Gegend

von Schierke und Elend

Faust. Mephistopheles.

MEPHISTOPHELES:

Verlangst du nicht nach einem Besenstiele?

Ich wünschte mir den allerderbsten Bock.

Auf diesem Weg sind wir noch weit vom Ziele.

FAUST:

Solang ich mich noch frisch auf meinen Beinen fühle,

Genügt mir dieser Knotenstock.

Was hilft's, daß man den Weg verkürzt! –

Im Labyrinth der Täler hinzuschleichen,

Dann diesen Felsen zu ersteigen,

Von dem der Quell sich ewig sprudelnd stürzt,

Das ist die Lust, die solche Pfade würzt!

Der Frühling webt schon in den Birken,

Und selbst die Fichte fühlt ihn schon;

Sollt er nicht auch auf unsre Glieder wirken?

MEPHISTOPHELES:

Fürwahr, ich spüre nichts davon!

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

*Окрестность Гарцовых гор
около Ширке и Эленда.*

Фауст. Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Метлу ты не желаешь для полета?
А мне б наигрубейший пусть козел.
От цели далеки в пути мы что-то.

ФАУСТ:

Пока в ногах я свеж, чтобы бежать до пота,
Мне хватит посох, что я взял.
Зачем путь сокращать вперед! –
Через лабиринт долин туда пробраться,
Потом на ту скалу подняться,
Родник с которой, вечно пенясь, бьет,
То похоть есть, что наши тропы вьет!
Весна живет уже в березах,
Ель даже чувствует ее.
Живет она и в наших членах тоже?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

По правде, мне не до нее!

Mir ist es winterlich im Leibe,
Ich wünschte Schnee und Frost auf meiner Bahn.
Wie traurig steigt die unvollkommne Scheibe
Des roten Monds mit später Glut heran,
Und leuchtet schlecht, daß man bei jedem Schritte
Vor einen Baum, vor einen Felsen rennt!
Erlaub, daß ich ein Irrlicht bitte!
Dort seh ich eins, das eben lustig brennt.
He da! mein Freund! darf ich dich zu uns fodern?
Was willst du so vergebens lodern?
Sei doch so gut und leucht uns da hinauf!

IRRLICHT:

Aus Ehrfurcht, hoff ich, soll es mir gelingen,
Mein leichtes Naturell zu zwingen;
Nur zickzack geht gewöhnlich unser Lauf.

MEPHISTOPHELES:

Ei! Ei! Er denkt's den Menschen nachzuahmen.
Geh Er nur grad, in ,s Teufels Namen!
Sonst blas ich ihm sein Flackerleben aus.

IRRLICHT:

Ich merke wohl, Ihr seid der Herr vom Haus,
Und will mich gern nach Euch bequemen.
Allein bedenkt! der Berg ist heute zaubertoll

По-зимнему в моем мне теле,
Мне б лучше снег в дороге да мороз.
Как грустно всходит поздний круг неспелый
Луны, окрашен цветом жарких роз,
И светит плохо так, что нам приветом
О древо то, то о скалу удар!
Поможет нам светляк при этом!
Вон одного уж вижу света дар.
Эй там! Мой друг! Тебя к себе мы просим?
Зачем без толку свет ты носишь?
Будь добр светить уж лучше нам в пути!

СВЕТЛЯК:

Смогу, надеюсь, уж лишь из почтения,
Смирить я легкость настроенья.
Привычно нам зигзагом лишь идти.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Эй! Эй! Ведь то черта людского сорта.
Иди лишь прям, во имя чёрта!
Не то задую трепетную жизнь.

СВЕТЛЯК:

И в правду тут хозяин ты, кажись.
Тебе служить хочу охотно.
Подумай лишь! Гора как волшебства полна

Und wenn ein Irrlicht Euch die Wege weisen soll
So müßt Ihr's so genau nicht nehmen.

FAUST, MEPHISTOPHELES, IRRLICHT

im Wechselgesang:

**In die Traum- und Zaubersphäre
Sind wir, scheint es, eingegangen.
Führ uns gut und mach dir Ehre!
Daß wir vorwärts bald gelangen,
In den weiten, öden Räumen!**

**Seh die Bäume hinter Bäumen,
Wie sie schnell vorüberrücken,
Und die Klippen, die sich bücken,
Und die langen Felsennasen,
Wie sie schnarchen, wie sie blasen!**

**Durch die Steine, durch den Rasen
Eilet Bach und Bächlein nieder.
Hör ich Rauschen? hör ich Lieder?
Hör ich holde Liebesklage,
Stimmen jener Himmelstage?
Was wir hoffen, was wir lieben!
Und das Echo, wie die Sage
Alter Zeiten, hallet wider.
„Uhu! Schuhu!“ tönt es näher,**

И, коль светляк в пути вам лучше, чем луна,
Примите это беззаботно.

ФАУСТ, МЕФИСТОФЕЛЬ, СВЕТЛЯК

поют попеременно:

**В волшебства, мечтаний сферу
Мы вошли, похож, без спора.
Нас веди, ты будешь первым!
Чтоб туда попали вскоре,
В пустырях далеких прелых!**

**Видишь древо там за древом,
Как они мелькают мимо,
И клонятся скалы с ними,
Скал носы длинны, как дула,
Как они храпят и дуют!**

**Через камни, как колдуют,
Вниз бегут ручьи чудесны.
Слышу шум я? Слышу песни?
Иль молодой любви страданья,
Или неба дней посланья?
Что мы любим, что воскресло!
Это эхо, как сказанья
Старых дней, звучит небесно.
«Угу! Угу!» звуки ближе,**

**Kauz und Kiebitz und der Häher,
Sind sie alle wach geblieben?
Sind das Molche durchs Gesträuche?
Lange Beine, dicke Bäuche!
Und die Wurzeln, wie die Schlangen,
Winden sich aus Fels und Sande,
Strecken wunderliche Bande,
Uns zu schrecken, uns zu fangen;
Aus belebten derben Masern
Strecken sie Polypenfasern
Nach dem Wanderer. Und die Mäuse
Tausendfärbig, scharenweise,
Durch das Moos und durch die Heide!
Und die Funkenwürmer fliegen
Mit gedrängten Schwärmezügen
Zum verwirrenden Geleite.**

**Aber sag mir, ob wir stehen
Oder ob wir weitergehen?
Alles, alles scheint zu drehen,
Fels und Bäume, die Gesichter
Schneiden, und die irren Lichter,
Die sich mehren, die sich blähen.**

MEPHISTOPHELES:

Fasse wacker meinen Zipfel!

Филин, чибис, сойка, иже
Все в ночи без сна остались.
Ящерки ль в кусты скользят там?
Длинноноги и пузаты!
И коренья вокруг, как змеи,
Лезут из песка и камня,
Вяжут чудные созданыя,
Нас спугать, поймать сумеют.
Из живых гнилых прожилок
Вяжут нить полипов жирных
Прямо к путнику. А мыши
В тыщах красок, в стаях тыщи,
Через мох, чрез эту пустошь!
Светляки вокруг летают
Роем, нас сопровождают,
Как эскортом, прямо в глушь ту.

Но скажи мне иль мы стали,
Иль идти хотим мы дале?
Все и вся нас окружали,
Скалы и древа, и лица
Режут, а светляк искрится,
Множась, раздуваясь в дали.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ухватись за край плащины!

**Hier ist so ein Mittelgipfel,
Wo man mit Erstaunen sieht,
Wie im Berg der Mammon glüht.**

FAUST:

Wie seltsam glimmert durch die Gründe
Ein morgenrötlich trüber Schein!
Und selbst bis in die tiefen Schlünde
Des Abgrunds wittert er hinein.
Da steigt ein Dampf, dort ziehen Schwaden,
Hier leuchtet Glut aus Dunst und Flor,
Dann schleicht sie wie ein zarter Faden,
Dann bricht sie wie ein Quell hervor.
Hier schlingt sie eine ganze Strecke,
Mit hundert Adern sich durchs Tal,
Und hier in der gedrängten Ecke
Vereinzelt sie sich auf einmal.
Da sprühen Funken in der Nähe,
Wie ausgestreuter goldner Sand.
Doch schau! in ihrer ganzen Höhe
Entzündet sich die Felsenwand.

MEPHISTOPHELES:

Erleuchtet nicht zu diesem Feste
Herr Mammon prächtig den Palast?
Ein Glück, daß du's gesehen hast,

**Здесь вот средняя вершина,
Каждый где свободно зрит,
Как Маммона в ней горит.**

ФАУСТ:

Мерцает странно как сквозь древа
Зари свет утренней, как муть!
И даже в глубочайших зевах
Ущелий виден он чуть-чуть.
Тут пар встает, а там клубится,
Тумана светит здесь завес,
Ползет он или тонкой нитью,
Иль бьет источником наверх.
Тут вьется он, как бы в брожение,
Мильоном жил долин чрез дно,
А здесь стесненный, вдруг, суженьем
Объединяется в одно.
Тут брызжут искры недалеко,
Златого россыпь как песка.
Смотри! Как в вышине полета
Скалы стена горит слегка.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Иль к празднику сему не чудно
Мамона расцвел дворец?
Ты счастлив видеть сей венец,

Ich spüre schon die ungestümen Gäste.

FAUST:

Wie rast die Windsbraut durch die Luft!

Mit welchen Schlägen trifft sie meinen Nacken!

MEPHISTOPHELES:

Du mußt des Felsens alte Rippen packen,

Sonst stürzt sie dich hinab in dieser Schlünde Gruft.

Ein Nebel verdichtet die Nacht. (*Amphibrachys*)

Höre, wie's durch die Wälder kracht!

Aufgescheucht fliegen die **Eulen**.

Hör, es splintern die Säulen

Ewig grüner Paläste.

Girren und Brechen der Aste!

Der Stämme mächtiges **Dröhnen!**

Der Wurzeln Knarren und **Gähnen!**

Im fürchterlich verworrenen **Falle**

Übereinander krachen sie **alle**,

Und durch die übertrümmerten **Klüfte**

Zischen und heulen die Lüfte.

Hörst du Stimmen in der Höhe?

In der Ferne, in der Nähe?

Ja, den ganzen Berg entlang

Strömt ein wütender Zaubergesang!

К тому же я гостей уж шумных чую.

ФАУСТ:

Как вихорь в воздухе свиреп!

Какими бьет толчками мне в затылок!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Держись же за ребристый сей скалы бок,

Не то он сбросит вниз тебя, в сей бездны склеп.

Туман усугубил тьмы страх

Слышь, в лесу там ужасный крах!

Как летят испугнуты совы.

Слышь, трещат как основы

Древ, шатров вечных, громко.

Сучьев хрустенье и, ломка!

Мощно стволов грохотанье!

Скрип корневищ и зеванье!

В запутанной ужасно ловушке,

Друг о друга все бьют, как из пушки

И сквозь заваленные ущелья

Ветер взывает метелью.

Слышишь голоса вверху там?

Вдаль и вблизи, вперед маршрута?

Да, вдоль всей длины горы

Пенья лишь волшебного дары!

HEXEN *im Chor*:

Die Hexen zu dem Brocken ziehn,
Die Stoppel ist **gelb, die Saat ist grün.**
Dort sammelt sich der große Hauf,
Herr Urian sitzt oben auf.
So geht es über Stein und Stock,
Es farzt die Hexe, **es stinkt der Bock.**

STIMME:

Die alte Baubo kommt allein,
Sie reitet auf **einem Mutterschwein.**

CHOR:

So Ehre denn, wem Ehre **gebührt!**
Frau Baubo vor! und angeführt!
Ein tüchtig Schwein und Mutter drauf,
Da folgt der ganze Hexenhauf.

STIMME:

Welchen Weg kommst du her?

STIMME: **Übern Ilsenstein!**

Da guckt ich der Eule ins Nest hinein,

Die macht ein Paar Augen!

STIMME: **O fahre zur Hölle!**

Was reitst du so schnelle!

ВЕДЬМЫ *хором*:

Вкруг ведьмы к Брокену летят.

Сев зелен, **стерня желта стоят.**

Сбирается большой шабаш,

Сверх господин Уриан наш.

Так прет все через палку, пень,

Бздит ведьма, **вонит козлобродень.**

ГОЛОС:

Приедет Баубо здесь одна,

Ей свиноматка **замест коня.**

ХОР:

Честь тем, заслужена кем **она!**

Уж Баубо представлена!

Свинья усердна, мать при том,

Ей ведьмы следуют гуртом.

ГОЛОС:

Ты каким путем тут?

ГОЛОС: **Через Ильзенштайн!**

К одной я сове там в гнезде пристал,

Ну та строит глазки!

ГОЛОС: **О, в ад провались ты!**

Что так едешь быстро!

STIMME:

**Mich hat sie geschunden,
Da sieh nur die Wunden!**

HEXEN, CHOR:

Der Weg ist breit, der Weg ist lang,
Was ist das für ein toller Drang?
Die Gabel sticht, der Besen kratzt,
Das Kind erstickt, die Mutter platzt.

HEXENMEISTER, HALBER CHOR:

Wir schleichen wie die Schnecke im Haus,
Die Weiber alle sind voraus.
Denn, geht es zu des Bösen Haus,
Das Weib hat tausend Schritt voraus.

ANDERE HÄLFTE:

Wir nehmen das nicht so genau,
Mit tausend Schritten macht's die Frau;
Doch wie sie sich auch eilen kann,
Mit einem Sprunge macht's der Mann.

STIMME *oben*:

Kommt mit, kommt mit, vom Felsensee!

ГОЛОС:

**Я весь ею драный,
Глянь, одни лишь раны!**

ВЕДЬМЫ, ХОР:

Широк и длинен путь наш весь,
А что за чудна давка здесь?
От вил укол, метла скребет,
Дите задохлось, мать жмет.

ВЕДЬМАК, ПОЛОВИНА ХОРА:

Ползем мы, как улитки в дом,
Ведомы бабами притом.
Коль в дом идем, где Зло одно,
Пред нами баба там давно.

ДРУГАЯ ПОЛОВИНА:

Нас не волнует, кто скорей,
Иль женщина в сто крат быстрее.
Но как бы не спешить ей в срок,
Мужик уж там в один прыжок.

ГОЛОС *вверху*:

Пойдемте с нами, с Фельзензей!

STIMMEN *von unten*:

Wir möchten gerne mit **in die Höh**.

Wir waschen, und blank sind wir ganz und gar;

Aber auch ewig unfruchtbar.

BEIDE CHÖRE:

Es schweigt der Wind, es flieht der Stern,

Der trübe Mond verbirgt sich gern.

Im Sausen sprüht das Zauberchor

Viel tausend Feuerfunken **hervor**.

STIMME *von unten*:

Halte! Halte!

STIMME *oben*:

Wer ruft da aus der Felsenspalte?

STIMME *von unten*:

Nehmt mich mit! Nehmt mich mit!

Ich steige schon dreihundert Jahr,

Und kann den Gipfel nicht erreichen.

Ich wäre gern bei meinesgleichen.

BEIDE CHÖRE:

Es trägt der Besen, trägt der Stock,

Die Gabel trägt, es trägt der Bock.

ГОЛОС *снизу*:

На высоту с **вами** поползем.

Мы моем, мы чисты совсем всегда.

При том бесплодны навсегда.

ОБА ХОРА:

Уж ветер стих, летит звезда,

Луна скрывается тогда.

Свистя, несет волшебный хор

Искр огненных к нам тыщи **во двор**.

ГОЛОС *снизу*:

Стой! Постой-ка!

ГОЛОС *вверху*:

Зовет из пропасти пустой кто?

ГОЛОС *снизу*:

Взять меня! Взять меня!

Карабкаюсь уж триста лет,

К вершине так и не взлетела.

Средь равных мне я б быть хотела.

ОБА ХОРА:

Несет и палка, и метла,

На вилы сели, на козла.

Wer heute sich nicht heben kann,
Ist ewig ein verlornen Mann.

HALBHEXE *unten*:

Ich tripple nach, so lange Zeit;
Wie sind die andern schon so weit!
Ich hab zu Hause keine Ruh
Und komme hier doch nicht dazu.

CHOR DER HEXEN:

Die Salbe gibt den Hexen Mut,
Ein Lumpen ist zum Segel gut,
Ein gutes Schiff ist jeder Trog;
Der flieget nie, der heut nicht flog.

BEIDE CHÖRE:

Und wenn wir um den Gipfel ziehn,
So streichet an dem Boden hin.
Und deckt die Heide weit und breit
Mit eurem Schwarm der Hexenheit
Sie lassen sich nieder.

MEPHISTOPHELES:

Das drängt und stößt, das ruscht und klappert!
Das zischt und quirlt, das zieht und plappert!
Das leuchtet, sprüht und stinkt und brennt!

И кто сегодня не взлетал,
Навеки тот уж проиграл.

ПОЛУВЕДЬМА *внизу*:

Гадаю долго нелегко.
Как так другие далеко!
Покой мне дома не дадут,
И здесь его я не найду.

ХОР ВЕДЬМ:

Отвагу ведьмам даст лишь мазь,
А тряпка - парусную снасть,
Нам кораблем любой горшок.
Тот не взлетит, кто счас не смог.

ОБА ХОРА:

Коль вокруг вершины пролетим,
То приземлимся, где хотим.
Покроем пустошь всю кругом,
Как стайей, нашим ведьмовством.
Они опускаются.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Спешит все, дребезжит, толчется!
Шипит, кипит, болтает, бьется!
Горит все светит, вонью прет!

Ein wahres Hexenelement!

Nur fest an mir! sonst sind wir gleich getrennt.

Wo bist du?

FAUST *in der Ferne*: Hier!

MEPHISTOPHELES: Was! dort schon hingerissen?

Da werd ich Hausrecht brauchen müssen.

Platz! Junker Voland kommt. Platz! süßer Pöbel, Platz!

Hier, Doktor, fasse mich! und nun in einem Satz,

Laß uns aus dem Gedräng entweichen;

Es ist zu toll, sogar für meinesgleichen.

Dortneben leuchtet was mit ganz besondrem Schein,

Es zieht mich was nach jenen Sträuchen.

Komm, komm! wir schlupfen da hinein.

FAUST:

Du Geist des Widerspruchs! Nur zu! du magst mich führen.

Ich denke doch, das war recht klug gemacht:

Zum Brocken wandeln wir in der Walpurgisnacht,

Um uns beliebig nun hieselbst zu isolieren.

MEPHISTOPHELES:

Da sieh nur, welche bunten Flammen!

Es ist ein muntreter Klub beisammen.

Im Kleinen ist man nicht allein.

Взаправду ведьмин элемент!

Держись, не то разделят нас в момент.

Ты где?

ФАУСТ *вдали*: Я здесь!

МЕФИСТОФЕЛЬ: Туда уж оттеснили?

Права хозяина все ж в силе.

Дать место! Воланд здесь. Дать место, сладкий сброд!

Держись же доктор за меня! Теперь вперед

Давай из толчеи исчезнем.

Тут слишком даже для меня курьезно.

Какой-то рядом там особый вижу свет,

В кусты так хочется залезть мне.

Пойдем! Узнаем там секрет.

ФАУСТ:

Давай веди меня, ты дух противоречья!

Я думаю, что было то умно:

Идти на Брокен нам в Вальпургиеву ночь,

Себя чтоб изолировать на этой встрече.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Смотри, пестро как это пламя!

Тут клуб задорный очень с нами.

Никто ведь в малом не один.

FAUST:

Doch droben möcht ich lieber sein!
Schon seh ich Glut und Wirbelrauch.
Dort strömt die Menge zu dem Bösen;
Da muß sich manches Rätsel lösen.

MEPHISTOPHELES:

Doch manches Rätsel knüpft sich auch.
Laß du die große Welt nur sausen,
Wir wollen hier im stillen hausen.
Es ist doch lange hergebracht,
Daß in der großen Welt man kleine Welten macht.
Da seh ich junge Hexchen, nackt und bloß,
Und alte, die sich klug verhüllen.
Seid freundlich, nur um meinetwillen;
Die Müh ist klein, der Spaß ist groß.
Ich höre was von Instrumenten tönen!
Verflucht Geschnarr! Man muß sich dran gewöhnen.
Komm mit! Komm mit! Es kann nicht anders sein,
Ich tret heran und führe dich herein,
Und ich verbinde dich aufs neue.
Was sagst du, Freund? das ist kein kleiner Raum.
Da sieh nur hin! du siehst das Ende kaum.
Ein Hundert Feuer brennen in der Reihe.
Man tanzt, man schwatzt, man kocht, man trinkt, man liebt.
Nun sage mir, wo es was Bessers gibt?

ФАУСТ:

Я вверх хотел бы до вершин!
Я дым уж зрю и жарку кровь.
Стремится вся толпа ко Злому.
Решатся там загадок сонмы.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И часть из них возникнет вновь.
Пусти большой мир прочь умчаться,
В тиши хотим здесь наслаждаться.
Уже давно же ясно тут,
В большом что мире малые миры живут.
Младых нагих ведьм вижу там
И старых в одеяньях сзади.
Будь вежлив с ними, черта ради.
За радость муки мало нам.
Я слышу инструменты где-то рядом!
Проклятый треск! К нему привыкнуть надо.
Пойдем! Сначала я туда войду,
Затем тебя я за собой введу,
Сведу тебя я там поновой.
Что скажешь, друг? Не мало ж места здесь.
Смотри туда! Ты зал не видишь весь.
В ряд сотни там огней горят готовы.
Галдят там, плящут, любят пить и есть.
Скажи ж, где лучшее на свете есть?

FAUST:

Willst du dich nun, um uns hier einzuführen,
Als Zaubrer oder Teufel produzieren?

MEPHISTOPHELES:

Zwar bin ich sehr gewohnt, inkognito zu gehn,
Doch läßt am Galatag man seinen Orden sehn.
Ein Knieband zeichnet mich nicht aus,
Doch ist der Pferdefuß hier ehrenvoll zu Haus.
Siehst du die Schnecke da? sie kommt herangekrochen;
Mit ihrem tastenden Gesicht
Hat sie mir schon was abgerochen.
Wenn ich auch will, verleugn ich hier mich nicht.
Komm nur! von Feuer gehen wir zu Feuer,
Ich bin der Werber, und du bist der Freier.

Zu einigen, die um verglimmende Kohlen sitzen:

Ihr alten Herrn, was macht ihr hier am Ende?
Ich lobt euch, wenn ich euch hübsch in der Mitte fände,
Von Saus umzirkt und Jugendbraus;
Genug allein ist jeder ja zu Haus.

GENERAL:

Wer mag auf Nationen trauen!
Man habe noch so viel für sie getan;

ФАУСТ:

Иль хочешь ты, чтоб нас туда доставить,
Себя как черт здесь иль колдун представить?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Привык, вообще-то, я инкогнито бывать,
Но в праздник сей могу себя и показать.
Мой наколенник – знак не мой,
Коня ж копыто в этом доме знак родной.
Улитку видишь там? И эта притащилась.
Со сверхпытливейшим лицом
Она меня уж уличила.
Как вишь, не скрыться мне здесь хитрецом.
Пойдем же! От огня к огню пойдем мы,
Я как вербовщик, ты ж как фраер томный.

Некоторым, сидящим у угасающих углей:

Что, старики, в конце ваши седины?
Я б вас хвалил, нашел бы если в середине,
Вокруг избыток, юный пыл.
Одним и дома ж вдоволь каждый был.

ГЕНЕРАЛ:

Кто доверять народам может!
Для них же сделано уж много столь.

Denn bei dem Volk wie bei den Frauen,
Steht immerfort die Jugend oben an.

MINISTER:

Jetzt ist man von dem Rechten allzu weit,
Ich lobe mir die guten Alten;
Denn freilich, da wir alles galten,
Da war die rechte goldne Zeit.

PARVENÜ:

Wir waren wahrlich auch nicht dumm
Und taten oft, was wir nicht sollten;
Doch **jetzo** kehrt sich alles um und um,
Und eben da wir's fest erhalten wollten.

AUTOR:

Wer mag wohl überhaupt jetzt eine Schrift
Von mäßig klugem Inhalt lesen!
Und was das liebe junge Volk betrifft,
Das ist noch nie so naseweis gewesen.

MEPHISTOPHELES,

der auf einmal sehr alt erscheint:

Zum Jüngsten Tag fühl ich das Volk gereift,
Da ich zum letztenmal den Hexenberg ersteige,
Und weil mein Fäßchen trübe läuft,

В народе, как у женщин тоже,
Всегда лишь молодость играет роль.

МИНИСТР:

Сейчас от правды слишком далеко,
Не как в то золотое время,
Как мы несли почета бремя.
Хвалю я все же стариков.

ПАРВЕНЮ:

Мы тоже не были дурны,
Творили часто, что запретно.
Но счас так изменения сильны,
Где мы сдержать хотели все заветно.

АВТОР:

Вообще ничто же не читается
С чуть-чуть хоть умным содержанием!
А что же молодежь касается,
Так не была дерзка она сознанием.

МЕФИСТОФЕЛЬ

который враз представляется очень старым:

К скончанью Света уж народ созрел,
Так как в последний раз я на шабаш поднялся
И котелок мой помутнел,

So ist die Welt auch auf der Neige.

TRÖDELHEXE:

Ihr Herren, geht nicht so vorbei!

Laßt die Gelegenheit nicht fahren!

Aufmerksam blickt nach meinen Waren,

Es steht dahier gar mancherlei.

Und doch ist nichts in meinem Laden,

Dem keiner auf der Erde gleicht,

Das nicht einmal zum tücht'gen Schaden

Der Menschen und der Welt gereicht.

Kein Dolch ist hier, von dem nicht Blut geflossen,

Kein Kelch, aus dem sich nicht in ganz gesunden Leib

Verzehrend heißes Gift ergossen,

Kein Schmuck, der nicht ein liebenswürdig Weib

Verführt, kein Schwert, das nicht den Bund gebrochen,

Nicht etwa hinterrücks den Gegenmann durchstochen.

MEPHISTOPHELES:

Frau Muhme! Sie versteht mir schlecht die Zeiten.

Getan, geschehn! Geschehn, getan!

Verleg Sie sich auf Neuigkeiten!

Nur Neuigkeiten ziehn uns an.

FAUST:

Daß ich mich nur nicht selbst vergesse!

То и весь мир почти скончался.

ВЕДЬМА-СТАРЬЕВЩИЦА:

Не идите мимо, господа!

Вы случая не упускайте!

Товар мой лучше созерцайте,

Найдете все вы здесь тогда.

И все же нет в сей лавке милой,

Того, что не сравнишь с земным,

Что во вреде себя б сравнило

С людским, мирским вредом иным.

Кинжала нет, что не пустил бы крови,

Нет чаши, из которой не испил бы яд

Убийственный иной здоровый,

Убора нет, что девиц целый ряд

Не совратил, меча нет, что не предал,

Удар противнику бы в спину что не ведал.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ах тетушка! Она не знает время.

Что сделано, то свершено!

Ей к новому смениться бремя!

А нас влечет же лишь оно.

ФАУСТ:

Чтоб самому не забываться!

Heiß' ich mir das doch eine Messe!

MEPHISTOPHELES:

Der ganze Strudel strebt nach oben;
Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben.

FAUST:

Wer ist denn das?

MEPHISTOPHELES:

Betrachte sie genau!

Lilith ist das.

FAUST:

Wer?

MEPHISTOPHELES:

Adams erste Frau.

Nimm dich in acht vor ihren schönen Haaren,
Vor diesem Schmuck, mit dem sie einzig prangt.
Wenn sie damit den jungen Mann erlangt,
So läßt sie ihn so bald nicht wieder fahren.

FAUST:

Da sitzen zwei, die Alte mit der Jungen;
Die haben schon was Rechts gesprungen!

MEPHISTOPHELES:

Das hat nun heute keine Ruh.

Должно все это службой зваться!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Вся коловерть прет на вершину.

Ты думал двигать, будешь ей подвинут.

ФАУСТ:

А это кто?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ей насмотрись сполна!

Лилит то.

ФАУСТ:

Кто?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Адамова жена.

С ее будь осторожен волосами,

Ее то украшение одно.

Коль молодого привлечет оно,

Так быстро он не будет снова с нами.

ФАУСТ:

Сидят там двое, стара с молодою.

Они, взорвали все устои!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Покоя здесь сегодня нет.

Es geht zum neuen Tanz, nun komm! wir greifen zu.

FAUST *mit der Jungen tanzend:*

Einst hatt ich einen schönen Traum;
Da sah ich einen Apfelbaum,
Zwei schöne Äpfel glänzten dran,
Sie reizten mich, ich stieg hinan.

DIE SCHÖNE:

Der Äpfelchen begehrt ihr sehr,
Und schon vom Paradiese her.
Von Freuden fühl ich mich bewegt,
Daß auch mein Garten solche trägt.

MEPHISTOPHELES *mit der Alten:*

Einst hatt ich einen wüsten Traum;
Da sah ich einen **gespaltnen Baum**,
Der hatt ein ungeheures Loch;
So groß es war, gefiel mir's doch.

DIE ALTE:

Ich biete meinen besten Gruß
Dem Ritter mit dem Pferdefuß!
Halt Er einen rechten Pfropf bereit,
Wenn Er das große Loch nicht scheut.

Вновь танец, мы пойдем покажем им балет.

ФАУСТ, *танцуя с молодой*:

Однажды зрел я чудный сон.

Одной был яблоней пленен,

На ней два яблочка узрев,

Я на нее тут же и взлез.

КРАСАВИЦА:

Хотели яблочек очень вы,

Еще из райской той поры,

И дух во мне тому так рад,

Что дарит тоже их мой сад.

МЕФИСТОФЕЛЬ *со старой*:

Однажды зрил я жуткий сон.

В нем старым деревом **был привлечен**,

Дыра была огромна в нем.

Все ж мне понравилась при том.

СТАРУХА:

Я шлю вам лучший мой привет,

Копытом кто свой метит след!

Пробка впрямь твоя стоит горой,

Коль страха нет пред той дырой.

PROKTOPHANTASMIST:

Verfluchtes Volk! was untersteht ihr euch?
Hat man euch lange nicht bewiesen:
Ein Geist steht nie auf ordentlichen Füßen?
Nun tanzt ihr gar, uns andern Menschen gleich!

DIE SCHÖNE *tanzend*:

Was will denn der auf unserm Ball?

FAUST *tanzend*:

Ei! der ist eben überall.
Was andre tanzen, muß er schätzen.
Kann er nicht jeden Schritt beschwätzen,
So ist der Schritt so gut als nicht geschehn.
Am meisten ärgert ihn, sobald wir vorwärts gehn.
Wenn ihr euch so im Kreise drehen wolltet,
Wie er's in seiner alten Mühle tut,
Das hieß' er allenfalls noch gut;
Besonders wenn ihr ihn darum begrüßen solltet.

PROKTOPHANTASMIST:

Ihr seid noch immer da! nein, das ist unerhört.
Verschwindet doch! Wir haben **ja aufgeklärt!**
Das Teufelspack, es fragt nach keiner Regel.
Wir sind so klug, und dennoch spukt's in Tegel.
Wie lange hab ich nicht am Wahn hinausgekehrt,

ПРОКТОФАНТАЗМИСТ:

Народ проклятый, подлежит что вам?

Давно вам то не доказали:

Ног правильных у духов нет для зала?

Танцуете уже подобно нам!

КРАСАВИЦА, *танцующая*:

Что хочет этот на балу!

ФАУСТ, *танцующий*:

Ай! Он несет везде хулу.

Глазеть на танцы его гложет.

Коль шаг он оболтать не сможет,

То шаг ему тот вовсе не пройден.

Всего же больше злит: коль мы вперед идём.

Коль вы хотели б так в кругу крутиться,

Как сам он в старой мельнице своей,

Зачлось бы в плюс вам то скорей.

Особо если вы должны пред ним склониться.

ПРОКТОФАНТАЗМИСТ:

Еще вы здесь! Что за неслыханный афронт.

Пошли прочь! Просвещенье ж **со всех сторон!**

Не знают черти правил поведенья.

Мы так умны, а в Тегле привиденья.

Как долго бред я здесь не выметал бы вон,

Und nie wird's rein; das ist doch unerhört!

DIE SCHÖNE:

So hört doch auf, uns hier zu ennuyieren!

PROKTOPHANTASMIST:

Ich sag's euch Geistern ins Gesicht:

Den Geistesdespotismus leid ich nicht;

Mein Geist kann ihn nicht exerzieren.

Es wird fortgetanzt.

Heut, seh ich, will mir nichts gelingen;

Doch eine Reise nehm ich immer mit

Und hoffe noch vor meinem letzten Schritt,

Die Teufel und die Dichter zu bezwingen.

MEPHISTOPHELES:

Er wird sich gleich in eine Pfütze setzen,

Das ist die Art, wie er sich soulagiert,

Und wenn Blutegel sich an seinem Steiß ergetzen,

Ist er von Geistern und von Geist kuriert.

Zu Faust, der aus dem Tanz getreten ist.

Was lässest du das schöne Mädchen fahren,

Das dir zum Tanz so lieblich sang?

FAUST:

Ach! mitten im Gesange sprang

Не будет чисто. Это же афронт!

КРАСАВИЦА:

Уж перестань пытаться нас здесь ты скукой!

ПРОКТОФАНТАЗМИСТ:

Вам, духам, я скажу, не вру:

Мне духа деспотизм не по нутру.

Мой дух уймет его лишь с мукой.

Танец продолжается.

Сегодня мне лишь пораженья.

Все ж к путешествию всегда готов,

Пред тем же верю я без лишних слов,

В чертей и всех поэтов укрощенье.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Сейчас он сядет в лужу недалече,

Успокоенье так находит он,

От духов и ума он есть тогда излечен,

Коль зад его пиявками полон.

К Фаусту, который перестал танцевать.

Как мог же ты красавицу оставить,

Что к танцу пела так тебе?

ФАУСТ:

Ах! Стало мне не по себе,

Ein rotes Mäuschen **ihr aus dem Munde**.

MEPHISTOPHELES:

Das ist was Rechts! das nimmt man nicht genau;
Genug, die Maus war doch nicht grau.
Wer fragt darnach in einer Schäferstunde?

FAUST:

Dann sah ich –

MEPHISTOPHELES: Was?

FAUST: Mephisto, siehst du dort

Ein blasses, schönes Kind allein und ferne stehen?

Sie schiebt sich langsam nur vom Ort,

Sie scheint mit geschloßenen Füßen zu gehen.

Ich muß bekennen, daß mir deucht,

Daß sie dem guten Gretchen gleicht.

MEPHISTOPHELES:

Laß das nur stehn! dabei wird's niemand wohl.

Es ist ein Zauberbild, ist leblos, ein Idol.

Ihm zu begegnen, ist nicht gut;

Vom starren Blick erstarrt des Menschen Blut,

Und er wird fast in Stein verkehrt,

Von der Meduse hast du ja gehört.

FAUST:

Fürwahr, es sind die Augen einer Toten,
Die eine liebende **Hand nicht schloß**.
Das ist die Brust, die Gretchen mir geboten,
Das ist der süße Leib, den ich genoß.

MEPHISTOPHELES:

Das ist die Zauberei, du leicht verführter Tor!
Denn jedem kommt sie wie sein Liebchen vor.

FAUST:

Welch eine Wonne! welch ein Leiden!
Ich kann von diesem Blick nicht scheiden.
Wie sonderbar muß diesen schönen Hals
Ein einzig rotes Schnürchen schmücken,
Nicht breiter als ein Messerrücken!

MEPHISTOPHELES:

Ganz recht! ich seh es ebenfalls.
Sie kann das Haupt auch unterm Arme tragen,
Denn Perseus hat's ihr abgeschlagen.
Nur immer diese Lust zum Wahn!
Komm doch das Hügelchen heran,
Hier ist's so lustig wie im Prater;
Und hat man mir's nicht angetan,
So seh ich wahrlich ein Theater.

ФАУСТ:

И впрямь, глаза какой-то вижу мертвой,
Что не закрыты **родной рукой**,
И грудь, что Гретхен принесла мне в жертву,
И тело, что любить дала порой.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

То ж волшебство, легко ты сблаженный глупец!
Оно для всех же их любви венец.

ФАУСТ:

Что за восторг! Что за страданье!
Мне этот взгляд, как с ней свиданье.
Как странно красит чудну шею он,
Шнур красный тот, один лишь в мире,
Что лезвия ножа не шире.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

И впрямь! Я тот же вижу сон.
Она ж носить главу в подмышке может,
Персей ее срубил ей тоже.
Всегда желаете вы бред!
На холм иди за мною вслед,
Ведь тут, как в Пратере, веселье.
Коль воспрятье мне не врет,
Увижу я в театре зрелье.

Was gibt's denn da?

SERVIBILIS: Gleich fängt man wieder an.

Ein neues Stück, das letzte Stück von sieben.

So viel zu geben ist allhier der Brauch.

Ein Dilettant hat es geschrieben,

Und Dilettanten spielen's auch.

Verzeiht, ihr Herrn, wenn ich verschwinde;

Mich dilettiert's, den Vorhang aufzuziehn.

MEPHISTOPHELES:

Wenn ich euch auf dem Blocksberg finde,

Das find ich gut; denn da gehört ihr hin.

Что тут дают?

СЕРВИБИЛИС: Сейчас опять начнет
Спектакель новый, из семи последний.
Давать так много – это здесь обряд.
Написан дилетантом средним,
Играют дилетанты в ряд.
Коль я исчезну, нету речи –
Мне дилетантса занавес поднять.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Коль я вас на Блоксберге встречу,
Я буду рад. Вам место там опять.

WALPURGISNACHTSTRAUM

oder Oberons und Titanias goldne Hochzeit

Intermezzo

THEATERMEISTER:

**Heute ruhen wir einmal,
Miedings wackre Söhne.
Alter Berg und feuchtes Tal,
Das ist die ganze Szene!**

HEROLD:

**Daß die Hochzeit golden sei,
Solln funfzig Jahr sein vorüber;
Aber ist der Streit vorbei,
Das golden ist mir lieber.**

OBERON:

**Seid ihr Geister, wo ich bin,
So zeigt's in diesen Stunden;
König und die Königin,
Sie sind aufs neu verbunden.**

PUCK:

**Kommt der Puck und dreht sich quer
Und schleift den Fuß im Reihen;**

СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ

или золотая свадьба Оберона и Титании

Интермеццо

ТЕАТРМЕЙСТЕР:

**Отдыхаем седни мы,
Дети Мидинговы.
Мокрый дол, и склон горы,
Для сцены всей готовы!**

ГЕРОЛЬД:

**Свадьбе быть чтоб золотой,
Жить пятьдесят лет двум надо.
Под конец же жизни той,
Мы золотому рады.**

ОБЕРОН:

**Коль вы духи есть при сем,
Так покажите это.
Королева с королем,
Они поновой вместе.**

ПУК:

**Пук придет стать поперек,
И в ряд волочит ногу.**

Hundert kommen hinterher,
Sich auch mit ihm zu freuen.

ARIEL:

Ariel bewegt den Sang
In himmlisch reinen Tönen;
Viele Fratzen lockt sein Klang,
Doch lockt er auch die Schönen.

OBERON:

Gatten, die sich vertragen wollen,
Lernen's von uns beiden!
Wenn sich zweie lieben sollen,
Braucht man sie nur zu scheiden.

TITANIA:

Schmolzt der Mann und grillt die Frau,
So faßt sie nur behende,
Führt mir nach dem Mittag sie,
Und ihn an Nordens Ende.

ORCHESTER TUTTI. *Fortissimo:*

Fliegenschnauz und Mückennas
Mit ihren Anverwandten,
Frosch im Laub und Grill im Gras,
Das sind die Musikanten!

Сотни явятся с ним в срок,

Чтоб ликовать в подмогу.

АРИЭЛЬ:

Ариэль поет всегда

В тонах небесно-сложных.

Много рож влечет сюда,

Но и красивых тоже.

ОБЕРОН:

Пары хотите коль жить в дружбе,

Зрите наше счастье!

Коль любить друг друга нужно,

Их развести сейчас же.

ТИТАНИЯ:

Муж надут, бранит жену,

Решит она проворно,

Мне послать ее ко сну,

Его куда угодно.

ОРКЕСТР ТУТТИ. *Фортиссимо:*

Муха с комаром в главе

Со всей родней их главной,

Жаба и кузнец в траве –

Вот музыканты славны.

SOLO:

Seht, da kommt der Dudelsack!

Es ist die Seifenblase.

Hört den Schnekeschnickeschnack

Durch seine stumpfe Nase.

GEIST, DER SICH ERST BILDET:

Spinnenfuß und Krötenbauch

Und Flügelchen dem Wichtchen!

Zwar ein Tierchen gibt es nicht,

Doch gibt es ein Gedichtchen.

EIN PÄRCHEN:

Kleiner Schritt und hoher Sprung

Durch Honigtau und Düfte;

Zwar du trippelst mir genug,

Doch geh's nicht in die Lüfte.

NEUGIERIGER REISENDER:

Ist das nicht Maskeradenspott?

Soll ich den Augen trauen,

Oberon, den schönen Gott,

Auch heute hier zu schauen?

ORTHODOX:

Keine Klauen, keinen Schwanz!

СОЛО:

Глянь, волынка к нам спешит!

Пузырь она несносный.

Слышь, хрипит как и сопит

Ее дырявым носом.

ДУХ, КОТОРЫЙ ТОЛЬКО ОБРАЗУЕТСЯ:

Паука ног, пузо жаб

И крылышки для гнома!

Зверя нет такого хоть,

Зато стишок готовый.

ПАРОЧКА:

Малый шаг, прыжок высок

Через нектар и запах.

Семенишь ты, как мешок,

Но не вздымай на лапах.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК:

Иль маскарада шутка то?

Глазам своим я верю ль,

Оберон, прекрасный бог,

Узрю ль тебя я в меру?

ОРТОДОКС:

Ни когтей нет, ни хвоста!

Doch bleibt es außer Zweifel:
So wie die Götter Griechenlands,
So ist auch er ein Teufel.

NORDISCHER KÜNSTLER:

Was ich ergreife, das ist heut
Fürwahr nur skizzenweise;
Doch ich bereite mich beizeit
Zur italien'schen Reise.

PURIST:

Ach! mein Unglück führt mich her:

Wie wird nicht hier geludert!
Und von dem ganzen Hexenheer
Sind zweie nur gepudert.

JUNGE HEXE

Der Puder ist so wie der Rock
Für alt' und graue Weibchen,
Drum sitz ich nackt auf meinem Bock
Und zeig ein derbes Leibchen.

MATRONE:

Wir haben zu viel Lebensart,
Um hier mit euch zu maulen!
Doch hoff ich, sollt ihr jung und zart,

Сомнений все же нету:
Как боги Греции тогда,
Так тоже черт и этот.

СЕВЕРНЫЙ ХУДОЖНИК:
За что берусь сегодня я,
То, вправду, лишь наброски,
Но я же собираюсь
В Италию ехать в гости.

ПУРИСТ:

Ах! Я по-несчастью здесь:
Как все же здесь распутно!
Из ведьм-участниц, что тут есть,
Лишь две покрыты пудрой.

МОЛОДАЯ ВЕДЬМА:
Ах пудра, я скажу во зле,
Для старых, поседелых,
Так что скачу я на козле
Нагой с развратным телом.

МАТРОНА:

Манер имеем много мы,
Чтоб с вами здесь ругаться!
Так, как вы есть – юны, нежны,

So wie ihr seid, verfaulen.

KAPELLMEISTER:

Fliegenschnauz und Mückennas

Umschwärmt mir nicht die Nackte!

Frosch im Laub und Grill im Gras,

So bleibt doch auch im Takte!

WINDFAHNE *nach der einen Seite:*

Gesellschaft, wie man wünschen kann;

Wahrhaftig lauter Bräute!

Und Junggesellen, Mann für Mann,

Die hoffnungsvollsten Leute!

WINDFAHNE *nach der andern Seite:*

Und tut sich nicht der Boden auf,

Sie alle zu verschlingen,

So will ich mit behendem Lauf

Gleich in die Hölle springen.

XENIEN:

Als Insekten sind wir da,

Mit kleinen scharfen Scheren,

Satan, unsern Herrn Papa,

Nach Würden zu verehren.

Должны вы разлагаться.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР:

Муха с комаром в главе,

Не кучтесь вокруг голой!

Жаба и кузнец в траве,

Держитесь такта в соло!

ФЛЮГЕР *с одной стороны:*

Здесь общество, что лучше нет.

И впрямь одни невесты!

И бобылям преклонных лет

Надежда в этом месте!

ФЛЮГЕР *с другой стороны:*

Коль не развернется земля,

Всех поглотить их чтобы,

Хочу тогда с разбегу я

В Ад прыгнуть враз для пробы.

КСЕНИИ:

Насекомыми мы тут,

Зубастым малым кругом,

Чтобы папу Сатану

Чтить по его заслугам.

HENNINGS:

Seht, wie sie in gedrängter Schar
Naiv zusammen scherzen!
Am Ende sagen sie noch gar,
Sie hätten gute Herzen.

MUSAGET:

Ich mag in diesem Hexenheer
Mich gar zu gern verlieren;
Denn freilich diese wüßt ich eh‘r
Als Musen anzuführen.

CI-DEVANT GENIUS DER ZEIT:

Mit rechten Leuten wird man was.
Komm, fasse meinen Zipfel!
Der Blocksberg, wie der deutsche Parnaß,
Hat gar einen breiten Gipfel.

NEUGIERIGER REISENDER:

Sagt, wie heißt der steife Mann?
Er geht mit stolzen Schritten.
Er schnopert, was er schnopern kann.
„Er spürt nach Jesuiten.“

KRANICH:

In dem klaren mag ich gern

ХЕНИНГС:

Глянь, как они в густой толпе
Совместно шутят бодро!
В конце все станут еще петь,
Сердца что у них добры.

МУЗАГЕТ:

Люблю я в этом войске ведьм
Теряться с моим пузом.
Я мог бы лучше для них впредь
Ведущим быть как музам.

БЫВШИЙ ГЕНИЙ ВРЕМЕНИ:

Полезный люд – трамплин для нас.
Давай, берись за хвост мой!
И Блоксберг, как немецкий Парнас,
Лишь с вершиной очень плоской.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК:

Кто тот закоснелый там?

По шагу так – элита.
Сопит, как ошалелый сам.
«Он ищет езуитов.»

ЖУРАВЛЬ:

Я ловлю в прозрачном как,

Und auch im trüben fischen;
Darum seht ihr den frommen Herrn
Sich auch mit Teufeln mischen.

WELTKIND:

Ja, für die Frommen, glaubet mir,
Ist alles ein Vehikel,
Sie bilden auf dem Blocksberg hier
Gar manches Konventikel.

TÄNZER:

Da kommt ja wohl ein neues Chor?
Ich höre ferne Trommeln.
„Nur ungestört! es sind im Rohr
Die unisonen Dommeln.“

TANZMEISTER:

Wie jeder doch die Beine lupft!
Sich, wie er kann, herauszieht!
Der Krumme springt, der Plumpe hupft
Und fragt nicht, wie es aussieht.

FIEDLER:

Das haßt sich schwer, das Lumpenpack,
Und gäb sich gern das Restchen;
Es eint sie hier der Dudelsack,

А также в мутном сорте.
И потому набожный так
Вязаться любит с чертом.

ЖИЗНЕЛЮБ:

Набожному все, что ни есть,
Лишь средство продвигаться,
Им повод на Блоксберге здесь
Сектанству предаваться.

ТАНЦОР:

Там новый хор иль это сон?
Я барабаны слышу.
«Спокойно лишь! То в унисон
В трубе поет на крыше.»

ТАНЦМЕЙСТЕР:

Как в танце каждый остолоп
Вихляется, как может!
Неловкий – прыг, кривой же – хоп,
На что же то похоже.

ФИДЛЕР:

Не любят оборванцев как,
Пытаются извести их.
Волынка единит лишь так,

Wie Orpheus‘ Leier **die Bestjen**.

DOGMATIKER:

Ich lasse mich nicht irre schrein,
Nicht durch Kritik noch Zweifel.
Der Teufel muß doch etwas sein;
Wie gäb‘ s denn sonst auch Teufel?

IDEALIST:

Die Phantasie in meinem Sinn
Ist diesmal gar zu herrisch.
Fürwahr, wenn ich das alles bin,
So bin ich heute närrisch.

REALIST:

Das Wesen ist mir recht zur Qual
Und muß mich baß verdrießen;
Ich stehe hier zum erstenmal
Nicht fest auf meinen Füßen.

SUPERNATURALIST:

Mit viel Vergnügen bin ich da
Und freue mich mit diesen;
Denn von den Teufeln kann ich ja
Auf gute Geister schließen.

Орфея лира как **бестий**.

ДОГМАТИК:

Не стану бешено кричать
Из-за критик и драчек.
Черт должен что-то ж означать.
Как был бы черт иначе?

ИДЕАЛИСТ:

Сия фантазья головой
Моей владеет жутко.
Коли и впряду я такой,
То я сегодня шут как.

РЕАЛИСТ:

Мне сущее впрямь мука вся,
Я басом огорчился.
Впервые ощущаю я,
Мой мир уж наклонился.

СВЕРХЕСТЕСТВЕННИК:

Как с удовольствием я здесь
И рад я вместе с ними.
Поскольку, если черти есть,
То й добры духи зримы.

SKEPTIKER:

Sie gehn den Flämmchen auf der Spur
Und glaubn sich nah dem Schatze.
Auf Teufel reimt der Zweifel nur;
Da bin ich recht am Platze.

KAPPELLMEISTER:

Frosch im Laub und Grill im Gras,
Verfluchte Dilettanten!
Fliegenschnauz und Mückennas,
Ihr seid doch Musikanten!

DIE GEWANDTEN:

Sanssouci, so heißt das Heer
Von lustigen Geschöpfen;
Auf den Füßen geht's nicht mehr,
Drum gehn wir auf den Köpfen.

DIE UNBEHÜFLICHEN:

Sonst haben wir **manchen Bissen** erschranzt,
Nun aber Gott befohlen!
Unsere Schuhe sind durchgetanzt,
Wir laufen **auf nackten Sohlen.**

IRRLICHTER:

Von dem Sumpfe kommen wir,

СКЕПТИК:

Идут за огоньками вслед
И верят – близки к кладу.
Сокрыт в любом сомненье черт,
Как раз мне здесь так рады.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕР:

Жаба и кузнец в траве,
Прокляты дилетанты!
Муха с комаром в главе,
Ведь вы же музыканты!

УМЕЛЫЕ:

Сансуси – им имя всем
Веселым тем созданьям.
Ноги не идут совсем,
Так на главу мы станем.

БЕСПОМОЩНЫЕ:

Еще укусы у нас от проныр,
Указ нам Бог, однако!
Стерли, танцуя, подмет до дыр,
Бежим на потертых пятках.

СВЕТЛЯКИ:

Родом из болота мы,

Woraus wir erst entstanden;
Doch sind wir gleich im Reihen hier
Die glänzenden Galanten.

STERNSCHNUPPE:

Aus der Höhe schoß ich her
Im Stern- und Feuerscheine,
Liege nun im Grase quer –
Wer hilft mir auf die Beine?

DIE MASSIVEN:

Platz und Platz! und ringsherum!
So gehn die Gräschen nieder.
Geister kommen, Geister auch,
Sie haben plumpe Glieder.

PUCK:

Tretet nicht so mastig auf
Wie Elefantenkälber,
Und der plumpst‘ an diesem Tag
Sei Puck, der derbe, selber.

ARIEL:

Gab die liebende Natur,
Gab der Geist euch Flügel,
Folget meiner leichten Spur,

Оттуда и таланты.

Но тут, среди этой кутерьмы, –
Блестим мы так галантно.

ЗВЕЗДОПАД:

С высоты влетел сюда
В огне и звездном платье,
Пусть в траве лежит тогда –
Поможет кто здесь встать мне?

МАССИВНЫЕ:

Места! Места нам вокруг!
Траву так топчут к тлену.
Духи, духи идут, вдруг,
На неуклюжих членах.

ПУК:

Не ступайте грубо тут,
Слонята как в той лавке,
Самый неуклюжий Пук,
Тот самый Пук, кто в давке.

АРИЭЛЬ:

Вам природа все дала,
Даровал дух крылья,
Мне идите вслед тогда,

Auf zum Rosenhügel!

ORCHESTER *Pianissimo*:

Wolkenzug und Nebelflor

Erhellen sich von oben.

Luft im Laub und Wind im Rohr,

Und alles ist zerstoben.

К Розенхюгель лильям.

ОРКЕСТР *пианиссимо*:

Облака, тумана шлейф

Пронизанные светом.

Ветер в листьях, в трубах вей,

Все разнеси по Свету.

TRÜBER TAG. FELD

Faust. Mephistopheles.

FAUST:

Im Elend! Verzweifelnd! Erbärmlich auf der Erde lange verirrt und nun gefangen! Als Missetäterin im Kerker zu entsetzlichen Qualen eingesperrt, das holde unselige Geschöpf! Bis dahin! dahin! Verräterischer, nichtswürdiger Geist, und das hast du mir verheimlicht! – Steh nur, steh! wälze die teuflischen Augen ingrimmend im Kopf herum! - Steh und trutze mir durch deine unerträgliche Gegenwart! Gefangen! Im unwiederbringlichen Elend! Bösen Geistern übergeben und der richtenden gefühllosen Menschheit! Und mich wiegst du indes in abgeschmackten Zerstreungen, verbirgst mir ihren wachsenden Jammer und lässt sie hilflos verderben!

MEPHISTOPHELES:

Sie ist die erste nicht.

FAUST:

Hund! abscheuliches Untier! – Wandle ihn, du unendlicher Geist! wandle den Wurm wieder in seine Hundsgestalt, wie er sich oft nächtlicherweile gefiel, vor mir herzutrotten, dem harmlosen Wanderer vor die Füße zu kollern und sich dem niederstürzenden auf die Schultern zu hängen. Wandl' ihn wieder in seine

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ

Фауст. Мефистофель.

ФАУСТ:

В нужде! В отчаянье! В убогости блуждала долго на земле и вот поймана! Как преступница заточена в темницу к страданиям невыносимым, милое, несчастное создание! До туда! Туда! Предательский, недостойный дух, и это ты утаил от меня! – Стой только, стой и гневно вращай чертовскими глазами в голове! Стой и протився мне твоим невыносимым присутствием! Поймана! В безнадежной нужде! Передана злым духам и судящему, бесчувственному человечеству! И в то же время ты убаюкиваешь меня банальными развлечениями, скрываешь от меня ее нарастающее отчаянье и обрекаешь ее беспомощно пропадать!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Она не первая.

ФАУСТ:

Пес! Отвратно чудище! – Преврати его ты, бесконечный дух! Дай этому червю его собачий облик вновь, в каком любил он часто притрусить в ночи ко мне, подкатиться безобидному страннику под ноги и виснуть на плечи падающему. Дай ему его любимый образ, чтобы он ползал на брюхе в песке предо мной,

Lieblingsbildung, daß er vor mir im Sand auf dem Bauch krieche, ich ihn mit Füßen trete, den Verworfenen! – „Die erste nicht!“- Jammer! Jammer! von keiner Menschenseele zu fassen, daß mehr als ein Geschöpf in die Tiefe dieses Elendes versank, daß nicht das erste genügt für die Schuld aller übrigen in seiner windenden Todesnot vor den Augen des ewig Verzeihenden! Mir wühlt es Mark und Leben durch, das Elend dieser einzigen. Du grinsest gelassen über das Schicksal von Tausenden hin!

MEPHISTOPHELES:

Nun sind wir schon wieder an der Grenze unsres Witzes, da, wo euch Menschen der Sinn überschnappt. Warum machst du Gemeinschaft mit uns, wenn du sie nicht durchführen kannst? Willst fliegen und bist vorm Schwindel nicht sicher? Drangen wir uns dir auf, oder du dich uns?

FAUST:

Fletsche deine gefräßigen Zähne mir nicht so entgegen! Mir ekelt's! – Großer, herrlicher Geist, der du mir zu erscheinen würdigtest, der du mein Herz kennest und meine Seele, warum an den Schandgesellen mich schmieden, der sich am Schaden weidet und am Verderben sich letzt?

MEPHISTOPHELES:

Endigst du?

чтоб я его, порочного, попрал ногами! – «Не первая!» –
Страдание! Страдание! Ни одной человеческой душе не охва-
тить, что больше, чем одно создание, вглубь этого страданья
погрузилось, что не первый искупает вину прочих, корчась в
агонии пред глазами вечно Всепрощающего! Меня пробирает до
мозга костей и переворачивает мою жизнь страданье этой един-
ственной. Ты ухмыляешься расслабленно над судьбами тысяч!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Вот мы и снова на грани нашего остроумия, там, где вам, людям,
изменяет разум. Почему ты с нами в обществе, коль ты его
переносить не можешь? Хочешь летать и высоты боишься? Мы
навязались тебе, или ты нам?

ФАУСТ:

Не скаль свои прожорливые зубы на меня! Мне тошно от того! –
Большой, прекрасный дух, ты, кто удостоил меня своим
явленьем предо мною, ты, кто мое сердце и мою душу знает,
зачем приковывать меня к позорному спутнику, который
ущербом сытится и гибелью упивается?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Ты кончил?

FAUST:

Rette sie! oder weh dir! Den gräßlichsten Fluch über dich auf Jahrtausende!

MEPHISTOPHELES:

Ich kann die Bande des Rächers nicht lösen, seine Riegel nicht öffnen. - „Rette sie!“ - Wer war's, der sie ins Verderben stürzte? Ich oder du?

Faust blickt wild umher.

Greifst du nach dem Donner? Wohl, daß er euch elenden Sterblichen nicht gegeben ward! Den unschuldig Entgegnenden zu zerschmettern, das ist so Tyrannenart, sich in Verlegenheiten Luft zu machen.

FAUST:

Bringe mich hin! Sie soll frei sein!

MEPHISTOPHELES:

Und die Gefahr, der du dich aussetzest? Wisse, noch liegt auf der Stadt Blutschuld von deiner Hand. Über des Erschlagenen Stätte schweben rächende Geister und lauern auf den wiederkehrenden Mörder.

FAUST:

Noch das von dir? Mord und Tod einer Welt über dich Ungeheuer! Führe mich hin, sag ich, und befrei sie.

ФАУСТ:

Спаси ее! Или горе тебе! Страшнейшее проклятье тебе на тысячелетия!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я не могу разорвать узы мстителя, открыть его запоры. – «Спаси ее!» – Кто это был, кто ее к гибели привел? Я или ты?

Фауст дико озирается.

Ищешь ты грома? Хорошо, что он вам, убогим смертным, не был дан! Разнести невинного встречного – это способ тиранов освобождаться от неприятностей.

ФАУСТ:

Доставь меня туда! Она должна свободной быть!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

А опасность, которой ты себя подвергаешь? Знай, что на городе еще лежит твоей рукой свершенное убийство. Над могилой убитого еще веют мстительные духи и поджидают вновь возвращающегося убийцу.

ФАУСТ:

Еще и это от тебя? Убийство и смерть одного мира над тобой чудовищем! Веди меня туда, я сказал, и освободи ее.

MEPHISTOPHELES:

Ich führe dich, und was ich tun kann, höre! Habe ich alle Macht im Himmel und auf Erden? Des Türners Sinne will ich umnebeln, bemächtige dich der Schlüssel und führe sie heraus mit Menschenhand! Ich wache, die Zauberpferde sind bereit, ich entführe euch. Das vermag ich.

FAUST:

Auf und davon!

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Я поведу тебя и слушай, что я могу сделать! Есть ли у меня вся власть на небе и на земле? Я могу затуманить чувства привратника, овладей ключами и веди ее рукой человека наружу! Я бдю, волшебные кони готовы, я помогу бежать. Это я могу.

ФАУСТ:

Вперед, туда!

NACHT. OFFEN FELD

*Faust, Mephistopheles, auf schwarzen Pferden
daherbrausend.*

FAUST:

Was weben die dort um den Rabenstein?

MEPHISTOPHELES:

Weiß nicht, was sie kochen und schaffen.

FAUST:

Schweben auf, schweben ab, neigen sich, beugen sich.

MEPHISTOPHELES:

Eine Hexenzunft.

FAUST:

Sie streuen und weihen.

MEPHISTOPHELES:

Vorbei! Vorbei!

НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ

*Фауст, Мефистофель, спешат сюда на
вороньих конях.*

ФАУСТ:

Что ткнут они там эшафота вокруг?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Что там варят, творят не знаю.

ФАУСТ:

Вверх парят, вниз парят, клоняются, кланяются.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Гильдия ведьм.

ФАУСТ:

Они кропят, святят.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Мимо! Мимо!

KERKER

FAUST

*mit einem Bund Schlüssel und einer Lampe,
vor einem eisernen Türchen:*

Mich faßt ein längst entwohnter Schauer,
Der Menschheit ganzer Jammer faßt mich an.
Hier wohnt sie hinter dieser feuchten Mauer,
Und ihr Verbrechen war ein guter Wahn!

Du zauderst, **zu ihr zu gehen!**

Du fürchtest, **sie wiederzusehen!**

Fort! dein Zagen zögert den Tod heran.

Er ergreift das Schloß. Es singt inwendig.

Meine Mutter, die Hur,

Die mich umgebracht hat!

Mein Vater, **der Schelm**,

Der mich gessen hat!

Mein Schwesterlein klein

Hub auf die Bein'

An einem kühlen Ort;

Da ward ich ein schönes Waldvögelein;

Fliege fort, fliege fort!

FAUST aufschließend:

Sie ahnet nicht, daß der Geliebte lauscht,

Die Ketten klirren hört, das Stroh, das rauscht.

ТЕМНИЦА

ФАУСТ *со связкой ключей и лампой*
перед железной дверцей:

Как я охвачен дрожью страждной,
Охвачен всех людей страданьем впредь.

Она живет здесь за стеною влажной,
Ее вина – лишь ослепленье ведь!

Колеблешься к ней идти ты!

Боишься ее не найти там!

Ну же! Робость не отменит ей смерть.

Он берется за замок. Внутри пение.

Шлюха мама моя,

Кто убила меня!

Отец мой, **прохвост**,

Кто забыл меня!

Сестричка мала

Кость подняла

В холодном том мести.

Там лесною пташкой бы я была.

Прочь лети, прочь лети!

ФАУСТ, *отпирая:*

Не знает, что любимый тут стоит,

Цепи звон слышит, сено, что шуршит.

Er tritt ein.

MARGARETE, *sich auf dem Lager verbergend:*

Weh! Weh! Sie kommen. Bitterer Tod!

FAUST *leise:*

Still! Still! ich komme, **dich zu befreien.**

MARGARETE, *sich vor ihn hinwälzend:*

Bist du ein Mensch, so fühle meine Not.

FAUST:

Du wirst die Wächter aus dem Schlafe schreien!

Er faßt die Ketten, sie aufzuschließen.

MARGARETE *auf den Knien:*

Wer hat dir Henker diese Macht

Über mich gegeben!

Du holst mich schon um Mitternacht.

Erbarme dich und laß mich leben!

Ist's morgen früh nicht zeitig **genung?**

Sie steht auf.

Bin ich doch noch so jung, so jung!

Und soll schon sterben!

Schön war ich auch, und das war mein Verderben.

Он входит.

МАРГАРИТА, *прячась на ложе:*

Идут они. О горька смерть!

ФАУСТ *тихо:*

Тиш! Я пришел для **освобожденья.**

МАРГАРИТА, *извиваясь перед ним:*

Коль человек, изволь страданье зреть.

ФАУСТ:

Ты криком вызвешь стражей пробужденье!

Он берет цепи, чтобы открыть их.

МАРГАРИТА *на коленях:*

Палач, тебе кто эту власть

Надо мной представил!

Велишь ты в полночь мне уж встать.

Помилуй, чтоб мне жизнь оставить!

Не время ль утром **идти туда?**

Она встает.

Еще же так я молода!

Для смерти тленье!

Красива я и в том мое паденье.

Nah war der Freund, nun ist er weit;
Zerrissen liegt der Kranz, die Blumen **zerstreut**.
Fasse mich nicht so gewaltsam an!
Schone mich! Was hab ich dir getan?
Laß mich nicht vergebens flehen,
Hab ich dich doch mein Tage nicht gesehen!

FAUST:

Werd' ich den Jammer überstehen!

MARGARETE:

Ich bin nun ganz in deiner Macht.
Laß mich nur erst das Kind noch tränken.
Ich herzt es diese ganze Nacht;
Sie nahmen mir's, um mich zu kränken,
Und sagen nun, ich hätt es umgebracht.
Und niemals werd ich wieder froh..
Sie singen Lieder auf mich! Es ist böß **von den Leuten!**
Ein altes Märchen endigt so,
Wer heißt sie's deuten?

FAUST *wirft sich nieder*:

Ein Liebender liegt dir zu Füßen,
Die Jammerknechtschaft aufzuschließen.

Был близко друг, счас – далеко.
Цветы рассеяны, **бывшие венком.**
Так меня насильно не хватай!
Что я сделала? Пощады дай!
Зря не дай, чтоб умоляла,
Ведь я тебя давно уж не видала!

ФАУСТ:

Когда бы так еще страдал я!

МАРГАРИТА:

Теперь в твоей я власти вся!
Дитя дай покормить сначала.
Всю ночь я с ним ласкалася.
Он отнят, боль мне лишь осталась,
Теперь твердят, его убила я.
Не буду рада никогда.
Они поют уж песни про меня! **Злые люди!**
Конец, как в сказке той, – беда,
Иль это будет?

ФАУСТ *бросается на пол:*

Твой милый у твоих коленей,
Тебя избавлю от мучений.

MARGARETE *wirft sich zu ihm:*

O laß uns knien, die Heil'gen anzurufen!

Sieh! unter diesen Stufen,

Unter der Schwelle

Siedet die Hölle!

Der Böse,

Mit furchtbarem Grimme,

Macht ein Getöse!

FAUST *laut:*

Gretchen! Gretchen!

MARGARETE *aufmerksam:*

Das war des Freundes Stimme!

Sie springt auf. Die Ketten fallen ab.

Wo ist er? ich hab ihn rufen hören.

Ich bin frei! mir soll niemand wehren.

An seinen Hals will ich **fliegen,**

An seinem Busen liegen!

Er rief Gretchen! Er stand auf der Schwelle.

Mitten durchs Heulen und Klappen der Hölle,

Durch den grimmigen, teuflischen Hohn,

Erkannt ich **den süßen, den liebenden Ton.**

FAUST: Ich bin's!

MARGARETE: Du bist's! O sag es noch einmal!

МАРГАРИТА *бросается к нему:*
Давай к святым взывать мы на коленях!
Под эти зри ступени,
Двери где, слева,
Ада там зеву!
Там злой он,
И с яростью грубой,
Гремит и воет!

ФАУСТ *громко:*
Гретхен! Гретхен!

МАРГАРИТА *внимательно:*
Я слышу голос друга!
Она вскакивает. Цепи падают.
Где же он? Его я слышу зовы.
Свободна! Пали мне засовы.
К нему хочу на грудь **взвиться,**
В любви с ним снова слиться!
Он звал Гретхен! Был со мной так рядом.
Сквозь завыванье и гроханье Ада
И сквозь смеха *чертовского звон,*
Узнала зовущий и любимый тон.

ФАУСТ: Я здесь!

МАРГАРИТА: Ты здесь! Скажи еще то раз!

Ihn fassend:

Er ist's! Er ist's! Wohin ist alles Qual?

Wohin sterben die Angst des Kerkers? der Ketten?

Du bist's! Kommst, mich zu retten.

Ich bin gerettet! Schon ist die Straße wieder da,

Auf der ich dich zum ersten Male sah.

Schon ist die Straße wieder da,

Und der heitere Garten,

Wo ich und Marthe deiner warten.

FAUST, *fortstrebend:*

Komm mit! Komm mit!

MARGARETE: O weile!

Weil ich doch so gern, wo du weilest.

Liebkosend.

FAUST:

Eile!

Wenn du nicht eilest

Werden wir's teuer büßen müssen.

MARGARETE:

Wie? du kannst nicht mehr küssen?

Mein Freund, so kurz von mir entfernt,

Und hast's Küssen verlernt?

Warum wird mir an deinem Halse **so bang?**

Трогая его:

Он здесь? Куда исчезла мука враз?

Куда тюрьмы страх? Грохот **кандалный?**

Ты здесь! Принес спасенье.

И я спасенна!

Уж снова улица видна,

Впервой где видела тебя одна.

И тот сад наш у вала,

Тебя где с Мартой поджидала.

ФАУСТ, *стремясь вперед:*

Пойдем! Пойдем!

МАРГАРИТА: Пстой же!

Я там охотно, ты где тоже.

Ласкаясь.

ФАУСТ:

Быстро!

Не поспешишь ты,

Будет нам кара неизбежна.

МАРГАРИТА:

Уж не целуешь нежно?

Мой друг, так близко мне стоит,

Целовать уж претит?

Что мне так страшно здесь, **на груди твоей?**

Wenn sonst von deinen Worten, deinen Blicken
Ein ganzer Himmel **nich überdrang**
Und du mich küßttest, als **wolltest** du mich ersticken.
Küsse mich!

Sonst küß ich dich!

Sie umfaßt ihn.

O weh! **deine Lippen** sind kalt,
Sind stumm.

Wo ist dein Lieben
Geblieben?

Wer brachte mich drum?

Sie wendet sich von ihm.

FAUST:

Komm! Folge mir! **Liebchen, fasse Mut!**

Ich herze dich mit tausendfacher Glut;

Nur folge mir! Ich bitte dich nur dies!

MARGARETE, *zu ihm gewendet:*

Und bist du's denn? Und bist du's auch gewiß?

FAUST:

Ich bin's! Komm mit!

MARGARETE: Du machst die Fesseln los,

Nimmst wieder mich in deinen Schoß.

Wie kommt es, daß du dich vor mir nicht scheust?

Всегда же от твоих речей и взглядов
Сияло небо в душе моей,
Ты целовал, как хотел удушить в отраде.
Лобз' меня!
Иль я тебя!
Она обнимает его.
О боль! **Губы, лед как, хладны,**
Немы.
Твоя где страстность
Осталась?
Украден кем ты?
Она отворачивается от него.

ФАУСТ:
Идем! Любимая, **следуй мне!**
Согрею ты в стократном я огне.
Лишь следуй мне! Прошу я лишь о том!

МАРГАРИТА, *поворачиваясь к нему:*
Иль это ты? Скучала я о ком?

ФАУСТ:
Да, я! Пойдем!
МАРГАРИТА: Освободи от пут,
Меня возьми к себе на грудь.
Нет страха предо мной, страданье лишь?

Und weißt du denn, mein Freund, wen du befreist?

FAUST:

Komm! komm! schon weicht die tiefe Nacht.

MARGARETE:

Meine Mutter hab ich umgebracht,

Mein Kind hab ich ertränkt.

War es nicht dir und mir geschenkt?

Dir auch. – Du bist's! ich glaub es kaum.

Gib deine Hand! Es ist kein Traum!

Deine liebe Hand! – Ach, aber sie ist feucht!

Wische sie ab! Wie mich deucht,

Ist Blut dran.

Ach Gott! was hast du getan!

Stecke den Degen ein,

Ich bitte dich drum!

FAUST:

Laß das Vergangne **vergangen sein,**

Du bringst mich um.

MARGARETE:

Nein, du mußt übrigbleiben!

Ich will dir die Gräber beschreiben,

Für die mußt du sorgen

Иль знаешь ты, кого освободишь?

ФАУСТ:

Пойдем! Уж начало светать!

МАРГАРИТА:

Я ведь погубила свою мать,

Дитя мной утоплён.

Иль он нам не был подарён?

Тебе. – То ты! Не верится.

Дай руку! Сон развеется!

Милая рука! – Но как она ж влажна!

Вытри! В крови она

Расплаты.

Боже! Что же сделал ты!

Шпагу воткни в ножны,

Прошу тебя я!

ФАУСТ:

Оставь же прошлое **прошлым быть,**

То смерть моя.

МАРГАРИТА:

Нет, должен ты остаться!

Могилы хочу описать я,

Уход им ты дашь там

Gleich morgen;
Der Mutter den besten Platz geben,
Meinen Bruder sogleich daneben,
Mich ein wenig beiseit,
Nur nicht gar zu weit!
Und das **Kleine mir** an die rechte Brust.
Niemand wird sonst bei mir liegen! –
Mich an deine Seite zu schmiegen,
Das war ein süßes, ein holdes Glück!
Aber es will mir nicht mehr gelingen;
Mir ist's, als müßt ich mich zu dir zwingen,
Als stießest du mich **von dir zurück;**
Und doch bist du's und blickst so gut, so fromm.

FAUST:

Fühlst du, daß ich es bin, so komm!

MARGARETE:

Dahinaus?

FAUST:

Ins Freie.

MARGARETE: Ist das Grab drauß,

Lauert der Tod, **so komm!**

Von hier ins ewige **Ruhebett**

Прям завтра.
Для матери лучшее место,
Брата рядом там с ней поместишь,
Мне же в стороне чуть,
Не совсем все ж прочь!
А дитя же у правой мне груди.
Но никто со мною рядом!
Наслаждаться твоим лишь взглядом,
То было счастьем моей мечты!
Это больше мне не удастся.
Есть меж нами что-то, мне сдается,
Меня отвергнул как будто ты.
И все ж ты здесь, так добро нам вдвоем.

ФАУСТ:

Меня ты чувствуешь, пойдем!

МАРГАРИТА:

И куда?

ФАУСТ:

К свободе.

МАРГАРИТА: Кладбище там,

Ждет смерть там, так пойдем!

В покоя вечного ту кровать

Und weiter keinen Schritt –

Du gehst nun fort? O Heinrich, könnt ich mit!

FAUST:

Du kannst! So wolle nur! Die Tür steht offen!

MARGARETE:

Ich darf nicht fort; für mich ist nichts zu hoffen.

Was hilft es, fliehn? Sie lauern doch mir auf.

Es ist so elend, betteln **zu müssen**,

Und noch dazu mit bösem **Gewissen!**

Es ist so elend, in der Fremde schweifen,

Und sie werden mich doch ergreifen!

FAUST:

Ich bleibe bei dir

MARGARETE:

Geschwind! Geschwind!

Rette dein armes Kind!

Fort! immer den Weg

Am Bach hinauf,

Über den Steg,

In den Wald hinein,

Links, wo die Planke steht,

Im Teich.

И дальше ни ногой –
Вперед? О Хайнрих, коль могла б с тобой!

ФАУСТ:

Ты можешь! Захоти лишь! Дверь открыта!

МАРГАРИТА:

Я не могу, надежды все зарыты.
Они ж там стерегут. Что толку в том?
Убого так молить, так **проситься**,
К тому же с совестью **злой, нечистой!**
Убого, на чужбине себя прятать,
И они меня все же схватят!

ФАУСТ:

Я буду с тобой.

МАРГАРИТА:

Спеши! Спеши!
Бедно дитя спаси!
Вперед! Путь всегда
Вверх, где поток,
Мост там, туда,
Прямо в лес потом,
Влево, где планка там,
В пруду.

Faß es nur gleich!

Es will sich heben,

Es zappelt noch!

Rette! rette!

FAUST: Besinne dich doch!

Nur einen Schritt, so bist du frei!

MARGARETE:

Wären wir nur den Berg vorbei!

Da sitzt meine Mutter auf einem Stein,

Es faßt mich kalt beim Schopfe!

Da sitzt meine Mutter auf einem Stein

Und wackelt mit dem Kopfe;

Sie winkt nicht, sie nickt nicht, der Kopf ist ihr schwer,

Sie schlief so lange, **sie wacht nicht mehr.**

Sie schlief, damit **wir uns freuten.**

Es waren glückliche **Zeiten!**

FAUST:

Hilft hier kein Flehen, hilft kein Sagen,

So wag ich's, dich hinwegzutragen.

MARGARETE:

Laß mich! Nein, ich leide keine Gewalt!

Fasse mich nicht so mörderisch an!

Sonst hab ich dir ja alles **zulieb getan.**

Я его жду!

Подняться хочет,

Он жив пока!

Выручь! Выручь!

ФАУСТ: Приди в себя-ка!

Один лишь шаг, свободна там!

МАРГАРИТА:

Мимо горы бы только нам!

Тут сидит на камне так моя мать,

Морозом мне по коже!

Тут сидит на камне так моя мать

Качать головой лишь может.

Она не кивает, устала она,

Спала так долго **и ей не встать.**

Спала, чтоб нам **была радость.**

То время, счастья **как сладость!**

ФАУСТ:

Здесь не поможет много речи,

Я должен взять тебя на плечи.

МАРГАРИТА:

Нет! Я не люблю насилья! Оставь!

Не хватай меня, злобный черт как!

Тебя же ради я **сделала все так.**

FAUST:

Der Tag graut! Liebchen! Liebchen!

MARGARETE:

Tag! Ja, es wird Tag! der letzte Tag dringt herein;

Mein Hochzeitstag **sollt es sein!**

Sag niemand, daß du schon bei Gretchen warst.

Weh meinem Kranze!

Es ist eben geschehn!

Wir werden uns **wiedersehn;**

Aber nicht beim Tanze.

Die Menge drängt sich, **man hört sie nicht.**

Der Platz, die Gassen

Können sie nicht fassen.

Die Glocke ruft, das Stäbchen bricht.

Wie sie mich binden **und packen!**

Zum Blutstuhl bin ich schon entrückt.

Schon zuckt nach jedem Nacken

Die Schärfe, die nach meinem zückt.

Stumm liegt die Welt **wie das Grab!**

FAUST:

O wär ich nie geboren!

MEPHISTOPHELES *erscheint draußen:*

Auf! oder ihr seid **verloren.**

ФАУСТ:

День всходит! Ты любима!

МАРГАРИТА:

День! Да будет день! Последний раз солнцу встать.

Он мог днем свадьбы **мне стать!**

Не говори, что ты у Гретхен был.

Венок без шанса!

То случилось как раз!

Мы снова увидим нас.

Но не в нашем танце.

Толпа уж прется, **не слышно их.**

Кругом проулки

Тесны для прогулки.

Уж сломан цептор, шум утих.

Меня хватают **и вяжут!**

Мой эшафот уже стоит.

Топор на шею ляжет,

Палач что для меня точит.

Затих мир, **могила как!**

ФАУСТ:

Я б лучше не родился!

МЕФИСТОФЕЛЬ *появляется снаружи:*

Вперед! Иль ты **провалился.**

Unnützes Zagen! Zaudern und **Plaudern!**

Mein Pferde schaudern,
Der Morgen dämmert auf.

MARGARETE:

Was steigt aus dem Boden herauf?

Der! der! Schick ihn fort!

Was will der an dem heiligen **Ort?**

Er will mich!

FAUST: Du sollst leben!

MARGARETE:

Gericht **Gottes! dir hab ich mich übergeben!**

MEPHISTOPHELES *zu Faust:*

Komm! komm! Ich lasse dich mit ihr im Stich.

MARGARETE:

Dein bin ich, Vater! Rette mich!

Ihr Engel! Ihr heiligen Scharen,

Lagert euch umher, mich zu bewahren!

Heinrich! Mir graut's vor dir.

MEPHISTOPHELES:

Sie ist gerichtet!

STIMME *von oben:* Ist gerettet!

Ненужные сомненья, **болтанья!**

Конь ждет свиданья,

И утро уж встает.

МАРГАРИТА:

От пола здесь что, вдруг, так прет?

Он! Гони его!

Святое место ли для него?

Он смерть ждет!

ФАУСТ: Жизнь желаю!

МАРГАРИТА:

Суд Божий! **Тебе себя я представляю!**

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту:*

Пойдем! Не то в беде оставлю с ней.

МАРГАРИТА:

О Боже! Лишь спаси скорей!

Святые вы ангелов стаи,

Защитите, вокруг меня вы станьте!

Хайнрих! Страх пред тобой.

МЕФИСТОФЕЛЬ:

Смерть ей свершенье!

ГОЛОС *сверху:* Ей спасенье!

MEPHISTOPHELES *zu Faust:* Her zu mir!

Verswindet mit Faust.

STIMME, *von innen, verhallend:*

Heinrich! Heinrich!

МЕФИСТОФЕЛЬ *к Фаусту*: Ну ж за мной!

Исчезает с Фаустом.

ГОЛОС *снизу, ослабевая*:

Хайнрих! Хайнрих!

Сноски:

- ⁱ здесь означает причастность к черным делам – к алхимии
- ⁱⁱ посвященных
- ⁱⁱⁱ здесь – лаборатория алхимика
- ^{iv} У Гёте das Widrige – противоположное; алхимия занималась соединением несоединимого, несовместимого
- ^v Красный лев – в алхимии мужской признак – зашифрованное название серы, а также золота
- ^{vi} Лилия – в алхимии женский признак – зашифрованное название ртути, а также серебра
- ^{vii} Тигли, реторты, в которых проводилось такое соединение – «помолвка», «венчание»
- ^{viii} получаемое в результате алхимических реакций средство, якобы обладавшее всеисцеляющими силами – панацея
- ^{ix} Саламандра – дух огня из германской мифологии
- ^x Ундена – дух воды
- ^{xi} Сильфа – дух воздуха
- ^{xii} Кобольд – дух земли (гном)
- ^{xiii} Инкубус – демон похоти, плотской любви
- ^{xiv} В оригинале – Doktorschmaus – название банкета, который давал получивший звание доктора профессорам, как поясняется в комментариях в средние века (в России до сих пор) Фауст, видимо, был приглашен на такой банкет
- ^{xv} «Логические основы философии» (лат.)

^{xvi} «доступ природы» (лат.) – термин, о котором Гёте говорит с издевкой, перенят им из лекций химика и аптекаря Шпильмана (Jacob Spielmann) прослушанных Гёте в 1770-1771 г.г. в университете Зальцбурга

^{xvii} Медицинское учение Парацельсиуса о связи микрокосмоса (малый мир – человек) и макрокосмоса (большой мир – окружающая среда)

^{xviii} В оригинале «Stammbuch» - каждый студент в то время имел такой дневник, в который профессора могли писать свои замечания и рекомендации.

^{xix} «Вы станете, как Бог, познаете Добро и Зло» (лат.)

^{xx} Имеется ввиду Священная Римская Империя Немецкой нации (962-1806), как наследница Римской Империи и блюстительница Христианства. Геоманский король, выбираемый локальными князьями и королями всех германских земель, получал от Папы Римского корону кайзера и должен был со своей армией защищать Папу и христианство во всем мире – сомнительная честь для немцев ("altdeutsche" Kaiserswürde), стоившая кайзеру много германских денег и крови и из-за которой Германия в течение почти тысячи лет больше занималась делами мира, чем укреплением единого германского государства и оставалась до середины XIX века раздробленной – эта критическая нота звучит здесь у Гёте

^{xxi} очевидно, имеется ввиду реформатор Мартин Лютер и намекается на его благополучие – позднейшую связь с князьями

и осуждение вызванного его же тезисами о реформе церкви
бунта масс

^{xxii} Тут у Зибеля играет чистый, в этом месте не обоснованный патриотизм, поскольку качество рейн-мопельских вин было плохое из-за того, что виноделам из-за налогов (оброков) выгоднее было производить массово, а не качественно. Только после наполеоновских хозяйственных реформ началось производство качественных, позже знаменитых своими вкусовыми качествами рейн-мопельских вин

^{xxiii} В переводе я использую имя Макак для самца макаки. В оригинале Meerkatze и Meerkater – немецкие названия макаки и ее самца дословно «морская кошка» и «кот», которых Гёте сам в дальнейшем называет «кошка» и «кот»

^{xxiv} В древнегреческой, -римской и средневековой мифологии прорицательница, достойная женщина. В 18 веке в немецком просторечье приобрело дополнительное значение «страшная, старая баба, ведьма» поэтому двусмысленный во всем Мефистофель обращается так к ведьме, да еще с двусмысленной приправой «отличная».